

СГ 4(51)
С 38

СИОНИЗМ

ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

СИОНИЗМ-
ЭТО ФОРМА РАСИЗМА
И РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

*Из резолюции
Генеральной Ассамблеи
ООН*

65 коп.

СИОНИЗМ ▽

ПРАВДА И ВЫМЫСЛЫ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

▼

Выпуск 3

Перевод с разных языков

Под общей редакцией
Е. ЕВСЕЕВА

Москва
Прогресс
1983

Составитель Б. Г. БАННОВ, кандидат исторических наук

Редактор И. В. ТИМОФЕЕВ

Редакция литературы по международным отношениям

© Составление, перевод на русский язык, и послесловие —
издательство «Прогресс», 1983

С $\frac{11104-322}{006(01)-83}$ КБ 15-53-83

0801000000

В 1980 году в издательстве «Прогресс» вышел второй выпуск сборника «Сионизм — правда и вымыслы», посвященного критике идеологии и политической практики международного сионизма. Представленные в сборнике документы и материалы Коммунистической партии Израиля, статьи зарубежных ученых и публицистов, резолюции ООН дали возможность широкому кругу советских читателей лучше увидеть и понять подлинную сущность сионизма, истинный характер агрессивной расистской политики израильских правящих кругов.

Предлагаемая вниманию читателей новая книга «Сионизм — правда и вымыслы» представляет собой третий выпуск сборника, посвященного той же теме.

Вторжение израильской военщины в Ливан летом — осенью 1982 года еще раз раскрыло международной общественности человеконенавистническую сущность сионизма, его реакционную роль на политической арене. Кровавая бойня, учиненная сионистами в Бейруте, лишила иллюзий даже тех людей на Западе, которые верили измышлениям израильской пропаганды об «оборонительном характере» действий преступной клики Бегина — Шарона, обнажила тот страшный факт, что одним из главных методов, используемых сионизмом для достижения его политических целей, является геноцид. В этих условиях еще более актуальной становится задача разоблачения сионизма, особенно если учесть возросшую активность, которую проявляют сионистские пропагандистские центры, стремящиеся дезинформировать общественность, выдать сионизм за «еврейское национально-освободительное движение», выставить его в образе «культурного», «демократического» течения среди еврейского населения.

В действительности сионизм был и остается формой расизма, опасным орудием агрессивных империалистических кругов в борьбе против социалистического содружества, международного рабочего движения, национально-освободительного движения народов. На Ближнем Востоке сионизм выступает в роли жандарма американского империализма и в то же время стремится обеспечить господство «Великого Израиля» над соседними странами.

Настоящий сборник состоит из трех разделов. В первом собраны материалы, раскрывающие вероломный, агрессивный характер израильского вторжения в Ливан, преступные планы тель-авивской верхушки по уничтожению Организации освобождения Палестины, расчленению Ливана и ряда соседних государств, фактическое соучастие США в израильской агрессии, преднамеренный характер чинившегося в Ливане геноцида.

Второй раздел сборника посвящен разоблачению преступлений сионистов против мирных ливанских и палестинских жителей. Свидетельства очевидцев — журналистов, врачей, работников Международного Красного Креста — воссоздают страшную картину кровавой оргии, устроенной израильской военщиной в Бейруте и других ливанских городах, в лагерях палестинских беженцев.

В третий раздел сборника вошли материалы, вскрывающие механизм фашизации правящей верхушки государства Израиль — опасного процесса, на который в течение нескольких последних лет настойчиво обращают внимание мировой общественности израильские коммунисты.

Все материалы сборника принадлежат перу зарубежных авторов, большинство статей на русском языке публикуется впервые. В целях компактности издания и исключения повторений переводы ряда материалов даются с некоторыми сокращениями.

Раздел I
ПО ПУТИ АГРЕССИИ
И ГЕНОЦИДА

РАЗОРВАТЬ ПОРОЧНЫЙ КРУГ КРОВОПРОЛИТИЙ *

Геноцид, «окончательное решение», «новый порядок» — терминология, воскрешающая в памяти преступные деяния нацистов. Но ныне она употребляется применительно к политике правящих сионистских кругов Израиля. И это абсолютно правомерно. Между теми и другими при всех различиях существует несомненное родство. Оно — в оголтелом расизме, необузданной агрессивности, курсе на захват чужих земель и физическое уничтожение целых народов, в данном случае палестинского. Сходство и в стремлении добиться «окончательного решения» проблемы — на сей раз палестинской, навязать другим свой «новый порядок» — сегодня Ливану, а завтра Сирии, Иордании и т. д.

Злодеяния сионистских агрессоров на ливанской земле стоят в одном ряду со зверствами фашистов в период второй мировой войны. Новое леденящее кровь свидетельство тому — массовая резня в лагерях палестинских беженцев в Западном Бейруте, учиненная по приказу ответственных израильских лиц. Это чудовищное преступление обозначило новую фазу агрессивной войны в Ливане, превращающей израильтян в угнетателей и оккупантов.

АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Война, как известно, есть продолжение политики иными, военными средствами. Поэтому, чтобы правильно оценить характер любой войны, следует установить ее мотивы, политические цели.

И раньше сионистская верхушка Израиля не развязывала агрессии в одиночку — будь то в 1956 или

* Статья была опубликована в журнале «Проблемы мира и социализма», 1982, № 11.

1967 году. Первая была англо-франко-израильской, вторая — американо-израильской. Но тогда империалисты пытались маскировать свое соучастие в организации и проведении агрессивных акций, стремились скрыть предварительные приготовления и договоренности. Факты об этом становились достоянием гласности лишь с течением времени. Без военной, экономической и политической поддержки крупнейшего империалистического государства (или нескольких империалистических государств) правящие сионистские круги никогда бы не смогли вести широкомасштабную войну. Несмотря на манию величия, которой одержимы правительство «Ликуда»*, а также поддерживающие его деятели группировки «Маарах»**, Израиль — отнюдь не великая держава. Уберите американские самолеты «F-15» и «F-16», которыми оснащены израильские ВВС, американские двигатели для авиации «израильского производства», американские кредиты и субсидии Тель-Авиву (в сумме превышающие кредиты и субсидии Вашингтона всем другим государствам). Уберите вето, которое делегат США в Совете Безопасности наложил на проект резолюции по вопросу о войне в Ливане, предложенный союзником по НАТО — Францией (беспрецедентный случай!). Вдумайтесь в то обстоятельство, что на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинской проблеме США опять встали на сторону своего израильского партнера, оказавшись вместе с ним единственными, кто голосовал против поддержанной 147 государствами резолюции с осуждением кровавой расправы над жителями Западного Бейрута. И тогда предстанет взору истинная величина Израиля.

Между прошлыми войнами (1956 и 1967 гг.) и нынешней есть, однако, существенное различие: в последнем случае сговор с самого начала ни для кого не был секретом. Рейгановская администрация открыто встала на сторону правительства Бегина — Шарона, во всеуслышание выступила с оправданием развязанной им агрессии. Израильский министр М. Зипори прямо заявил в дни войны: «Никогда еще Израиль не получал

* Блок крайне правых партий и групп. — *Прим. ред.*

** В ее состав входят Партия труда Израиля (МАИ) и Объединенная рабочая партия (МАПАМ). — *Прим. ред.*

от Соединенных Штатов такую поддержку, как сейчас» *. Обозреватели отмечали, что американцы добились достижения в ходе войны в Ливане тех же целей, которые ставили израильские агрессоры, но политическими средствами **. Миссия Ф. Хабиба, эмиссара Рейгана, и состояла в том, чтобы дополнить вооруженную агрессию дипломатическим наступлением, оказать давление на Организацию освобождения Палестины (ООП), демократические силы в Ливане и Сирию.

Небезынтересно мнение, высказанное на страницах газеты «Давар» по поводу американо-израильского сотрудничества в войне против палестинского и ливанского народов. Критикуя Вашингтон, который-де отказался зажечь перед израильской армией «зеленый свет» для штурма Бейрута, чего добивались Бегин и Шарон, и заставил ее какое-то время поддерживать состояние «блокады без вторжения» ***, автор статьи, Х. Эшед, утверждал, что такие действия идут вразрез с договоренностью между Соединенными Штатами и Израилем относительно реализации «гранд-программы» агрессии. Он писал: «Американцы публично определили максимальные цели войны в Ливане, которую ведет Израиль. Но они не дали ему осуществить военное решение, представляющее собой неременное условие достижения этих целей» ****.

* «Ал Гамишмар», 11 июля 1982 года (на языке иврит).

** См., например, «Давар», 24 июня 1982 года (на языке иврит).

*** Последующие события убедительно продемонстрировали всю призрачность расхождений между Тель-Авивом и Вашингтоном по данному и другим подобным ему вопросам. Не желая обречь на гибель мирное население ливанской столицы, которую озлобившиеся интервенты вознамерились сровнять с землей, палестинские отряды покинули Западный Бейрут. И тогда в него ворвались израильские войска, свершилось кровавое злодеяние — массовая резня палестинских беженцев. При этом были вероломно нарушены договоренности, достигнутые при посредничестве американского эмиссара Ф. Хабиба. Данные Соединенными Штатами гарантии безопасности мирных жителей Бейрута оказались пустой бумажкой. Весь мир содрогнулся, узнав о новом чудовищном преступлении агрессора и его подручных. А за океаном не нашли даже слов осуждения для тех, кто хладнокровно убивал женщин и детей.

**** «Давар», 13 июля 1982 года.

Да, именно Вашингтон наметил максимальные цели операции, которые были поддержаны Израилем. Складывается, таким образом, следующая картина: наличие согласованных, далеко идущих общих задач и определенных тактические разногласия в отношении путей их осуществления. Правительство Бегина — Шарона делает упор на повсеместное применение военных методов. Соединенные Штаты не против этого, однако им приходится время от времени принимать в расчет воздействие своей политики на арабский мир, ее международные последствия, а также состояние отношений с союзниками по НАТО. Потому иногда между соучастниками преступной акции в Ливане возникали споры: можно ли достичь поставленных максимальных целей дипломатическими средствами, служащими как бы продолжением военных действий, или же надо переходить к последующим этапам вооруженной агрессии в Бейруте, на севере Ливана и даже в отношении Сирии. Вашингтон, как уже отмечалось, в принципе был не против эскалации интервенции, но не исключал и возможность использования услуг дипломатии, размахивая одновременно дубинкой возможного продолжения военных операций.

ЛИВАНСКАЯ АВАНТЮРА — ПРЯМОЕ СЛЕДСТВИЕ КЭМП-ДЭВИДСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Военно-политическая ситуация в Ливане и на Ближнем Востоке, ход событий на международной арене полностью подтверждают оценку обстановки, которую дала наша партия сразу же после разбойного вторжения Израиля на ливанскую территорию. Коммунисты указывали, что это не только израильская, но и израильско-американская, а точнее, американо-израильская агрессия.

Война против палестинского и ливанского народов, провокация в отношении Сирии отнюдь не изолированные акции. Это — важное звено глобальной агрессивной политики империализма, принявшей особо опасный размах с приходом в Белый дом Р. Рейгана. Взяв курс на подрыв международной разрядки, чреватый возвращением к «холодной войне». Пытаясь ее разжечь, нынешняя американская администрация одновременно не упускает случая, чтобы раздуть пламя «горячих» кон-

фликтов локального и регионального масштабов. Правящие спонистские круги несут вину перед историей за свое пособничество наиболее агрессивным империалистическим силам. Добиваясь — с помощью империализма США — ликвидации национального существования арабского народа Палестины, эти круги готовы пойти на любое преступление, они не останавливаются даже перед тем, чтобы сыграть роль фитиля, который может зажечь пламя мирового пожара.

Американо-израильская агрессия в Ливане стала одним из опаснейших последствий кэмп-дэвидских соглашений между Египтом, Израилем и США. Для любого непредубежденного наблюдателя с самого начала было очевидно, что соглашения знаменуют создание агрессивного стратегического блока, нацеленного против арабского национально-освободительного движения, в первую очередь против борьбы палестинского народа и его представителя — ООП. В более широком плане Кэмп-Дэвид имеет антисоветскую направленность, обращен против всех сил прогресса и социализма. Этот сговор непосредственно служит замыслам американского империализма, который, добиваясь военно-политического господства над районом, расположенным в непосредственной близости от советских границ, стремится подавить в нем всякое прогрессивное движение, борьбу за национальное и социальное освобождение.

В то время когда еще шли почти открытые на сей раз приготовления к давно спланированной ливанской операции, израильская пресса указывала на увязку этой авантюры с более широкими кэмп-дэвидскими планами. Военный обозреватель газеты «Гаарец» З. Шиф писал: «...Кто правильно вчитывается в слова Шарона, понимает, что цель не в том, чтобы провести еще одну операцию «Литани» *. Цель в том, чтобы уничтожить военную и политическую структуру ООП и даже создать в Ливане благоприятную ситуацию для формирования нового правительства, которое бы подписало мирный договор с Израилем» **.

Как видим, и масштабы войны, и ее долгосрочные цели были определены отнюдь не в ходе агрессии, а задолго до ее начала.

* Вторжение израильской армии в южные районы Ливана в 1978 году. — *Прим. ред.*

** «Гаарец», 7 февраля 1982 года (на языке иврит).

НОВЫЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ МИРА

В свою очередь сама эта преступная акция была использована империалистами США для того, чтобы попытаться раздвинуть рамки Кэмп-Дэвида, подкрепить свои гегемонистские претензии на Ближнем Востоке. Таков смысл широко разрекламированного «плана Рейгана», который преподносится как «новое слово», чуть ли не кардинальный поворот в ближневосточной политике Соединенных Штатов. На удивление откровенно, даже цинично раскрывая, чем определялась линия Вашингтона по отношению к войне в Ливане, Р. Рейган заявил, что в результате ее «мы получили возможность для более далеко идущих усилий по установлению мира в регионе...» *. Мира, естественно, на американский манер. Потому президент США категорически, наотрез отказал палестинцам в праве на создание собственного национального государства, ни словом не упомянул об ООП, признанной международным сообществом единственным законным представителем арабского народа Палестины. По сути дела, все возвращается на круги своя, к тому, что было намечено в Кэмп-Дэвиде.

В связи с появлением «плана Рейгана» Политбюро ЦК Компартии Израэля выступило с заявлением, в котором резко осудило новый антиарабский заговор вашингтонской администрации. В заявлении подчеркивается, что данный план оставляет неурегулированной палестинскую проблему — сердцевину арабо-израильского конфликта, отдаляет достижение справедливого, всеобъемлющего и прочного мира в регионе, означает претворение в жизнь кэмп-дэвидских соглашений, которые доказали, что ведут не к миру, а к войнам и кровопролитию. Что же касается высказанного Тель-Авивом несогласия с «ближневосточной инициативой» своих заокеанских патронов, то оно, как отмечает Политбюро ЦК КПИ, с одной стороны, отражает пользующееся поддержкой империализма США стремление израильского правительства полностью аннексировать оккупированные палестинские территории, изгнать арабский народ Палестины с родной земли. С другой стороны, тактические разногласия между правителями

* «International Herald Tribune», September 3, 1982.

Израиля и Соединенных Штатов имеют целью дать арабской реакции оправдание для принятия этого плана.

«ГРАНД-ПРОГРАММА» БЕГИНА — ШАРОНА

Из сказанного выше явствует, что осуществление американо-израильской «гранд-программы» на Ближнем Востоке не началось вторжением в Ливан и им не кончилось. Прологом к агрессии послужила развернутая на оккупированном Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа кампания с целью ликвидации национальных прав палестинцев. Интервенция в Ливане стала прямым продолжением этой террористической кампании.

Ныне контуры чудовищных авантюристических замыслов правительства Бегина—Шарона просматриваются уже вполне отчетливо. Они предусматривают ликвидацию позиций Организации освобождения Палестины на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, уничтожение патриотически настроенных палестинских лидеров на оккупированных землях, полный разгром военно-политической структуры ООП в Ливане, изгнание палестинцев с ливанской территории, создание нового палестинского руководства из агентов США, Израиля и других реакционных элементов. В Ливане предполагается истребить все левые патриотические силы, привести к власти марионеточное правительство, разделить страну на сферы влияния или практически целиком превратить ее в израильскую колонию, создать там опорный пункт для американской военщины. Правящая сионистская верхушка намерена вытеснить сирийские войска из Ливана, подвергнуть Сирию политическому, экономическому и военному нажиму, чтобы добиться изменения проводимого ею независимого курса или свергнуть существующий в стране режим. Затем Тель-Авив рассчитывает официально заявить о полной аннексии Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Вооруженные провокации против населения этих территорий, а также против Иордании будут иметь целью изгнать большинство палестинцев с захваченных земель.

Проступают очертания и дальнейших этапов реализации «гранд-программы». Правительство «Ликуда»

все более склоняется к мысли о необходимости действовать в направлении превращения Иордании в «палестинское» либо «палестино-иорданское» государство. В таком духе уже высказывались и министр обороны А. Шарон, и министр иностранных дел И. Шамир. Эта точка зрения начинает встречать поддержку у рейгановской администрации, что приводит в замешательство иорданского короля Хусейна. Ориентируясь на «палестинское урегулирование» в Иордании за счет изгнания туда с оккупированных земель 800 тысяч палестинцев, израильские власти хотели бы, как говорится, одним выстрелом убить двух зайцев: во-первых, избавиться от палестинской проблемы, «окончательно решив» ее насильственными методами, а во-вторых, воспрепятствовать появлению значительного палестинского меньшинства внутри «Великого Израиля», чтобы не допустить превращения его в двунациональное государство.

Сторонники этого дьявольского «решения» отыскивались и в Партии труда. «В израильских политических кругах,— писала газета «Давар»,— пришли к решению раздавить палестинцев — как в Наблусе, так и в Сайде,— не вступая с ними в разговоры о возможном компромиссе. Такой курс порождает жестокость: в одном месте его реализация означает войну, в другом — администрацию Милсона» *. И далее: «Шарон во всеуслышание заявляет о втором этапе осуществления своей «великой программы» — войны за изменение ситуации в Иордании под кодовым названием «Мир долине Иордана». Захват первых сорока километров территории получил поддержку «Маараха», поскольку такова глубина предусматриваемого планом Аллона «пояса безопасности» **.

Вот какие ныне аппетиты у авторов «гранд-программы». Но история не раз свидетельствовала: чем масштабнее агрессивные, экспансионистские планы, тем вероятнее их крах.

* М. Милсон до осени 1982 года возглавлял «гражданскую администрацию», которую израильские власти пытались навязать арабскому населению оккупированных территорий.— *Прим. ред.*

** «Давар», 16 июля 1982 года.

БУМЕРАНГ ВОЙНЫ ОБРАЩАЕТСЯ ПРОТИВ ТЕХ, КТО ЕЕ РАЗВЯЗАЛ

Есть уже немало свидетельств, что агрессия в Ливане, подобно бумерангу, бьет по ее американским и израильским зачинщикам. В военном отношении речь никак не может идти о победе. Израиль использовал всю свою боевую мощь, получил полную и открытую поддержку США, применил самое современное американское оружие, верша акты варварства и вандализма в отношении гражданского населения, разрушая города, деревни, лагеря беженцев. Но война продолжалась, став самой затяжной и ожесточенной из всех арабо-израильских войн. Израиль понес в ней весьма серьезные людские и материальные потери. Поддержанные народными массами, бойцы ООП проявили стойкость, показали достойный пример отваги и героизма. Это признается теперь и у нас в стране. Выстояли в боях сирийские части. И использованное для отпора агрессору советское оружие показало высокую эффективность, что не могут отрицать и израильские источники.

Если же обратиться к политической стороне дела, то результаты вторжения явно противоположны тем, на которые рассчитывали интервенты и их покровители. Война в Ливане поставила палестинскую проблему в фокус всей международной политики в отношении ближневосточного региона. Ширится спектр мировых сил, выступающих с требованием обеспечить арабскому народу Палестины возможность осуществить право на самоопределение, создать свое независимое государство. Значительно возрос политический авторитет ООП. Страны, до сих пор сдержанно относившиеся к перспективе ее признания, устанавливают ныне с ней прямые контакты.

Резко упал международный престиж Израиля. Против варварских акций его военищины выступили многие из тех, кто, как считалось, явно симпатизировал Тель-Авиву. Различные круги еврейской общественности за пределами Израиля, одобрявшие до последнего времени политику правящей сионистской верхушки, предпочли не только от этой политики отмежеваться, но и начать против нее борьбу. Накал антиизраильских настроений в арабском мире, развивающихся государствах столь высок, что принять сторону Тель-Авива ос-

терегаются даже откровенно проимпериалистические страны.

Беспрецедентно усилилась враждебность арабских народов к американскому империализму — и это несмотря на попытки сбить массы с толку лживой антисоветской пропагандой. Вопреки поразившему арабский мир глубокому расколу, который стал одним из факторов, позволивших американо-израильскому альянсу совершить агрессии в Ливане, растет тяга к сплочению народных сил для борьбы против империалистов США, их израильских союзников и проимпериалистической арабской реакции.

Значение единства арабских рядов нашло отражение и в решениях недавнего совещания глав арабских государств и правительств в городе Фесе. Эти решения явно идут вразрез с пресловутым «планом Рейгана». Содержащиеся в них принципы урегулирования ближневосточного конфликта и палестинской проблемы согласуются с положениями программы мира, которая была выдвинута Компартией Израиля, и, по нашему мнению, могут служить основой для ликвидации очага военной угрозы на Ближнем Востоке, обеспечения мирной, безопасной жизни всем народам региона. Непременное условие проведения в жизнь этих принципов — последовательная борьба против агрессивных замыслов империалистов США и сионистской верхушки Израиля.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АНТИВОЕННОМ ДВИЖЕНИИ

Наконец, еще одно, последнее по счету, но отнюдь не по значению обстоятельство: речь идет о происшедшем в ходе войны резком размежевании в израильском обществе по вопросу об отношении к ней. Впервые в истории арабо-израильских вооруженных конфликтов у нас в стране возникло массовое антивоенное движение, которое развернуло борьбу против геноцида, за справедливый израильско-палестинский мир. Теперь гораздо более широкие круги нашей общественности осознают, что война в Ливане носит несправедливый характер, что военными методами палестинскую проблему решить нельзя, что проводимый правящей сионист-

ской верхушкой курс угрожает существованию самого Израиля.

Уже в первый день войны Политбюро ЦК КПИ распространило заявление, решительно осуждавшее кровавую авантюру в Ливане. Коммунисты потребовали немедленного и безоговорочного вывода оттуда израильских войск, отставки правительства Бегина — Шарона. Созданный чуть позднее «Комитет против войны в Ливане» организовал историческую демонстрацию: в субботу 26 июня по его призыву на улицы Тель-Авива вышло более 20 тысяч человек, осудивших агрессию. Огромный успех демонстрации повлиял на те круги, которые, даже будучи не согласны с войной в Ливане, все же поначалу решили не выступать против нее, пока, мол, «наши солдаты сражаются на фронте». Подобный оппортунистический подход обусловил то, что в руководстве движением «Мир — сейчас» * на первом этапе взяла верх линия на пассивное выжидание. Но после упомянутой демонстрации руководители движения были вынуждены изменить позицию, призвав к проведению 3 июля крупной манифестации под лозунгом «Против такой войны, как эта». На сей раз участвовало более 100 тысяч человек — гражданские лица, в том числе молодежь из различных общественных слоев, офицеры, солдаты.

Массовая народная борьба против агрессивной войны — новое явление в Израиле. Впервые за многие годы здесь формируется широкая оппозиция авантюристическому курсу — как среди гражданского населения, так и в армии. Можно напомнить, что в 1956 и 1967 годах наша партия была единственной политической силой, выступавшей за прекращение агрессии. Мы действовали тогда в полной изоляции, поскольку сионистским правителям удалось ввести в обман все слои народа и политические партии, за исключением КПИ.

Однако на сей раз произошла весьма существенная перемена. Более того, борьба против развязывания ливанской бойни началась еще задолго до вторжения.

* Широкое по своему составу движение, которое выступает за мирное урегулирование ближневосточного конфликта, но не всегда придерживается в этом вопросе последовательных позиций. — *Прим. ред.*

Почти все партии, стоящие за рамками правящего блока, демонстрировали несогласие со зловещими планами Бегина—Шарона.

И тем не менее, когда война стала фактом, руководители Партии труда, их партнеры по блоку «Маарах» из Объединенной рабочей партии, лидеры других ведущих сионистских партий, проявляя, по их собственным словам, «патриотизм», поддержали захватническую акцию. Они с готовностью дали себя «убедить» насквозь фальшивыми доводами, будто израильская армия вторглась на территорию суверенного государства лишь с целью «оттеснить» палестинских бойцов на 40 км от северных границ Израиля, чтобы воспрепятствовать артиллерийскому обстрелу поселений в Галилее.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОУЧАСТИЕ В АГРЕССИИ

Своего рода политическим экзаменом, высветившим подлинную сущность позиций различных партий, стали дебаты в кнессете летом 1982 года по вопросу о войне в Ливане. Фракция Демократического фронта за мир и равноправие, в котором ведущее место занимают коммунисты, внесла предложение о вотуме недоверия правительству. При голосовании 10 депутатов от других партий воздержались, а если выразиться точнее — отказались участвовать в подаче голосов, потому что не захотели поддерживать линию «Ликуда».

Парламентарии от Партии труда, представители откровенно профашистской организации «Техия», партии «Телем» * вместе с депутатами правящей коалиции голосовали против предложения Демократического фронта, в поддержку правительства. Тем самым Партия труда взяла на себя ответственность за соучастие в агрессии, за все ее ближайшие и отдаленные последствия. Лидеры партии Ш. Перес и И. Рабин последовали по стопам кабинета Бегина — Шарона, став в дни войны покорными исполнителями его воли, рупором правящего блока.

* Партия бывшего министра обороны М. Даяна. Ныне самораспустилась, влившись в блок «Ликуд», — *Прим. ред.*

Одобрить вооруженную акцию в пределах 40-километровой зоны на территории Ливана приняло решение и руководство Объединенной рабочей партии, что фактически означало поддержку агрессивной войны. Однако эта партия, как, впрочем, и многие из тех, что отказались присоединиться к первой массовой антивоенной демонстрации 26 июня, участвовала в следующей крупной акции протеста — уже упоминавшейся 100-тысячной манифестации, которая (несмотря на участие в ней сил, еще не готовых последовательно бороться против агрессии, требуя немедленного и безоговорочного вывода израильской армии из Ливана) явилась мощным выступлением против правительства и его политики войны.

Движение против вооруженных авантюр продолжает разрастаться. В антивоенные акции вовлечен широкий круг социальных слоев и сил, придерживающихся различных политических взглядов, идеологических убеждений. Важную роль играют массы рабочего класса, молодежные, студенческие, женские организации, ассоциации преподавателей высших учебных заведений и т. д.

Весомый вклад в борьбу против интервенции внесло и продолжает вносить арабское население Израиля. 10 июня 1982 года в Назарете проходила встреча его представителей с участием миролюбивых демократических еврейских сил. Во время встречи был сформирован «Комитет против войны в Ливане», за израильско-палестинский мир с целью развертывания работы в местной арабской среде. В программе его деятельности указывается, что единственная основа для установления справедливого, прочного мира на Ближнем Востоке — создание независимого палестинского государства по соседству с государством Израиль в границах по состоянию на 4 июня 1967 года. Следуя призыву «Комитета против войны в Ливане», а также Национального комитета глав арабских местных властей, арабское население северных районов Израиля провело всеобщую забастовку в знак протеста против массовой резни палестинских беженцев в Бейруте. Забастовка охватила и жителей оккупированных арабских территорий.

Зверская расправа над безоружными людьми, учиненная агрессором и его наемниками, вызвала в Израиле невиданную волну антивоенных выступлений. По

всей стране прошли многотысячные демонстрации. Их участники гневно осуждали кровавые преступления израильской армии, требовали прекращения агрессии против ливанского и палестинского народов, отставки правительства Бегина — Шарона. 25 сентября в Тель-Авиве состоялась крупнейшая за всю историю страны антивоенная манифестация. В ней приняло участие 400 тысяч человек. Все новые факты говорят об изменении настроений в кругах широкой общественности под влиянием ливанских событий.

Вместе с тем складывающуюся ситуацию не следует оценивать односторонне. Наряду с набирающим силу антивоенным движением, которое впервые в истории нашей страны развернулось непосредственно в период боевых действий, наблюдаются явления и противоположного порядка. Несмотря на большие потери израильской армии, усиливаются шовинистические, милитаристские настроения. «Истэблишмент», представленный правящим блоком и стоворчивой оппозицией, не отступает от традиционно сионистского лозунга «Максимум земли при минимуме арабов». Бегину и Шарону все еще удается держать в заблуждении массу людей, которые вопреки разъяснениям поборников мира по-прежнему полагают, что военным путем можно добиться «окончательного решения» палестинской проблемы. Давление шовинистических идей проявляется и в тенденции к оправданию антидемократических акций властей, к игнорированию угрозы фашизма и даже примирению с ней. А на фоне войны в Ливане угроза эта все более растет.

Немалую долю ответственности за такое развитие обстановки несут руководители Партии труда, оказавшиеся неспособными выдвинуть собственную политическую альтернативу. Большинство израильтян видит в них всего лишь подпевал «Ликуда», которым не столь уж трудно найти место в правящем блоке, где и без того представлен широкий спектр установок и взглядов. Партия не имеет своего подхода к социально-экономическим проблемам. Не кто иной, как один из ведущих ее деятелей, бывший министр кабинета И. Рабина Г. Якобиц, предложил, чтобы чрезвычайное положение было введено не только в военно-политической области, но и в экономической жизни.

Иными словами, по основным вопросам внутренней и внешней политики у «Ликуда» и руководства Партии труда никаких существенных расхождений нет. Оба энергично поддерживают глобальную стратегию империализма США, нацеленную против Советского Союза, социалистического содружества, сил национального и социального освобождения во всем мире, против борцов за независимость и прогресс на Ближнем Востоке и в других районах.

СПЛОТИТЬСЯ НА БОРЬБУ ПРОТИВ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

В свете сложившейся обстановки исключительно важно добиваться сотрудничества и единства всех тех, кто видит, какими огромными опасностями для Израиля чревато продолжение нынешнего официального курса, сохранение у власти правительства Бегина — Шарона, дальнейшее пресмыкательство перед ним руководства группировки «Маарах». И хотя, как уже отмечалось, определенные позитивные сдвиги в борьбе за такое единство есть, ему еще недостает широты и устойчивости. В сознании многих, кто отнюдь не склонен поддерживать агрессивный курс бегиновского кабинета, еще господствуют антикоммунистические взгляды, а также предрассудки в отношении советской мирной политики.

Хотелось бы в связи с этим особо отметить следующее: у израильских коммунистов нет иных интересов, кроме интересов народа Израиля, совпадающих в то же время с интересами арабского народа Палестины, интересами прочного мира на Ближнем Востоке и во всем мире.

Большое значение Компартия Израиля придает разоблачению злобных антисоветских вымыслов. Политика СССР в международных делах есть политика мира, соответствующая чаяниям всех народов, в том числе нашего региона. И глубоко закономерно, что Советский Союз решительно выступил против агрессии, кампании геноцида на ливанской земле, оказал всестороннюю поддержку справедливой борьбе палестинцев во главе с ООП, ливанских патриотов. Занятая Советской страной позиция не наносит никакого ущерба Израилю, его народу. Напротив, жизненным интересам израильтян

ничуть не меньше, чем интересам палестинцев, отвечали бы отказ от политики агрессии и оккупации, которую проводят правящие сионистские круги, установление справедливого палестино-израильского мира на основе существования двух государств для двух народов.

Обращая внимание на опасные последствия вторжения в Ливан для мира в регионе и на всей планете, СССР предостерегает: преступные действия агрессора могут в конечном счете, подобно бумерангу, обратиться против самого Израиля, его народа. Это — призыв к благоразумию, к изживанию насаждаемых реакцией иллюзий, что-де будущее нашей страны, ее безопасность можно обеспечить при помощи американского меча, путем ликвидации национального существования арабского народа Палестины. Мы убеждены, что все здравомыслящие люди у нас на родине должны глубоко задуматься, как разорвать порочный круг кровопролитных конфликтов и войн, чтобы израильский и палестинский народы могли жить бок о бок друг с другом в условиях безопасности, каждый в своем суверенном государстве, чтобы наша страна — Израиль — была по-настоящему независимой, миролюбивой, демократической.

Новым проявлением благородства помыслов и намерений Страны Советов стала программа из шести пунктов, которая, полностью отвечая законным национальным интересам израильского, палестинского, других арабских народов, указывает путь к урегулированию опасного ближневосточного кризиса. Эта конструктивная программа выражает стремление всех честных людей к прекращению кровопролития в Ливане, справедливому решению палестинской проблемы, установлению прочного, всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке. В отличие от «плана Рейгана», который не ведет к решению коренных вопросов конфликта, советская инициатива закладывает надежную основу для достижения мира, обеспечивающего обеим сторонам безопасность, независимость и суверенитет.

Компартия Израиля призывает все миролюбивые силы страны, всех, кто заинтересован в установлении израильско-палестинского мира на принципах справедливости, потребовать от официального Тель-Авива поддержки советской мирной программы, добиваться созыва международной конференции по Ближнему

Востоку с участием Израиля, ООП, Советского Союза, США, других заинтересованных государств.

В сегодняшнем Израиле многие несогласные с правительственной политикой исходят не из принципиальных соображений и установок нравственного порядка, они сомневаются в реалистичности мотивов экспансии, претензий на гегемонию. Есть и такие, кто опасается, что курс правящих кругов в перспективе может обернуться катастрофой для самого Израиля как ближневосточного государства. Другие боятся попасть чуть ли не в абсолютную зависимость от США.

Мы, коммунисты, отвергаем политику сионистских правителей не из прагматических соображений, мы — принципиальные, идеологические, политические и нравственные противники агрессии, оккупации, тесных связей с империалистическими зачинщиками войн. Коммунисты Израиля были и остаются последовательными защитниками прав всех народов, борцами за мир в регионе и во всем мире, ибо мы руководствуемся высокими гуманистическими идеалами коммунизма, ибо нас вдохновляет теория научного социализма, основы которой заложили Маркс, Энгельс, Ленин. Сегодня, как и всегда, партия будет всеми силами противостоять национальной нетерпимости сионизма, любым проявлениям национализма. В то же время во имя интересов борьбы против агрессии, за прочный, справедливый мир мы готовы действовать совместно с любой политической организацией, с любым политическим деятелем, каковы бы ни были их взгляды и ориентация.

* * *

Мир не раз был свидетелем, какой конец уготован тем, кто желал гибели других народов, ради «окончательного решения» стремился к их уничтожению. Коммунисты осуждают это варварство. Мы не хотим, чтобы лились слезы других, и желаем счастливого будущего для всех людей, в том числе для наших двух братских народов — израильского и палестинского. Поэтому мы боремся за коренные перемены в израильском общественном мнении, в официальной политике.

ИЗРАИЛЬ СТАВИТ НА ВОЙНУ

«ШПИГЕЛЬ», ГАМБУРГ

После вторжения в начале июня в Ливан Израиль неожиданно для себя оказался под огнем критики даже друзей и союзников. Премьер-министра Менахема Бегина и министра обороны Ариэля Шарона заклеили как «полуфашистских» экспансионистов, устроивших неслыханную «кровавую бойню», совершающих в ужасающих масштабах геноцид.

Ариэль Шарон первоначально ставил перед армией задачу изгнать отряды Палестинского движения сопротивления с территории шириной в 40 километров по ту сторону израильской границы. Однако войска Тель-Авива продвинулись далеко на север, вплоть до предместий Бейрута, и израильтяне решили не только подавить опорные пункты Организации освобождения Палестины на юге Ливана и уничтожить штаб-квартиру ООП в Западном Бейруте, но и вынудить уйти из страны сирийские воинские подразделения*.

Израильская военная машина принесла неисчислимые страдания мирному населению Ливана, превратила в груды развалин города и села, оставила за собой тысячи погибших и бездомных, пожары и опустошение.

В древнем Тире, который был крупным торговым центром еще во времена финикийцев, за два дня боев половина всех домов была полностью разрушена, треть 60-тысячного населения города осталась без крова. В Западном Бейруте израильская артиллерия обстреляла госпиталь, хотя ближайший военный объект находится от него на расстоянии многих сотен метров. После артобстрела, продолжавшегося два с половиной

* Речь идет о контингенте сирийских войск, входящих в состав межарабских сил по поддержанию мира в Ливане.—
Прим. ред.

часа, врачи и санитары насчитали не менее 800 попаданий снарядов и ракет. Шесть фосфорных снарядов попали в одну из палат: 6 пациентов убиты, а 20 получили тяжелые ожоги.

Президент Франции Франсуа Миттеран сравнил осажденный израильскими войсками Западный Бейрут с французской деревней Орадур, все 642 мирных жителя которой во время второй мировой войны были уничтожены эсэсовцами за убийство бойцами Сопротивления майора СС.

Свыше тысячи человек устроили демонстрацию протеста в Париже, многие тысячи жителей Афин вышли на улицы города, чтобы заявить протест против израильского нападения на Ливан и Бейрут. И даже перед Белым домом в Вашингтоне каждый вечер собираются женщины, одетые в черное в знак осуждения действий Израиля.

Израильтяне, направив жерла орудий на Западный Бейрут, заявили, как обычно, что их действия представляют собой якобы «оборонительную акцию». Однако слушать подобные оправдания не захотели даже самые ревностные заступники Израиля. «Если оборонительными называют действия, из-за которых гражданским лицам в другой стране приходится опасаться за свою жизнь,— с возмущением писал обозреватель «Вашингтон пост» Ричард Коэн, еврей по национальности,— то тогда мало чего стоит государство, созданное в свое время из «моральных соображений». В первый же день существования Израиля начался и его первый вооруженный поход против арабских соседей».

Уже вскоре после основания государства Израиль «Цахал» («Армия обороны Израиля») наложила свой отпечаток на всю жизнь страны, военная форма и автоматы «узи» стали привычными как в городе, так и в сельской местности. Армия превратилась в крупнейшего «поставщика» кадров: высшие офицеры демобилизуются обычно в относительно молодом возрасте и затем зачастую занимают ключевые посты уже на гражданской службе. Ныне около двух тысяч высших офицеров в отставке находятся у рычагов управления государством — работают в правительственных и научных учреждениях, заняты в экономике и промышленности, в сфере финансов и просвещения. И конечно же, в политике. В правительстве сегодня два генера-

ла — Ариэль Шарон и Мордехай Зипори*; среди ведущих деятелей оппозиционной Партии труда — три бывших начальника генерального штаба вооруженных сил: Ицхак Рабин, Хаим Барлев и Мордехай Гур. Независимо от партийной принадлежности между ними сохраняются прежние тесные связи и личная дружба. Понятно, что их объединяет общность взглядов, прежде всего в области военной политики.

По сравнению с бюджетными ассигнованиями другим ведомствам доля министерства обороны в государственных расходах была и остается наибольшей. Ни одно из ведомств не содержит столь внушительного штата сотрудников. Более 20 процентов всех занятых, или свыше 200 тысяч человек, прямо или косвенно работают на министерство обороны, на армию. Потребности и запросы вооруженных сил определяют характер ведущихся долгосрочных научных исследований.

Армия оказывает значительное влияние и на внешнеполитический курс. Хорошими двусторонними отношениями с рядом государств Израиль обязан больше сотрудникам военных миссий, нежели дипломатам.

С того времени, как генералы захватили Синай, Западный берег реки Иордан, Голанские высоты и восточную часть Иерусалима, политики больше, чем когда-либо прежде, искали совета военных. Росло число офицеров, которые, уволившись в запас, начинали заниматься политической деятельностью.

С лета 1977 года военным в форме и военным в штатском уже больше не приходится опасаться, что между ними и политическими деятелями могут возникнуть недоразумения. Ведь именно с того времени во главе ультраправого блока «Ликуд» стоит Менахем Бегин. Его консервативно-клерикальная шовинистическая идеология пришлась по вкусу военщине, которая видит благополучие Израиля в осуществлении его экспансионистской политики.

Из военных быстрое восхождение по служебной лестнице совершил министр обороны Израиля Ариэль Шарон. Этот генерал вначале был вынужден довольствоваться постом министра сельского хозяйства. И хотя в то время в его компетенцию входили вопросы про-

* В феврале 1983 года А. Шарон вышел в отставку. — *Прим. ред.*

довольственного снабжения, сельского и лесного хозяйства, он занимался главным образом реализацией своей стратегической концепции — концепции генерала в гражданском платье: обеспечить «интересы» Израиля путем интенсивного строительства поселений на оккупированных арабских территориях, чтобы поставить мир перед «свершившимся фактом» (речь идет об аннексии этих земель Израилем. — *Ред.*).

После победы на выборах (в 1981 году. — *Ред.*), одержанной с небольшим преимуществом, Бегин назначил Шарона министром обороны. Едва устроившись в кабинете на пятом этаже здания министерства обороны в Тель-Авиве, Шарон начал энергично претворять в жизнь свои концепции. Израиль окончательно стал милитаризованным государством.

С молчаливого согласия или по крайней мере без сколько-нибудь заметной оппозиции со стороны премьер-министра Бегина Шарон объявил о «либерализации» режима на оккупированных арабских территориях Западного берега реки Иордан, что практически означало их аннексию: он ввел там гражданское правление, и таким образом эти земли стали числиться скорее провинцией Израиля, чем оккупированной иностранными войсками территорией. Сопротивление палестинского населения подавляется солдатами по приказу Шарона. При этом гибнут десятки людей.

В начале июня генерал в штатском начал операцию против Ливана, которую он уже давно запланировал и для осуществления которой сделал необходимые приготовления. «Если ему удастся эта затея, — признал один из противников Шарона в правительстве, — то тогда перед ним откроется путь к вершине власти».

Действия Израиля в Ливане привели к изоляции Тель-Авива во всем мире (исключая, естественно, правящие круги США. — *Прим. ред.*). Гневное возмущение народов вызвала прежде всего жестокость, с которой израильские солдаты обращались с пленными. Два норвежских врача рассказали, что были очевидцами того, как израильтяне избивали пленных до бессознательного состояния ножками от стульев, дубинками, резиновыми плангами, ногами. По их словам, многие пленные умирали от пыток.

Одновременно с протестами за границей усиливалась критика и внутри самого Израиля. Все больше и

больше становится тех, кто отказывается рассматривать Ливан как форпост Израиля: минимум 68 процентов израильтян высказались против блокады Западного Бейрута.

Многие высказывают опасение, что война в Ливане примет затяжной характер. Заместитель начальника генерального штаба Моше Леви заявил, например, что израильской армии следует подготовиться к тому, что бы перезимовать в Ливане. А Менахем Бегин, как говорят, высказал в узком кругу мысль о необходимости сохранения израильского военного присутствия в Ливане в течение ближайших нескольких лет.

Даже в самой армии все больше солдат подвергают сомнению действия Шарона. «Это не наша война», — с возмущением говорили они в откровенной беседе с западными журналистами.

Впервые за всю историю существования Израиля его жители устроили в военное время демонстрацию против войны. Около 100 тысяч людей вышли на улицы, чтобы выразить свой протест против авантюры Шарона.

РЕКА ЛИТАНИ МАНИТ К СЕБЕ

«МИДЛ ИСТ ИНТЕРНЭШИЛ», ЛОНДОН

Пока внимание всего мира было приковано к осаде Бейрута, начали постепенно проясняться и более широкие задачи, которые ставил перед собой Израиль, осуществляя вторжение в Ливан. Наряду с политическими причинами вторжения, которых Израиль не скрывает, немаловажное значение имела и испытываемая им острая необходимость в новых гидроресурсах. Сегодня у Израиля появилась возможность решить одну из своих самых старых геополитических задач — захватить ливанскую реку Литани; израильские войска занимают в настоящее время такое положение, которое позволяет установить полный контроль над водами этой реки для их окончательного отвода из Ливана в Израиль.

По заявлениям израильского правительства, целью последнего вторжения Израиля в Ливан, так же как и вторжения 1978 года, было «обеспечение безопасности» его северной границы от нападений Организации освобождения Палестины. Большинство военных наблюдателей, однако, не считают такой довод убедительным, главным образом потому, что ООП не представляла для Израиля серьезной угрозы, учитывая подавляющее численное и техническое превосходство израильской военной машины.

Более того, боевые действия на этой границе ко времени вторжения практически прекратились, а соглашение о прекращении огня, заключенное в результате переговоров в июле 1981 года, с тех пор ни разу не нарушалось, за исключением тех случаев, когда Израиль срывал его в одностороннем порядке. Объявив после начала агрессии о своем намерении создать некий «пояс безопасности» на глубину до 25 миль к северу от своей границы, израильтяне сразу же начали фактически безостановочное продвижение вперед до

тех пор, пока не достигли пригородов Бейрута. Эти действия израильского правительства навлекли на него резкую критику как в его собственной стране, так и за ее пределами.

Одна из целей этого наступления, судя по всему, состояла в том, чтобы обеспечить Израилю полный контроль над рекой Литани, задачу по захвату которой первые сионистские стратеги выдвигали еще до установления британского мандата над Палестиной. Пределы упомянутого 25-мильного «пояса безопасности», если вести отсчет от израильской границы в районе выступа, где находится населенный пункт Метулла, проходят далеко к северу от наиболее важной из имеющихся на реке Литани плотин. «Пояс безопасности» охватывает все существующие в настоящее время плотины, шлюзы и другие объекты на территории Ливана, необходимые для регулирования стока этой реки.

Заинтересованность Израиля в установлении контроля над пресными водами реки Литани очевидна уже давно. Записи в дневниках бывшего премьер-министра Израиля Моше Шарета свидетельствуют о том, что израильское правительство обсуждало идею захвата этой реки еще 30 лет назад: ее бассейн включается в географические пределы «израильских земель» по меньшей мере с первой мировой войны. Небезынтересно, что в ресторане отеля «Шератон» в Тель-Авиве столики покрыты скатертями с изображением географических карт, согласно которым бассейн реки Литани входил во владения древних племен, населявших Израиль.

Установление полного контроля над рекой Литани дало бы Израилю дополнительно по меньшей мере 800 миллионов кубометров пресной воды в год, то есть позволило бы увеличить запасы жизненно важных водных ресурсов почти в полтора раза.

Весьма знаменательно в этой связи и время начала израильской агрессии: гидрологи указывают, что к настоящему моменту Израиль полностью исчерпал запасы пресной воды в источниках, захваченных им у арабов в 60-х годах. Поскольку в Израиле уже сейчас потребляется столько же пресной воды, сколько и поступает, то есть 1700 миллионов кубометров в год (а может быть, даже больше), перспектива отвода вод реки

Литани в Израиль представляется сейчас особенно заманчивой.

Однако отвод реки Литани сопряжен с рядом трудностей в связи с особенностями рельефа этой части территории Ливана. Спускающаяся с центральной части долины Бекаа к израильской границе река Литани весьма глубока, а ее течение — стремительно. Наиболее эффективным образом отвод воды можно осуществить только гораздо выше по течению, в том месте, где в настоящее время находится плотина на озере Карун. Таким образом, для того чтобы целиком и полностью распоряжаться водами Литани, Израилю необходимо установить контроль над всем районом к югу от шоссе Бейрут — Дамаск вплоть до населенного пункта Марджаюн, а оттуда на запад почти до самого побережья.

Именно поэтому израильская стратегия в том виде, в каком она была много лет назад разработана генералом Даяном, включает в себя два основных компонента. Согласно этой стратегии, необходимо прежде всего согнать местных жителей — ливанских фермеров — с их земель с целью освоения этих территорий израильянами (концепция «земля без арабов»). Именно эта концепция лежит в основе проводившейся Израилем на протяжении нескольких последних лет политики «выжженной земли», результатом которой стало массовое бегство населения из южных районов Ливана.

Во-вторых, вся юго-восточная часть Ливана после изгнания местных жителей должна удерживаться Израилем для проведения там большого объема строительных работ. Согласно уже давно подготовленному плану, для отвода вод реки Литани на территорию Израиля требуется соорудить вдоль восточного и южного берегов этой реки систему каналов, коротких акведуков и туннелей общей протяженностью 100 километров.

Если Израиль хочет получать всю необходимую ему воду, он должен захватить и удерживать территорию долины Бекаа к югу от шоссе Бейрут — Дамаск, чтобы, во-первых, он мог использовать воды этой реки раньше, чем их используют ливанцы на имеющихся у них сейчас объектах, во-вторых, контролировать работы плотины в Каруне для облегчения

отвода и использования вод этой реки ниже по течению и, в-третьих, защищать систему отвода от возможных контрнаступательных военных действий.

Однако и это еще не все: для получения нового источника пресной воды Израилю необходимо принятие дополнительных военных мер, поскольку израильтяне должны также удерживать оба склона горного хребта — от Шторы на севере до Набатии на юге.

ОТКРОВЕНИЯ «ПАЛАЧА БЕЙРУТА»

«ШТЕРН», ГАМБУРГ

В интервью известной итальянской журналистки Орианы Фаллачи с бывшим министром обороны Израиля генералом Шароном «палач Бейрута» сделал сенсационные признания. Он сообщил, что вторжение Израиля в Ливан, зверские расправы над мирным населением и палестинцами были заранее согласованы с США. Интервью публикуется с незначительными сокращениями.

Фаллачи. Генерал Шарон, первая часть войны (против Ливана. — *Ред.*) уже закончена. Люди Арафата покинули Бейрут. Однако многие говорят, что вы оказали им политическую услугу. Хотели вы этого?

Шарон. Я достиг того, чего я хотел. Израильская армия — это могущественная машина. Сейчас у палестинцев нет никаких шансов. Вчера я звонил Генри Киссинджеру (бывший госсекретарь США)... и он сказал мне, что отныне в этом регионе начинается новая эра. Он заявил, что у Израиля впереди еще год-полтора, чтобы добиться нужного решения.

Фаллачи. Итак, и Киссинджер признает, что Организация освобождения Палестины далеко не разбита... Чем больше зверств творят ваши солдаты, тем сильнее возмущается мир в связи с этой войной. Может быть, вы и победили, генерал Шарон. Но мне кажется, это была пиррова победа.

Шарон. Неправда. Во-первых, мы можем прожить и без симпатий со стороны остального мира. Во-вторых, наши отношения с Америкой не изменились. Американцы поддерживают нашу программу, они во всем согласны с нами.

Фаллачи. Что-то здесь концы не сходятся с концами, генерал Шарон. Отход ООП из Бейрута был почетным. Да, были слезы. Да, были выстрелы. Но покидала Бейрут не толпа, а армия в своей униформе, с автоматами и знаменами.

Шарон. Они взяли в руки оружие после того, как это разрешил Бегин. Но не употребляйте слова «отход». Это было изгнание террористов.

Фаллачи. Объясните мне, пожалуйста, следующее. Почему вы называете их террористами? Террорист — это тот, кто нападает на безоружных, скажем на незащитных горожан на улице. Арафат никогда не делал этого в Бейруте. Факт, что вы употребляете слово «террорист» как оскорбление. Отлично. Но кем же были вы, если не террористами, когда нападали на арабов и англичан, добиваясь создания своего государства? Бомба, при помощи которой Бегин убил 79 человек в 1946 году, — это разве не террористический акт? Даже Бегин признал это. В Нью-Йорке не так давно он начал речь словами: «Я — экс-террорист».

Шарон. Ответственность за смерть этих 79 человек несет британский верховный комиссар. Мы не были террористами, мы были борцами за свободу.

Фаллачи. Наверное, мне придется обдумать на досуге, является ли убийство спящих или пьющих чай людей военной операцией или нет. Но вернемся к делу: люди Арафата тоже называют себя борцами за свободу, борцами против израильской оккупации. Скажите мне по совести: вы не разочарованы тем, что не смогли оккупировать Бейрут и убить их всех до единого? Вы, генерал, не чувствуете себя в чем-то обманутым, не вполне удовлетворенным?

Шарон. Мисс Фаллачи, я торжественно заверяю вас, что никогда и в мыслях не имел оккупировать Бейрут.

Фаллачи. Генерал Шарон, ошибаюсь я или это действительно факт, что вы не смогли завоевать Бейрут, так как потеряли слишком много солдат, говорят, тысячи?

Шарон. Мисс Фаллачи, я смотрю вам в глаза и повторяю: нет, нет и нет!

Фаллачи. Тогда, может быть, причиной было противодействие американцев?

Шарон. Нам не нужно ничье разрешение, мы не нуждаемся ни в чьих санкциях, чтобы идти и завоевывать. Мы начали войну в Ливане, мы захватили Иерусалим, мы перешли через Суэцкий канал, мы не спрашивали разрешения на бомбежку атомного реактора в Багдаде. Нам не нужны подсказки. Мы — само-

стоятельная страна. Я еще раз говорю: я не завоевал Бейрут лишь потому, что щадил мирных жителей.

Фаллачи. Силы небесные! И вы говорите это мне?!

Шарон. Да, я знаю, что вы там были. Но я знаю также, что мы никогда сознательно не бомбили гражданское население.

Фаллачи. Я знаю, что такое бомбежка. Ковентри — 1940-й, Берлин — 1945-й. Я все это видела. Но вы бомбили городской центр, жилые дома, госпитали, гостиницы, школы, посольства, которые...

Шарон. Нет и еще раз нет! Мы бомбили только военные объекты.

Фаллачи. Я могла бы вам возразить, но речь не об этом. Речь идет о том, что всякий раз, когда над Бейрутом пролетала муха, вы встречали ее тоннами взрывчатки.

Шарон. Президент Рейган как-то сказал, что символом нашей войны в Ливане является некая девочка, у которой-де отсутствуют обе руки... Мы искали эту девочку — и нашли: только это был мальчик, и у него не были ампутированы руки — просто одна повреждена.

Фаллачи. Генерал Шарон, я могу вас забросать фотографиями убитых и искалеченных детей Ливана.

Шарон. Я хотел бы увидеть их.

(Фаллачи передает ему снимки убитых детей в возрасте от одного до шести лет. Самое страшное в этих снимках — дети, расчлененные на куски. Отрезанная нога, оторванная рука.)

Шарон. Я... я сожалею. Очень, очень сожалею... Я опечален. Однако это случается повсюду...

Фаллачи. Почему же вы не прекратили зверства, когда уже была договоренность о перемирии?

Шарон. Потому что мы не можем верить Арафату. Кроме того, Израиль считал себя обязанным перед США, так как США боролись за безопасность Израиля.

Фаллачи. Иными словами, вы нужны американцам, как и американцы нужны вам. А когда вы информировали их о намечающемся вторжении в Ливан?

Шарон. Слово «вторжение» мне не нравится. Лучше будем говорить об «операции». С сентября 1981 года я обсуждал с ними возможность подобной операции. В частности, я обсуждал этот вопрос с министром обо-

роны США Уайнбургером. Я предупреждал их: «Не делайте вид, что вы потрясены, когда мы это сделаем».

Фаллачи. Генерал Шарон, мне представляется, что вы руководствуетесь отнюдь не соображениями безопасности или защиты своей страны. В минувшем декабре в Тель-Авиве вы заявили, что «стратегические интересы Израиля не ограничиваются арабскими странами Ближнего Востока, районов Средиземноморья и Красного моря. Ради обеспечения в 80-х годах безопасности они должны распространиться на такие страны, как Турция, Иран и Пакистан, на такие районы, как Персидский залив и Африка, в частности на страны Северной и Центральной Африки».

Шарон. Я вижу, вы хорошо подготовились к беседе со мной. Но Израиль — особая страна... Мы чувствуем угрозу вторжения со стороны Советского Союза.

Фаллачи. Что вы имеете в виду? Мне не хотелось бы в один прекрасный день убедиться, что вторжение в Ливан — это лишь начало куда более крупных операций, скажем наполеоновского плана.

Шарон. А стоит ли волноваться из-за того, что мы хотим завоевать Турцию, Иран, Пакистан или даже всю Африку?

Фаллачи. Генерал Шарон, кто же ваш подлинный враг: Арафат или Советский Союз?

Шарон. Советский Союз.

БЕЛЫЙ ДОМ ОДОБРИЛ АГРЕССИЮ

«КРИСЧЕН САЙЕНС МОНИТОР», БОСТОН

Администрация Рейгана утверждает, что США якобы относятся одинаково к израильтянам и арабам и стремятся «создать отношения доброй воли» и с теми и с другими. При этом Вашингтон уверяет, что добивается общего согласия в районе с привлечением как Израиля, так и арабов. Но когда Израиль направляет внушительные вооруженные силы на территорию Ливана и в ходе военных операций гибнут мирные жители, к ужасу и возмущению всего арабского сообщества и других стран, президент Рейган дает Бегину «зеленый свет». По сути дела, президент США поручил Бегину и дальше применять свои вооруженные силы в такой форме, которая обеспечивает фактический контроль израильтян над южной частью Ливана и над составом любого правительства, которое будет сформировано в этой стране.

СЕКРЕТНЫЕ ПЛАНЫ ИЗРАИЛЯ

«АФРИКА-АЗИЯ», ПАРИЖ

Разделить Ливан на пять провинций, расчленить Египет и лишить его центральной власти, раздробить Сирию и Ирак на множество маленьких государств по религиозному или этническому принципу, добиться разложения Аравийского полуострова, одним словом, расколоть весь арабский мир — таков методично разработанный план сионистских руководителей, которые считают, что сфера их интересов простирается на весь четырехугольник, углами которого служат Пакистан, Кения, Габон и Марокко. В эту геометрическую фигуру входят полсотни стран Африки и Азии.

СИОНИСТСКИЕ ЗАМЫСЛЫ НА 80-Е ГОДЫ

Декабрь 1981 года. Министр обороны Шарон выступил перед ареопагом политических и военных деятелей, собравшихся на рабочее заседание в Институте стратегических исследований в Тель-Авиве. Тема: безопасность Израиля. Одна фраза, произнесенная будущим «палачом Бейрута», точно описывает сферу израильских стратегических интересов. Приводим ее дословно: «Эти интересы не ограничиваются арабскими странами Ближнего Востока, районов Средиземноморья и Красного моря. Ради обеспечения безопасности в 80-х годах они должны распространиться на такие страны, как Турция, Иран и Пакистан, на такие районы, как Персидский залив и Африка, в частности на страны Северной и Центральной Африки».

Февраль 1982 года. Газета «Джорнэл оф джудаизм энд зайонизм» опубликовала за подписью Одеда Йинона подробное изложение сионистского плана на 80-е годы. Этот план развивает заявление Шарона. Причем развивает напролом, без всяких прикрас и благовидной аргументации, призванной оправдать экспансионист-

ские амбиции государства, которому якобы угрожают со всех сторон. В нем поставлены все точки над «і»: Израиль хочет быть империалистической державой, и он постарается методически раздробить арабский мир, обеспечить себе контроль над его природными богатствами, эксплуатировать его рынок и огромные ресурсы рабочей силы.

Но, чтобы оправдать все то, что последует дальше, необходима аргументация в духе «холодной войны», необходимо приписать свои собственные замыслы... Советскому Союзу: «Война за доступ к мировым ресурсам — не только к арабской нефти, а ко всем видам сырья третьего мира — это главный фактор преобразования, которое происходит на наших глазах, поскольку одна из основных целей СССР — установить контроль над громадными ресурсами Персидского залива и Южной Африки, в которой находится основная часть мировых запасов минерального сырья». И Оded Йинон преспокойно заключает: «Вот почему не мусульманский арабский мир представляет для нас главную проблему в 80-х годах, хотя он и создает угрозу Израилю своей растущей военной мощью».

Следовательно, нет никаких проблем, просто угроза, да к тому же не очень серьезная. «Этот арабский мир, — продолжает далее автор, — состоящий из конгломерата этнических меньшинств, раздираемого расколами и переживающего внутренние кризисы, не способен будет решить свои основные проблемы и в связи с этим не сможет создать серьезную угрозу для государства Израиль». Далее следует подробное описание этих этнических меньшинств, этих внутренних расколов и этих конфликтов, которые противопоставляют каждую арабскую страну ее соседу. Анализируется положение во всех странах — от Марокко до Южного Йемена. Все эти страны, пишет автор, переживают «внутренний процесс социального разложения». Особое внимание он уделяет Иордании и Египту. Первая, по его словам, «фактически является палестинской, хотя и управляется меньшинством трансиорданских бедуинов. Основная часть армии — и уж, во всяком случае, ее бюрократическая верхушка — палестинская. Можно сказать, что Амман столь же палестинский, как и Наблус».

ЦИНИЧНАЯ ЛОГИКА АГРЕССОРА

Касаясь далее Египта и анализируя политику «мира» (это слово в кавычки взял Оded Йинон), а также последствий, к которым она привела (имеется в виду сепаратная кэмп-дэвидская сделка.— *Ред.*), автор выражает сожаление по поводу возвращения Синая с его нефтяными запасами и той «потери, которая подрывает экономику Израиля». «Четвертая часть валового национального продукта и треть государственного бюджета расходуются на импорт нефти». Поэтому он хладнокровно требует «снова завоевать Синай с его нынешними ресурсами». Такова «первоочередная» политическая цель. С той же самой циничной логикой автор приписывает другим тайные мысли сионистских руководителей и считает непреложным следующее: «Теперь, когда мы вернули Синай, Египет не будет больше соблюдать договор: он сделает все для того, чтобы вновь обрести свое место в арабском мире и поддержку Советского Союза. Поэтому «нам крайне необходимо действовать, чтобы вернуться к положению, которое преобладало на Синае до визита Садата и злосчастного соглашения, подписанного с ним в 1979 году».

Эта фраза попросту означает: нужна еще одна война, чтобы вернуться на Синай.

Склонные к благодушию западные деятели могут сколько угодно изощряться, чтобы представить этот холодный расчет в лирическом свете с метафизическими оттенками, ведь именно такой информацией они пичкали мировую общественность в отношении встречи Бегина с Садатом. Теперь вряд ли у них что-нибудь выйдет из этого. Тем более что Оded Йинон не оставляет им никакого шанса. Он пишет черным по белому: «Возможны два пути, ведущие к возвращению Синая. Прямой путь наименее реалистичен: Израилю было бы трудно по своей инициативе нарушить мир, если только (какая наглость!) его не вынудят к этому экономические и политические причины и если Египет не даст ему предлог для того, чтобы снова — в четвертый раз в истории государства — установить контроль над Синаем». Что касается предлогов, положимся на сионистских руководителей: они мастера на их выдумки и на провокации. Итак, предусмотрено возвращение со

временем Синая прямым путем, хотя и нереалистичным (поистине фарисейская стилистическая предосторожность). Автор не брезгует и «непрямым» путем. Он объясняет: «Экономическое положение Египта, характер его режима и его панарабская политика приведут к созданию такой обстановки, что Израиль будет вынужден вмешаться».

Египет в силу своих внутренних конфликтов не представляет больше для нас стратегической проблемы, и можно было бы менее чем за 24 часа вернуть его в состояние, в котором он находился после июньской войны 1967 года».

А вот изречение, касающееся одного из старейших государств мира: «Как централизованное государство, Египет уже представляет собой труп, особенно если учесть все более ожесточенные столкновения между мусульманами и христианами. Его раздел на отдельные географические провинции должен быть нашей политической целью на 90-е годы на западном фронте. Как только Египет будет расчленен таким образом и лишен центральной власти, Ливию, Судан и другие более удаленные страны постигнет та же судьба. Образование коптского государства в Верхнем Египте и мелких государств гораздо меньшего значения служит ключом к историческому развитию, которое в настоящее время задерживается мирным договором, но со временем оно неизбежно».

Это в отношении западного фронта. Что касается восточного фронта, можно считать, что вторжение в Ливан предвосхищает начало претворения в жизнь плана его «раздела на пять провинций», разработанного сионистскими руководителями, плана, который автор предлагает распространить на весь арабский мир. «Раздробление Сирии и Ирака на отдельные районы на основе этнических и религиозных критериев должно стать со временем первоочередной целью Израиля, а первый этап на этом пути — военный разгром этих государств».

ВПЛОТЬ ДО ФИЗИЧЕСКОГО ИСТРЕБЛЕНИЯ

Прежде всего раздробление Сирии. Автор представляет себе ее так: «Шиитское государство вдоль средиземноморского побережья, суннитское государство в

районе Халеба, еще одно — в Дамаске и община друзов, которые могли бы образовать свое собственное государство на наших (!) Голанских высотах, во всяком случае с включением в него Хаурана и северной части Иордании. Такова цель, которая нам теперь вполне доступна».

Останавливаясь далее на Ираке, он говорит, что тот давно «находится под прицелом израильтян», и указывает на его «нефтяные богатства». «Распад Ирака,— пишет он,— имел бы для нас более важное значение, чем распад Сирии, так как именно он представляет на ближайшее время самую серьезную угрозу для Израиля. Сирийско-иракская война способствовала бы его крушению изнутри, прежде чем он окажется в состоянии вступить в крупномасштабный конфликт против нас. Любая межарабская конфронтация будет нам полезна, и она ускорит час этого распада. Не исключено, что нынешняя война против Ирана приблизит время такой поляризации».

Кратко коснувшись Саудовской Аравии, «обреченной на распад такого же рода», автор останавливается на «ближайшей стратегической цели», на Иордании, которая в «будущем перестанет быть угрозой для Израиля; это наступит после ее распада, конца царствования Хусейна и передачи власти в руки палестинского большинства». Таким образом будет решена «проблема Западного берега (реки Иордан.— *Ред.*) с большой плотностью арабского населения». А пока что «эмиграция этих арабов на восток — в мирных условиях или вследствие войны — и замораживание их экономического и демографического роста призваны стать гарантиями будущих преобразований. И надо сделать все возможное, чтобы ускорить этот процесс». Так и написано: переселение мирное или вследствие войны и замораживание экономического и демографического роста. В менее абстрактных выражениях: обнищание населения, что будет способствовать его бегству и физической ликвидации.

Разумеется, всякое решение относительно автономии палестинцев отвергается. Более того, сионисты сделают все, чтобы суверенитет евреев был признан на всем пространстве между морем и рекой Иордан и чтобы евреи составляли большинство в горных районах. Отсюда необходимость изменить равновесие региона

в демографическом, стратегическом и экономическом плане».

Те, кто все еще продолжает видеть в Израиле маленькое государство, над которым нависла угроза, маленького Давида перед лицом арабского Голиафа, пусть поразмыслят над заключением, полным уверенности и высокомерия: «Наше существование в этом регионе обеспечено, и никто не заставит нас уйти отсюда ни силой, ни хитростью».

Это будущее уже наступило. Израильская армия, которую оснащают американские капиталисты, финансируют сионистские капиталисты всего Запада, поощряют или выгораживают недобросовестные европейцы, заставляющие других расплачиваться за свою слепоту, трусость или свой антисемитизм мрачных 40-х годов, — эта армия продолжает продвигаться все дальше, чтобы проливать кровь арабов, производить разрушения, уничтожать культуру. Во имя народа-«избранника»? Нет, во имя его величества доллара.

ИНТЕРВЬЮ ИЗРАИЛЬСКОГО ПУБЛИЦИСТА Г. ЛЕБРЕХТА

«ТАТ», ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Вопрос: Ганс Лебрехт, вы — ветеран антифашистского движения сопротивления и гражданин Израиля. Вы были участником IX конгресса Международной федерации борцов сопротивления (ФИР), который выступил с заявлением по ближневосточной проблеме. Какие чувства вызывают у такого человека, как вы, события, разыгравшиеся в последнее время в результате действий войск Шарона в Ливане?

Ответ: Как прогрессивный израильтянин, я испытываю чувство стыда. Агрессия в Ливане, предпринятая израильскими правителями в сговоре с американскими империалистами, вызвала у меня глубокое потрясение. Шовинизм и милитаризм у нас всегда процветали, но на этот раз они приняли небывалые размеры. Кроме стыда, я испытываю гнев и, разумеется, готовность принять участие в борьбе за прекращение войны и за немедленный вывод израильских войск из Ливана.

Вопрос: Была ли эта война неожиданной?

Ответ: Нет, мы предвидели ее давно, ведь израильские правящие круги часто угрожали ею. Многие вышли на улицы, когда, несмотря на строгую цензуру, просочились первые сообщения о войне. То, что происходит в Ливане, — геноцид, безжалостное уничтожение целых лагерей беженцев. Это всколыхнуло прогрессивных и реально мыслящих людей, как ни одна другая война до сих пор. Ведь мы пережили уже не одну войну, но практически раньше против агрессий протестовали только коммунисты и несколько близких к ним организаций.

На этот раз в демонстрациях приняли участие тысячи и тысячи людей. С самого начала боевых действий активно действовал «Комитет против войны в Ливане», в котором коммунисты выступают совместно

с различными миролюбивыми силами страны. Он возник из движения протеста против израильского террора на оккупированных территориях. Успешные акции осуществлял и «Комитет женщин против войны в Ливане».

Во время демонстрации, организованной движением «Мир — сейчас», к которому присоединился и «Комитет против войны в Ливане», на улицы вышло 100 тысяч человек.

Вопрос: Сначала геноцид против палестинского и ливанского народов, теперь открытая подготовка к нападению на Сирию. Как реагируют на это граждане страны, где сотни тысяч людей, сами либо их родственники, были жертвами фашистов?

Ответ: Подавляющее число участников этих антивоенных демонстраций — молодые люди. В последней демонстрации «Комитета против войны в Ливане» приняла участие большая группа демобилизованных солдат, вернувшихся из Ливана. Кроме того, существует организация «Всеmu есть предел», которая была создана 84 солдатами и офицерами. В своей петиции они заявили, что не желают больше служить за пределами израильских границ. Эта организация в течение одного месяца увеличилась до 300 солдат и офицеров, причем все они служили в Ливане. Существует еще одна группа, которая не принимала участия в демонстрации, но собрала 2 тысячи подписей солдат и офицеров под петицией против этой кровопролитной войны. Кстати, один из руководителей этой группы, которая сама по себе очень далека от прогрессивных и левых организаций, — сын министра внутренних дел Бурга. Некоторые даже готовы пожертвовать своей свободой, как, например, молодой коммунист Эли Гожански, с которым я лично знаком. Он был приговорен к тюремному заключению за отказ служить в Ливане.

Вопрос: Как же реагирует правительство, в котором есть и профашистские элементы, на растущее недовольство и сопротивление даже в самой армии?

Ответ: Прежде всего в этом правительстве есть не только некоторые «профашистские», но и самые настоящие фашистские элементы: Бегин и Шарон, а также назначенный министром руководитель фашистской партии «Техия», которая с конца августа входит в правительство. Что касается подавления сопротивле-

ния, то оно начинается с «промывания мозгов», которым занимаются с шести часов утра до полуночи радио и телевидение, а также проправительственная печать. Используется также и полиция, например для разгона пикетов. Однако, чтобы сохранить бытующее кое-где за рубежом мнение, будто Израиль — «единственная демократическая страна на Ближнем Востоке», некоторые митинги и демонстрации правительство разрешает. Тем не менее уже существуют законы, позволяющие принимать «более энергичные» меры в случае, если оппозиция правительству возрастет. До сих пор они применялись только против арабского населения. Но, разумеется, они предназначены для всех. Во время агрессии в Ливане у нас были приняты «чрезвычайные законы», которые предоставляют офицерам израильской армии и полиции право арестовывать иностранцев и до полугода держать их в «административном тюремном заключении», которое может продлеваться бесконечно и без всякого суда. Это распоряжение было сделано, так сказать, специально для пленных в Ливане, которых ведь не считают военнопленными. В стране действует целый ряд чрезвычайных законов, которые изданы еще во времена британского колониализма и даже сегодня носят английские названия.

Вопрос: Давно известно, что агрессивная политика дорого обходится как в моральном, так и в материальном смысле. Наращивание вооружений и война требуют много денег. Как это отражается на внутреннем положении в стране?

Ответ: Израиль переживает тяжелый финансовый кризис. Несмотря на значительные субсидии США и международных сионистских организаций, израильский народ несет тяжелое бремя гонки вооружений. Эта война готовилась давно. 40 процентов нашего валового национального продукта ежегодно расходуется на вооружения (а в США, например, «только» 5,5 процента). Если же учесть долги предыдущих лет, которые возникли главным образом из-за закупок оружия, то получится, что расходы на вооружения составляют две трети нашего бюджета.

Поэтому на социальные нужды остается очень мало. Сейчас правительство занимается сокращением ассигнований по всем статьям бюджета, за исключением расходов на военные цели. Следствие этого — колос-

сальная инфляция и высокие темпы роста дороговизны. В июне 1982 года цены увеличились на 9,8 процента, а в июле — на 8,2 процента, причем цены на фрукты, овощи, продукты питания растут на 15—20 процентов в месяц. А компенсационный рост заработной платы, которого рабочие с трудом добились в прошлые годы, не обеспечивает автоматической компенсации роста дороговизны. Заработная плата увеличивается не ежемесячно, а поквартально, причем всегда с опозданием, и компенсирует инфляцию в лучшем случае на 80 процентов. Это значит, что больше всего страдают те слои населения, которые мало зарабатывают. Самые низкооплачиваемые категории трудящихся, пенсионеры, которые получают пособия от органов социального обеспечения, живут в очень тяжелых условиях. Заработной платы неквалифицированного рабочего, даже если его жена работает, не хватает, чтобы обеспечить семью. Сегодня это можно сказать об очень широких слоях израильского населения.

Вопрос: Как обстоит дело с безработицей в Израиле?

Ответ: До последнего времени безработица росла. А сейчас ее рост остановлен мобилизацией в армию. В печати высказывается предположение, что из-за нехватки рабочих, возникшей в результате их мобилизации, производство сократилось на 17—18 или даже на 20 процентов. Некоторые заводы и фабрики вообще закрыты. Для страны, охваченной экономическим кризисом, у нас относительно небольшая безработица, потому что 40 процентов рабочих служат в армии или на предприятиях непомерно увеличившейся военной промышленности Израиля, а также на предприятиях, являющихся ее поставщиками.

Вопрос: Вы говорили о «неимущих» в Израиле. Очевидно, к ним следует отнести и арабское население, проживающее в Израиле. Каковы условия их жизни в Израиле и на оккупированных территориях?

Ответ: Следует проводить строгое различие между положением арабов в Израиле и на оккупированных территориях. В самом Израиле 16 процентов населения составляют арабы, которые считаются гражданами Израиля — правда, лишь в тех случаях, если они своевременно, то есть в возрасте от 18 до 22 лет, подали заявление с просьбой предоставить им израильское

гражданство. Зато еврейские иммигранты могут получать гражданство в любом возрасте, как только они приезжают в нашу страну. Официально арабов в Израиле вообще не существует. В статистических сведениях и официальных книгах говорится только о евреях и неевреях. Арабы не получили признания как национальное меньшинство. В стране существует ряд законов, легализующих сознательную дискриминацию. Например, при предоставлении пособий многодетным семьям, а они выдаются при наличии четырех и более детей, дискриминации подвергаются отцы семейств, если они не являются иммигрантами и не служили в армии. Но известно, что арабов не берут в армию.

Вопрос: Закон запрещает дискриминацию по политическим и расовым мотивам при трудоустройстве. Но ведь существуют неписанные законы. Так, на предприятиях, имеющих отношение к «безопасности», не могут работать ни коммунисты, ни арабы. А что теперь не имеет отношения к «безопасности»?

Ответ: В целом власти хотели и хотят создать такие условия, чтобы арабы ушли сами. Сейчас ультраправые в правительстве совершенно откровенно говорят об этом. Я могу привести слова одного министра, который сказал: «Кому здесь не нравится, пусть убивается. Я даже помашу ему на прощанье рукой». Одна из серьезных проблем арабского населения — это захват его земли; до настоящего времени израильские власти с помощью специально принятых законов конфисковали около 75 процентов арабской территории, уничтожили там деревни и создали на их месте еврейские поселения. Около 35—40 тысяч человек в стране — это выходцы из бывших арабских деревень, которые ныне живут в Израиле на положении беженцев. Таким образом происходит пролетаризация арабского населения Израиля. 80 процентов арабов получают сегодня заработную плату или работают в качестве мелких ремесленников. В результате среди арабского населения доля прогрессивных людей гораздо выше, чем среди еврейского населения. Арабы активно участвовали в движении протеста против войны в Ливане.

Вопрос: Наш последний вопрос. Вы написали книгу об истории палестинцев и выступаете с докладами об этой книге. Надеетесь ли вы в связи с этим активи-

зировать движение солидарности с палестинским народом?

Ответ: Когда я писал эту книгу, моей главной мыслью было показать, как сильно и как давно — вот уже 2100 лет — притесняют палестинский народ и гонят его с собственной родины. То, что сегодня происходит на оккупированных территориях, имеет давнюю историю. Мне хотелось бы показать, что палестинский вопрос возник не в 1967 и даже не в 1948 году. В введении я подчеркнул, что приехал в Израиль не в качестве колониста. Я бежал от гестаповских ищеек и вынужден был уехать туда.

Еще в подполье я был связан с Коммунистической партией Германии. В Палестине я очень скоро понял, что происходит. Я пишу также и об этом. Я хочу тем самым снять с себя своего рода вину перед палестинским народом. Однако, как только я понял, как в действительности обстоят дела, я стал принимать участие в борьбе против сионистской политики насилия, конфискации земель и т. д. и еще во времена английского мандата выступал за совместную борьбу евреев и арабов против колониального режима.

Раздел II

**СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ
ОЧЕВИДЦЫ
ТРАГЕДИИ**

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИЗРАИЛЯ ПРОТИВ ЛИВАНСКОГО И ПАЛЕСТИНСКОГО НАРОДОВ

ФАКТЫ И ВЫВОДЫ

ВВЕДЕНИЕ

6 июня 1982 года соединения регулярной израильской армии вторглись в Ливан, совершив агрессию против ливанского и палестинского народов. Цель этого вторжения состояла в уничтожении Организации освобождения Палестины, прежде всего путем убийства возможно большего числа палестинцев. Агрессоры убили, ранили и искалечили десятки тысяч ливанцев и палестинцев, главным образом женщин, детей и стариков; тысячи людей пропали без вести, около миллиона человек лишились крова или были вынуждены бежать из родных городов и деревень. Захватчики хладнокровно разрушили 14 лагерей палестинских беженцев, 3 больших города на юге Ливана и 32 деревни.

* * *

Международная комиссия по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов заседала в Никосии (Кипр) 15 и 16 августа 1982 года. Комиссия собралась в тот момент, когда в Ливане в результате агрессивной войны на уничтожение, развязанной Израилем против ливанского и палестинского народов, произошли такие события исключительной серьезности, как нарушения всех норм международного права.

Комиссия является независимым органом, ответственным за свою деятельность и свои решения. Ее члены принимают участие в работе Комиссии в качестве частных лиц, а не как представители организаций или государств. Функциями Комиссии являются сбор, заслушивание и оценка свидетельских показаний по фактам и событиям, относящимся к предмету расследования, ради которого она была учреждена, а также выводы из этих свидетельств.

На Комиссию произвели большое впечатление человеческие качества, правдивость и прямота очевидцев, которые перед ней выступали, а также достоверность и подлинность документов, которые были ей представлены. Прежде чем делать выводы или считать факты установленными, Комиссия придирчиво устраняла малейшие сомнения в правильности своих оценок.

Комиссия заслушала показания большого числа свидетелей, многие из которых наблюдали события на месте, в Ливане. В их числе: три члена самой комиссии — Полетт Пирсон Мати, Микис Теодоракис и Ганс Горан Франк, — которые были посланы в Ливан до начала работы Комиссии; члены скандинавской, греческой, голландской, канадской, финской и французской бригад врачей: общественные деятели и журналисты, которые работали в Западном Бейруте или посетили его; эксперты по военным вопросам и по поражающему действию современного оружия, использованного Израилем в Ливане, а также свидетели, прибывшие из Израиля.

Самый детальный отчет о последствиях вторжения в Ливан был представлен врачами и членами спасательных команд, работавшими в Набатни, Сайде и в лагере для беженцев Эйи эль-Хильва.

Они описали ужасные условия, в которых оказались палестинцы и ливанцы, бежавшие из своих разрушенных домов только для того, чтобы попасть затем под израильские бомбы там, где они искали убежище.

Врачи описали также действие различных видов бомб, в частности кассетных и фосфорных, на мужчин, женщин и детей, а также полное лишение всяких средств к существованию людей, которые уже жили на грани самой возможности существования. Д-р Крестос Граннон и г-н Ойвинд Меллер рассказали также, как их вместе с д-ром Штайнером Бирге арестовали израильские военнослужащие и описали подробности своего заключения в Сайде и Мегиддо. И хотя сами они не подвергались физическим истязаниям, они стали свидетелями бесчеловечного обращения с заключенными палестинской, ливанской и других национальностей, которых заставляли сидеть целыми днями связанными, с повязками на глазах на голом асфальте, под палящим солнцем, давали им минимум еды и воды и нередко избивали. Многие заключенные умерли за те четыре

дня заключения, которому подвергли свидетелей в Сайде. Д-р Фрэнклин Лэмб дал показания о применении против гражданского населения кассетных и фосфорных бомб американского производства.

Члены комиссии, посетившие Западный Бейрут, врачи и журналисты, которые имели доступ в этот город в последние недели, сообщили в деталях о бомбардировках города. Обширность и хаотичный характер разрушений были подтверждены многочисленными диапозитивами; образцы различных типов применявшихся бомб были сфотографированы, и нам были представлены эти фотографии. Были также продемонстрированы многие диапозитивы, показывающие ужасные раны, причиняемые фосфорными и кассетными бомбами. Врачи рассказали о трудности лечения этих ран. Горящий фосфор трудно погасить, он проникает глубоко в тело и продолжает гореть, пока не разрушит и не выжжет мягкие ткани. Было совершенно очевидно, что подавляющее большинство убитых и раненых являлись гражданскими лицами. Особенность поражающего действия этих бомб состоит в том, что они вызывают больше смертей, чем ранений. Диапозитивы показали также трудности повседневной жизни в городе, намеренно лишенном продовольствия, воды и электричества: длинные очереди за водой, детей, наполняющих сосуды в загрязненных прудах.

Из самого Израиля к нам поступила информация о росте оппозиции войне, хотя большинство населения пока ее поддерживает. Новости по телевидению и в прессе Израиля не отражают характера войны и не показывают действие бомб, как об этом информируется население других стран. Подлинная информация распространяется очень медленно и только через солдат, возвращающихся в Израиль.

* * *

Имеется значительное количество актов международного права, применимых к преступлениям, творимым Израилем в Ливане. Это: Петербургская декларация 1868 года, Гаагская конвенция 1907 года о правилах ведения сухопутной войны, Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге (1945 год), Конвенция 1948 года о предупреждении геноцида и нака-

зании за него, Женевская конвенция 1949 года и первый дополнительный Протокол 1977 года, Определение агрессии от 1974 года и многие другие международные документы. Израиль нарушает запрещение прибегать к силе в международных делах, провозглашенное в 1928 году пактом Бриана—Келлога.

Государство Израиль и его сионистское руководство обвиняются в совершении:

I — преступлений против мира;

II — преступлений против человечности;

III — военных преступлений, а также

IV — действий, направленных на лишение палестинского народа права на самоопределение.

I. Преступления против мира

Подвергнув бомбардировкам и артобстрелу, а потом захватив значительную часть Ливана, Израиль не просто нарушил общее запрещение применения силы в международных отношениях, содержащееся в статье 2, параграфе 4 Устава ООН. Израиль совершил агрессию в том смысле, как это сформулировано в Определении этого преступления, принятом Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 14 декабря 1974 года.

Государство Израиль и его правители обвиняются в совершении по меньшей мере следующих актов агрессии:

а) применение вооруженных сил государства для нападения или вторжения на территорию другого государства; военная оккупация, даже временная, ставшая результатом этого нападения или вторжения; аннексия силой территории другого государства или части этой территории;

б) бомбардировка вооруженными силами одного государства территории другого государства или применение одним государством любого оружия против территории другого государства;

в) блокада прибрежных портов одного государства вооруженными силами другого государства.

Израиль совершает предумышленную агрессию и оккупацию территории независимого суверенного государства, члена — основателя Организации Объединенных Наций и осуществляет прямое вмешательство во внутренние дела Ливана. Мы вынуждены сделать

вывод, что Израиль пытается установить в Ливане «новый порядок», служащий его собственным интересам.

Нужно подчеркнуть, что в соответствии со статьей 5, параграф 4 указанной выше резолюции ГА ООН, никакое соображение любого порядка — политического, экономического, военного или иного — не может оправдать агрессию. В свете этой статьи ссылка Израиля на свое право прибегнуть к самообороне, якобы в соответствии со статьей 51 Устава ООН, совершенно беспочвенна. Эта статья предоставляет право на самооборону только в случае вооруженного нападения на члена ООН. Однако Израиль не был объектом таких действий со стороны Ливана. Что же касается действий отдельных палестинцев, на которые ссылается Израиль, то эти действия правомерны, поскольку вытекают из неотъемлемого права палестинцев на самооборону, которое признано Генеральной Ассамблеей ООН, осудившей действия Израиля против палестинского народа как агрессию (резолюция 36/226 от 17 декабря 1981 года). Мы можем добавить, что палестинское присутствие в Ливане росло с 1967 года и имеет законным основанием учредительную конвенцию, называемую Каирскими соглашениями 1969 года. Присутствие сирийских войск в Ливане в составе межарабских сил по поддержанию мира базируется на соглашении, заключенном на встрече на высшем уровне в Эр-Риаде (Саудовская Аравия) 15 октября 1976 года. Это соглашение подписали 6 государств, в том числе Ливан и ООП. Просьба о защите силами арабских войск была направлена президентом Ливана. На этом основании всякий акт агрессии Израиля против палестинских и сирийских вооруженных сил может рассматриваться как агрессия против суверенитета Ливана. Такой характер действий Израиля был подтвержден резолюцией Совета Безопасности ООН № 509 от 6 июня 1982 года, требовавшей немедленного и безусловного вывода всех израильских войск из Ливана.

Израильская агрессия привела к оккупации и намеренному разрушению большей части независимого арабского государства Ливан. Она также угрожает политической независимости этого государства. Кроме того, израильская агрессия создает серьезную опасность международному миру и безопасности. Свидетели, прибывшие из Израля, сообщают о происходящем

постепенном изменении настроения влиятельной части израильского народа в пользу менее враждебной по отношению к ливанскому и палестинскому народам политики своего правительства. Комиссия может поздравить себя с тем, что эта часть израильского народа ставит под вопрос возможность оправдания и продолжения агрессии и зверств, чинимых агрессорами.

II. Преступления против человечности

Совершив беспрецедентный акт агрессии против независимого Ливана, государство Израиль и его правители начали осуществление политики геноцида против арабского народа Палестины.

Согласно определению, содержащемуся в статье II Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него, подписанной 9 декабря 1948 года, под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.

Израильяне совершили действия против палестинцев в таком масштабе, что они могут квалифицироваться как геноцид.

Израильские руководители не скрывают, что главная цель их действий состоит в ликвидации Организации освобождения Палестины и уничтожении или рассеянии палестинского народа как исторической и этнической общности. В результате осуществления этой политики геноцида палестинские жители Ливана поставлены в положение, угрожающее самому их существованию.

Неопровержимым свидетельством преступной деятельности Израиля является также и тот факт, что все палестинцы мужского пола в возрасте от 16 до 60 лет арестованы. Фактически они являются военнопленными, но их бросили в концентрационные лагеря, где они подвергаются самому жестокому и унижительному обращению.

Комиссия получила свидетельства очевидцев, членов норвежской медицинской бригады, о жестоком обращении с военнопленными палестинцами. Комиссию информировали о широком применении насилия, о регулярном и систематическом избиении, унижительном

и бесчеловечном обращении, о физических и моральных издевательствах над этими людьми.

Методы ведения военных действий, применяемые израильтянами, обращение, которому они подвергают палестинских военнопленных, «новый порядок», который они принесли в оккупированные районы Ливана, являют собой нарушения целого ряда норм международного права и по своему характеру являются военными преступлениями.

III. Военные преступления

1. Преднамеренное ведение военных действий против гражданского населения. Бомбардировки и артиллерийские обстрелы мирных городов и селений

Методы ведения израильтянами военных действий против гражданского населения, бомбардировки и артиллерийские обстрелы мирных городов и населенных пунктов являются нарушениями:

а) Петербургской декларации 1868 года, которая требует, чтобы воюющие стороны вели военные действия только против вооруженных сил противника;

б) статьи 25-й Декларации, приложенной к Гаагской конвенции от 16 октября 1907 года, которая запрещает всякие нападения на открытые или необороняемые города;

в) статьи 6-й раздела В Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, который приравнивал разрушение городов и деревень к военному преступлению;

г) статьи 45-й и последующих первого дополнительного Протокола от 18 июня 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года о защите жертв войны;

д) резолюций 2444/XXIII и 2675/XXV Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которые запрещают всякие военные операции против гражданского населения.

Все три группы членов нашей Комиссии, которые посетили Ливан, подтвердили, что в результате операций израильской армии разрушены значительные части Бейрута, Тира, Набатии и Сайды, а также других городов, а многие лагеря палестинских беженцев полностью стерты с лица земли. Более 600 000 ливанцев остались без крова, а вся оккупированная территория

Ливана оказалась в критическом положении. Согласно одному из докладов наблюдателей ООН, около 300 000 граждан Ливана и не менее 83 000 палестинцев нуждаются в срочной медицинской и другой помощи.

2. Применение кассетных, фосфорных, шариковых и других бомб

Использование кассетных и фосфорных бомб и некоторых других видов оружия является нарушением Петербургской декларации 1868 года и Гаагской конвенции 1907 года, которые запрещают применение оружия, причиняющего людям особо жестокие страдания. Совсем недавно эти виды оружия специально были внесены в дополнительный Протокол к Женевской конвенции 1949 года.

Все свидетели заявили, что эти чудовищные средства массового уничтожения применялись Израилем в Ливане и что подавляющее большинство их жертв составили мирные гражданские лица.

До нас дошли сведения о применении еще более ужасного оружия, такого, как вакуумная бомба. Наш долг провести дополнительное расследование фактов применения этого оружия.

3. Бомбардировки госпиталей и больниц, защищенных эмблемами Красного Креста или Красного Полумесяца

Это является нарушением одной из старейших норм гуманитарного права, нормы, зафиксированной во многих документах, в частности в статьях 18 и 23 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения в случае войны.

Израильская военщина также запретила Международному Красному Кресту оказать помощь палестинцам и населению Бейрута.

4. Перекрывание снабжения водой, продовольствием, электричеством и медикаментами, жизненно необходимыми для гражданского населения

Эти действия против гражданского населения запрещены гуманитарными конвенциями, в частности статьей I, параграф 1, дополнительного Протокола, которая запрещает установление голодной блокады

гражданского населения как метода ведения военных действий.

То, что израильтяне совершали подобные действия, подтверждается резолюцией Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 30 июля 1982 года. Совет Безопасности потребовал в этой резолюции, чтобы правительство Израиля незамедлительно сняло блокаду с города Бейрута и дало возможность начать снабжение города для удовлетворения самых насущных нужд гражданского населения, а также разрешило распределение помощи, оказанной ООН и неправительственными организациями, в частности Международным Комитетом Красного Креста (МККК).

5. Статья 51, параграф 2, дополнительного Протокола запрещает акты насилия или угрозы насилия, имеющие целью главным образом терроризировать гражданское население

Израильские лидеры широко использовали угрозы насилия, особенно во время осады Бейрута.

6. Отказ гарантировать статус военнопленных палестинским комбатантам является нарушением

статьи 4 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.

Комиссия была информирована, что нынешнее правительство Израиля не признает за палестинцами статуса военнопленных и отказывается обеспечивать им соответствующее обращение, тогда как Организация освобождения Палестины подтвердила свое намерение соблюдать все Женевские конвенции и известила об этом швейцарского министра иностранных дел 7 июня 1982 года.

Отказ палестинцам в статусе военнопленных противоречит также резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3103/XXVIII от 12 декабря 1973 года, которая требует, чтобы этот статус признавался за любым лицом, которое сражается против иностранной оккупации за свое право на самоопределение.

7. Жестокое обращение с палестинцами, комбатантами и гражданскими лицами, захваченными израильскими силами

Эта жестокость нарушает многие положения Женевской конвенции об обращении с военнопленными и Женевской конвенции о защите гражданского населения в случае войны. Статья 13 первой из них содержит общие положения, требующие, чтобы с военнопленными всегда обращались гуманно. Она запрещает также наносить им увечья.

8. Создание препятствий для исполнения властями оккупированных территорий своих функций

Создание подобных препятствий нарушает статью 54 Конвенции о защите гражданского населения в случае войны, которая запрещает оккупирующей державе изменять статус официальных лиц и судей.

9. Израильяне систематически и целенаправленно обстреливали и разрушали расположенные в Бейруте дипломатические представительства СССР, Чехословакии, Болгарии, Франции, Алжира, Канады и все арабские посольства, хотя все эти миссии традиционно пользуются правом неприкосновенности во времена вооруженных конфликтов

10. Разрушение памятников и учреждений науки и культуры

Такое разрушение нарушает положения Гаагской конвенции от 14 мая 1954 года и статью 53 дополнительного Протокола о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов.

Израильяне совершали и такие преступления в Ливане.

Израильские самолеты систематически и целенаправленно разрушали здание Арабского университета и выставочный зал произведений палестинского искусства и культуры.

11. Нарушение других традиционных правил ведения войны

Международное право запрещает, в частности, любой акт вероломства (см. статью 37 дополнительного Протокола).

Израильские войска много раз нарушали соглашения о прекращении огня, используя их для перегруппировки своих сил, подвоза боеприпасов и укрепления

захваченных позиций с тем, чтобы потом вероломно нарушать прекращение огня.

IV. Отрицание права палестинского народа на самоопределение

С момента принятия Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 года Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам любое навязывание народам иностранного ига, любые военные действия или репрессивные меры против народов, борющихся за осуществление своего права на самоопределение, должны рассматриваться как тяжкие международные преступления. Тем более что Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1974 году резолюцию (3236), которая официально подтверждает право палестинского народа на самоопределение.

Израиль и его правители своими действиями, и прежде всего путем применения силы, систематически отказывали палестинскому народу в праве на самоопределение и создание своего собственного государства, а оккупировав территории, принадлежащие этому народу, они фактически совершили преступление.

Международная ответственность

А. Соединенные Штаты являются соучастником израильских преступлений.

Соединенные Штаты несут международную ответственность за нарушение Израилем международного права ввиду той поддержки, которую они оказывают Израилю в совершении им перечисленных выше международных преступлений.

Эта поддержка включает:

1) военную помощь в форме поставок оружия и современного оборудования. Американо-израильский меморандум о стратегическом сотрудничестве, подписанный в 1981 году, позволил координировать операции этих стран на Ближнем Востоке;

2) экономическую помощь в форме безвозмездных поставок и значительных займов;

3) прямую поддержку израильской агрессии в политическом и дипломатическом плане, которая выражается в использовании Соединенными Штатами права вето в Совете Безопасности для срыва резолюций,

требующих вывода израильских войск, а также в отказе голосовать на Генеральной Ассамблее ООН за резолюцию, осуждающую израильскую агрессию.

Б. Более 50% израильского экспорта идет в страны Европейского экономического сообщества (ЕЭС), где Израилю предоставлены привилегированные таможенные тарифы и значительные кредиты. Это является формой косвенной экономической поддержки государства, которое упорствует в своей агрессии и в оккупации Ливана. В то же время известно достаточно прецедентов, когда агрессия вызывала немедленные санкции. Мы призываем США и ЕЭС к принятию санкций против агрессора.

V. Об ответственности организаторов и вдохновителей преступлений, совершенных в Ливане.

Перечисленные выше нормы международного права, нарушенные Израилем, являются тем не менее обязательными для него либо на договорной основе (в том, что касается Израиля, Женевские конвенции вступили в силу 6 июня 1951 года), либо в силу того, что эти нормы основаны на обычаях и стали в наши дни элементами общего международного права, обязательными для всех государств без исключения.

Ответственность Израиля тем более велика, что он отказывается выполнять обязательные решения Совета Безопасности.

Всеобщий правовой принцип неотвратимости наказания за совершенные преступления должен соблюдаться в случае международных преступлений даже с особой строгостью, потому что последние угрожают международному миру и безопасности и ведут к непредсказуемым экономическим, моральным и этическим потерям для стран и народов, подрывая в целом международный закон и порядок.

Что же касается израильской агрессии в Ливане, то, по мнению Международной Комиссии, между ООН и Израилем существуют особые узы, поскольку Израиль является единственным государством, которое получило государственность и приобрело территорию в силу соответствующего акта Организации Объединенных Наций. Израиль является единственным государством в мире, которое родилось по воле международного сообщества. Резолюция, на основании которой

Израиль был принят в ООН, заявляет категорически, что государство Израиль признает целиком и полностью обязанности, вытекающие из устава ООН, и обязуется их уважать. Следовательно, Израиль обязан с особой ответственностью, считая это своим международным долгом, подчиняться Уставу ООН и решениям Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и уважать международное право. Всякое нарушение Израилем Устава и международного права непростительно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международная Комиссия требует немедленного прекращения израильской агрессии против Ливана, снятия осады и блокады с Западного Бейрута и немедленного и безусловного вывода всех израильских сил из Ливана. Мы требуем, чтобы был остановлен геноцид против ливанского и палестинского народов. Мы требуем также немедленного освобождения всех военнопленных. Международная Комиссия осуждает израильские преступления против мира, преступления против человечности, военные преступления, нарушения международного права, а также действия Израиля, направленные на то, чтобы лишить палестинский народ права на самоопределение.

Международная комиссия предупреждает всех тех, кто прямо или косвенно виновен в нарушении международного права и в преступлениях против человечности, что им придется отвечать перед международным трибуналом.

Международная комиссия, исходя из известного правила, требующего, чтобы преступник возместил причиненный им ущерб, также требует, чтобы Израиль выплатил полную сумму репараций.

Международная комиссия призывает все правительства и их руководителей, неправительственные организации, все церкви и религии мира, профсоюзы, всех людей выразить солидарность и оказать моральную поддержку ливанскому и палестинскому народам. Комиссия просит, в частности, чтобы врачебная помощь и медикаменты были в срочном порядке направлены жертвам агрессии.

Международная комиссия заявляет, что справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке не может быть достигнут без полного освобождения Израилем всех оккупированных с 1967 года арабских земель и без предоставления палестинскому народу неотъемлемого права на самоопределение и создание независимого государства. Путь к этому лежит через признание Организации освобождения Палестины единственным и законным представителем палестинского народа и гарантирование независимости, территориальной целостности и суверенитета Ливана.

Комиссия чувствует себя глубоко обязанной и признательной правительству и народу Кипра за их сотрудничество и за их эффективную помощь в быстрой организации настоящего заседания Комиссии в Никосии, за теплый прием и гостеприимство, которые встретили здесь все ее члены.

78 ДНЕЙ БЕЙРУТА *

До последних дней жизни будет стоять у меня в глазах тот мальчуган из Западного Бейрута! Во время воздушного налета израильских фашистов он не искал убежища. Когда вокруг бушевал огненный шквал и сыпались бомбы, малыш бесстрашно пускал в грохочущее небо сделанные им из газеты бумажные самолеты, чтобы преградить дорогу убийцам-«Фантомам». До тех пор пока его последний самолет не остался лежать, подобно осеннему листу, на похолодевшей ладони.

Самое страшное случилось после ухода отрядов Палестинского сопротивления из Бейрута. Тысячи ни в чем не повинных детей, женщин и стариков стали жертвами кровавого террора, развязанного оккупантами. Расстрелянные, растерзанные гусеницами танков, погребенные под развалинами палестинцы — вот «безопасность и спокойствие» по-сионистски.

Все 78 дней героической обороны Бейрута руководство ООП вело переговоры со специальным посланником президента США Хабибом. Через этого эмиссара мы получали послания, подписанные Рейганом, в которых он призывал нас уйти из Бейрута, гарантируя безопасность остающимся в городе мирным жителям — палестинцам и ливанцам.

Но американские гарантии обернулись реками крови в палестинских лагерях на окраине Западного Бейрута.

Теперь уже ни для кого не секрет, что резня в Бейруте предпринята исключительно по политическим соображениям, прежде всего в расчете на то, что горы тел невинно погибших стариков, женщин и детей вновь сведут на нет возможность мирного урегулирования арабо-израильского конфликта.

* Статья была опубликована в газете «Советская Россия» 3 октября 1982 года.

Совершенно очевидно, что эта акция — недвусмысленный ответ Израиля на широкую волну протестов, поднявшуюся во всем мире в связи с событиями в Ливане. Это и ответ на решения фесского совещания глав арабских государств и правительств, которые спустили карты Вашингтона и Тель-Авива, пытавшихся навязать арабским странам сепаратный мир.

Кэмп-дэвидский «мирный процесс» оказался для арабов ловушкой, а для Израиля — дорогой к безнаказанным агрессиям и расправам над палестинцами.

Как можно верить после всего этого американской администрации! Рейган льет крокодиловы слезы и выдвигает «новый план урегулирования». Однако ему больше не обмануть арабов. Совершенно очевидно, что все это — откровенная попытка нажиться на израильской агрессии в Ливане, стремление распоряжаться судьбами целых народов, перекраивать в своих интересах политическую карту нашего региона.

Бегин никогда не хотел и не хочет мира на Ближнем Востоке. Во время недавнего празднования его 69-летия израильские генералы в знак особых «заслуг» своего шефа преподнесли ему весьма своеобразный подарок: огромный шоколадный торт в виде танка, который был точной копией боевой модели «Маркаба». Символично, что тогда рядом с Бегинем находился другой «танк» — такое прозвище дали в израильских военных кругах министру обороны генералу Шарону. А тем временем настоящие танки «Маркаба» начали передвижение в пограничных районах с Ливаном, готовясь к вторжению в эту арабскую страну.

На меня произвела огромное впечатление позиция советской общественности в деле расследования преступлений израильских агрессоров на ливанской земле. Глубоко символично, что в самое трудное для палестинского народа время Советский Союз выступил с новой внешнеполитической инициативой, в которой в четкой и недвусмысленной форме излагается план всеобъемлющего и прочного урегулирования на Ближнем Востоке.

*Фаиз Ахмад Фаиз,
пакистанский поэт,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»*

ОНИ НЕ ЩАДЯТ НИКОГО *

Представьте себе целые кварталы опаленных тротиловой гарью руин, щетину стальной арматуры, скрученной страшной силой взрывной волны, уродливые зазубрины уцелевших стен, торчащие на месте десяти-и пятнадцатизэтажных зданий... Представьте себе обугленные остовы сгоревших автомобилей, жуткой вереницей тянущихся из конца в конец улицы... Представьте себе запорошенные известковой пылью, усыпанные битым стеклом и раскромсанным кирпичом тротуары и мостовые, на которых лежат люди в тех ужасающе неестественных позах, которые присущи только внезапно обрушившейся смерти... И непрерывный вой сирен машин «скорой помощи», особенно тоскливый и громкий, когда вдруг смолкает рвущий барабанные перепонки грохот бомбежки... Таков фронтовой Бейрут. Взываю к вашему воображению потому, что не могу отыскать слова, которые описали бы варварство израильской военщины, хладнокровно и методично уничтожающей город.

Память людская хранит такие горькие символы беспощадной жестокости захватчиков, как Герника, Лидице, Хатынь, Сонгми... Соберите их неопишуемые страдания воедино и перенесите на ливанскую землю — возможно, так будет легче воссоздать картину того, что творят сейчас израильские оккупанты. Их злодеяния есть не что иное, как самый настоящий геноцид. Они не щадят никого, стремясь физически искоренить участников палестинского сопротивления и его лидеров.

Тактика Тель-Авива подтверждает, что он развязал войну на уничтожение. Израильские войска, вторгшиеся с юга Ливана, окружают города и расстреливают их

* Статья была опубликована в «Литературной газете» 28 июля 1982 года.

корабельной и наземной артиллерией, разрушают массированными бомбовыми ударами с воздуха. Они обрекают население — мирных, ни в чем не повинных жителей, в том числе даже неспособных держать оружие стариков и детей, — на гибель. Так они поступали с Тиром, Набатией, Сайдой... Это ведь не просто географические названия — они дороги всему человечеству как бесценные памятники истории.

В Бейруте мне довелось побывать на пепелищах, которые остались на месте трех разбомбленных израильскими пилотами школ. Кто знает, сколько шустрых черноглазых ребятишек, которые завтра могли бы стать рабочими и хлеборобами, поэтами и учеными, нашли безвременную смерть под руинами! Кто знает, сколько нужных развивающейся стране умелых рабочих рук и талантов потерял ливанский народ! А как подсчитать материальные потери?

Число жертв среди населения составляет тысячи и тысячи, а ущерб колоссален.

Точнее сказать сейчас невозможно: даже спасательные отряды не всегда успевают прийти на помощь погибающим в завалах людям из-за непрерывных бомбежек. Зачастую воздушные налеты начинаются в полночь и длятся до полудня, израильские летчики, доставляющие на самолетах американского производства изготовленную в США взрывчатую смерть, появляются над городом и возвращаются снова и снова, опорожняя раз за разом бомболюки. А когда улетают стальные стервятники, за дело принимаются корабельные орудия, расстреливающие прямой наводкой приморскую часть города. Полностью разрушено и расположенное там помещение редакции «Лотоса», которую мне пришлось покинуть — она оказалась в зоне прямых попаданий снарядов.

Тель-Авив заявляет, что его мишенью являются боевые формирования палестинского сопротивления. Это наглая ложь! Вооруженных палестинцев насчитывается всего около шести тысяч, подавляющее большинство жертв израильской агрессии — мирные беззащитные жители. Мне удалось посетить одну из бейрутских больниц: ранеными забиты коридоры, лестничные площадки, двор. Не хватает лекарств, перевязочных средств, медикаментов. Не хватает врачей, медицинских сестер, санитаров. Пытаясь задушить город

и принудить его к сдаче, Израиль не пропускает в него транспорт с медикаментами, которые направляются туда Международным Красным Крестом и Красным Полумесяцем, другими международными организациями, дружественными Ливану странами. В Западном Бейруте разрушены электростанции, прервано водоснабжение. А окопавшиеся в Восточном Бейруте фашиствующие фалангисты — пятая колонна Израиля в Ливане — прекратили подачу электроэнергии и воды в западную часть города. Они дают свет и воду на час-другой в сутки — словно в издевку, чтобы еще более усугубить страдания жителей, многие из которых лишились крыши над головой и не имеют возможности запастись хотя бы питьем для себя и детей.

Должен подчеркнуть, что за преступления израильских сионистов в полной мере несут ответственность их вашингтонские покровители и вдохновители. Это их военная и политическая помощь, это их опека в ООН позволили распоясаться агрессору, нагло попирающему международное право, бросающему вызов мировому общественному мнению. Мы всегда будем помнить, что первый акт нынешней трагедии Ливана был разыгран на американской земле соучастниками позорной кэмп-дэвидской сделки.

Но это не значит, что ливанские патриоты и палестинцы остались один на один с вооруженной мощью израильского сионизма и американского империализма. Они черпают мужество и надежду в солидарности всех людей доброй воли, в непреклонно последовательной позиции, занимаемой по ближневосточной проблеме Советским Союзом — верным другом арабов, который вместе с другими социалистическими странами выступает в защиту их права на родину, независимость, свободу. В защиту священного права на жизнь и справедливый прочный мир.

ФУТБОЛ В ЛИВАНЕ-82 *

— Не волнуйся, мамочка! Я ненадолго!

— Ладно, ладно!.. Только смотри не опаздывай к ужину!..

— Хорошо!..

Махмуд, схватив старенький, сшитый из тряпок мяч, стремглав выскочил на улицу, где его уже нетерпеливо ждали друзья.

— Составы команд те же, что вчера, — на ходу сказал Махмуд. — Уж сегодня-то мы обязательно выиграем, — задиристо повернулся он к капитану противников. — Али, ты на воротах... Ну что, начали?

— Махмуд, здесь поле маленькое, может, лучше пойдем на школьное?

— Далековато...

— Ничего, еще рано. Поиграем немного, и назад.

— Но я обещал матери вернуться к ужину, — возразил Махмуд.

— Не бойся, успеешь. Через пару часов будем дома.

И ватага мальчишек, сверкая босыми пятками и поднимая за собой облако серой пыли, помчалась на край деревни, где находилась школьная спортивная площадка.

Раззадоренные игрой ребята, забыв о времени, гоняли и гоняли мяч. Устав, они отправились на небольшой деревенский луг к своему любимому тутовому дереву. Древний великан, словно радуясь их приходу, приветливо зашумел листвою, протягивая навстречу старым знакомым свои могучие ветви. С веселыми криками мальчишки вскарабкались на дерево и, обнимая упругие ветки, начали рвать сочные ягоды.

Махмуд подумал, что будет здорово, если он соберет немного тута домой, на ужин. Он представил, как обра-

* Статья была опубликована в «Литературной газете» 6 октября 1982 года.

дуется мать такой заботе, а отец, погладив его по голове своей жесткой и сильной ладонью, скажет, пряча в черные усы улыбку: «Смотри, какой у нас помощник растет!»

Перемазанные черным тутовым соком, похожие на больших птиц, мальчишки, сидя на дереве, затаили веселую ливанскую песню, которую у них в деревне пели на уборке урожая. Вдруг в стороне деревни гроыхнуло.

— Ребята, вы слышали?! Что это? — встревоженно спросил кто-то.

— Это, наверное, в каменном карьере.

— Но уже поздно, работа там давно закончилась.

Растерянно переглянувшись, ребяташки продолжали сидеть на дереве. Все смотрели в сторону деревни, стараясь понять, что там случилось.

А над селом, медленно разрастаясь, поднималась огромная туча дыма. Тяжело вспухая черными горбами, она быстро увеличивалась, траурным покрывалом затягивая все небо. Острыми клинками ее кое-где вспарывали жадные языки яркого пламени. Взрыв повторился. Теперь он был такой силы, что дерево здорово трянуло, и детям пришлось покрепче ухватиться за ветки, чтобы не упасть.

Крупные ягоды тута черным градом забарабанили по земле. Вдали послышался металлический скрежет танков и бронемашин. Из-за горизонта показалось большое облако серой пыли, которое стремительно несло к деревне.

Мальчишки, спрыгнув с дерева и роняя из полных карманов ягоды, что было сил помчались к деревне, на месте которой уже полыхал огромный огненный факел. Неожиданно сзади, взметнув в воздух большие комья земли, взорвался снаряд, потом другой, третий... Обезумевшие от страха дети метались по полю, не понимая, что происходит. Следующий снаряд обрушился совсем близко. Махмуд увидел, как, обливаясь кровью, упали несколько ребят, как в крике забился лучший нападающий их команды. Махмуд пытался позвать на помощь, но не мог издать ни звука сдавленным горлом. Мир провалился в ужасающую тишину. Страшная сила рванула у него из-под ног землю...

На окраине деревни столпились люди. Блики пламени высвечивали на лицах женщин и детей ужас и гнев. Они молча, окаменевшим взглядом смотрели, как

горят их дома, в которых было прожито столько лет, как огонь безжалостно пожирает все, что было создано непосильным трудом. Люди понимали, что случилось что-то страшное, непоправимое, что уже ничем нельзя помочь их деревне, исчезавшей на глазах в полыхавшем пожарище. Они смотрели вслед грязно-серым, с шестиконечными звездами на бортах бронированным чудищам, которые промчались мимо, оставляя за собой огонь и смерть. А над ними, обгоняя грохот собственных двигателей, проносились израильские «Фантомы». От беспомощности перед этой внезапно нахлынувшей бедой, перед этой неумолимо жестокой силой, вломившейся в их дом, у людей сжимались кулаки. Пламя пожара высушило слезы страха и зажгло огоньки мести в их глазах. Ослепленные горем матери, которые уже почти потеряли надежду найти своих детей, увидев чудом уцелевших нескольких ребятишек, бросились им навстречу.

— Мама, мамочка!..

— Али, сыночек!.. — прижала подбежавшего ребенка к своей груди мать.

— Мама, папа!.. — кричал Махмуд, сиюсь разглядеть их в толпе.

— Твоя мама дома, Махмуд! — остановила его какая-то старуха.

В первую минуту Махмуд не узнал в этой в один миг поседевшей женщине их молодую соседку-хохотушку тетю Амаль.

— Стой! Не ходи туда! Мама сейчас придет! — пыталась удержать она мальчика.

— А где отец?

— Он с ней! Помогает собирать вещи.

— И велосипед? И новый костюм? И мои книги?

— Ну конечно же!.. Махмуд, не ходи туда!..

Но мальчик, не слыша ее, бросился к дому. Он лихорадочно думал, что обязательно надо спасти велосипед, который отец купил ему недавно в рассрочку, когда Махмуд с отличием закончил четвертый класс. До школы было далеко, и на велосипеде он собирался ездить на занятия, заранее представляя, как будут завидовать ему все мальчишки.

Деревня догорала. По краям дороги стояли обуглившиеся, пышущие жаром стволы деревьев, еще несколько минут назад шелестевших зеленой листвою. Они выстроились в какую-то странную и зловещую ше-

ренгу безмолвных свидетелей навалившегося горя. Время от времени, словно все еще пытаюсь освободиться от страшных огненных пут, они обессиленно стряхивали с себя тучи искр, которые, кружась в воздухе, падали на землю мертвым, серым пеплом догорающей жизни.

Задыхаясь от сизого дыма, пластами слоющегося над развалинами, мальчик, как в тумане, бежал вперед, стараясь побыстрее найти свой дом. «Надо спасти мои новые книги,— мелькнуло в голове,— они, кажется, лежат в свертке на столе. Отец с таким трудом купил их в городе...»

Кое-где огонь вспыхивал с новой силой, но, пробежав по стене или черному остову крыши, быстро устал и так же быстро исчезал, растворяясь в облаке дыма. В деревне не было ни души. Потрескивание догорающего дерева напоминало, что несколько минут назад здесь бушевал огромный пожар. Мальчик еще не мог поверить в то, что произошло. Где-то в глубине его души мелькнула страшная догадка, но он сразу же прогнал ее: «Нет, нет, не может быть...»

Увидев в стороне маленькую деревянную скамейку, которую они недавно смастерили с отцом, он даже не удивился, что она уцелела от огня, в бессилии опустился на горячую доску. Растерянно и испуганно Махмуд смотрел, как маленькие язычки пламени, то исчезаая, то вновь появляясь, в каком-то феерическом танце пробегали по обуглившимся стенам их комнаты.

«Нет, нет, не может быть,— стучало у него в висках.— Неужели мать, к груди которой он так любил прижиматься с нежностью, погибла в огне! Неужели пламя гложет сильные руки отца, которые все на свете умели делать и так часто ласкали его? А Фатма, малышка, его любимая сестренка? А может, это вовсе не их дом? Не может же он остаться один! Разве мог этот безумный огонь отобрать у него сразу всех: маму, отца, сестру?»

Махмуду показалось, что его кто-то позвал. Мальчик вскочил на ноги, рванулся вперед и отчаянно закричал:

— Мама! Папа! Фатма!

Ответом было злое шипение огня, равнодушно уносившееся в черное, опустевшее небо...

РЕПОРТАЖ ИЗ ОСАЖДЕННОГО БЕЙРУТА

«ЮМАНИТЕ», ПАРИЖ

На одной из улиц Бейрута нас остановил какой-то человек. Заметив, что мы иностранные журналисты, попросил пойти с ним и посмотреть, в каких условиях живут он и его семья. «Что им, этим израильтянам, сделали дети, чтобы заставлял малышей искать убежище там, где свалены отбросы?» — говорил он, ведя нас по развалинам, в которые превращена улица. Мы вошли в подвал одного из разрушенных зданий. Горы отбросов испускали зловоние. Здесь нашли приют несколько мусульманских семей.

Нас окружила группа детей. На их неестественно бледных лицах любопытство и приветливость. Ныне в Бейруте народ живет в руинах. Продолжающаяся вот уже более месяца осада города, непрерывные бомбежки израильтян заставили часть населения Бейрута вести, по сути дела, пещерный образ жизни. А ведь совсем недавно этот район ливанской столицы был одним из самых густонаселенных.

Сегодня картину опустошения трудно описать словами — это нужно видеть. Подвергающийся непрерывным артобстрелам израильских тяжелых орудий район превращен в руины, среди которых изредка то там, то здесь появляется фигура бойца — защитника города. Кажется, что город пуст, вымер. Фактически здесь уже нет условий для жизни: вода заражена, не прекращается грохот взрывов, рушатся здания...

Повсюду заброшенность и пустота. Один из жителей подземелий, вдруг возникнув перед нами, говорит: «Вот что осталось от моего дома», — и указывает на груды камней и изуродованного домашнего скарба. Но несмотря ни на что, эти несчастные не хотят уходить. Они зарываются в землю, чего-то ждут, цепляются за несколько метров земли, где когда-то стоял их дом. Они нам говорят только одно: «Смотрите сами...»

Слушая их, невольно думаешь, что они никогда не забудут и не простят...

«Израильтяне бомбят все без разбора», — заявил нам посол Франции в Ливане. Если посмотреть на Бейрут после израильских налетов, невольно задаешься вопросом: неужели израильские террористы хотят уничтожить все — дипломатические представительства, больницы, другие гражданские объекты...

Бербир, одна из главных больниц Бейрута, не пострадала от прямых попаданий израильских бомб и снарядов, как это произошло с психиатрической лечебницей. Но все вокруг разрушено израильской артиллерией. «Хорошо известно, что здесь нет никаких военных объектов», — говорит нам врач Амаль Шамма. Сама она педиатр и работает здесь давно. В результате обстрела израильтян были ранены шесть человек из числа обслуживающего персонала больницы. На третьем этаже огромная лужа запекшейся крови. При виде такого тошнота подступает к горлу...

В густонаселенном квартале в южной части города — пункт медицинской помощи. Один из врачей сообщает, что израильтяне используют снаряды, начиненные фосфором, которые вызывают особенно много жертв.

Но и израильтяне платят высокую цену за осаду Бейрута. Все говорит о том, что силы Палестинского движения сопротивления и ливанские Национально-патриотические силы наносят интервентам тяжелые потери в живой силе... На некоторых участках фронта израильтяне были вынуждены отступить.

БОМБЫ ПРОТИВ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

«МИДЛ ИСТ», ЛОНДОН

В один из июльских дней, после полудня, девять израильских бомбардировщиков совершили несколько налетов на лагеря палестинских беженцев Сабра и Бурдж аль-Баражна. Это злодейское нападение стало одним из примеров варварской жестокости израильских захватчиков. Управляемые по радио ракеты сионистов разрушили практически все строения в лагерях. Издали можно было видеть, как огонь уничтожал все вокруг, грибообразные облака черного дыма заволокли горизонт. С юга Ливана появлялись все новые и новые самолеты, которые сбрасывали на лагерь свой смертоносный груз.

Одна из палестинок, которой удалось выжить, рассказывает:

— Люди разбегались, стараясь спрятаться где-нибудь. Мой маленький сын влез в большую картонную коробку, валявшуюся на улице, думая, что там можно спастись. С грохотом рушились здания. А мы были совершенно беззащитны. Это был дождь смерти, нас уничтожали, как подопытных кроликов.

Израильтяне бомбили и обстреливали даже больницы и кареты «скорой помощи», спешившие на помощь пострадавшим. Многие члены спасательных бригад были убиты. Через двадцать минут после первого удара по радио начали передавать список погибших во время налета. Сообщения о новых жертвах среди мирного населения передавались до вечера.

ЖЕРТВЫ ГЕНОЦИДА — ДЕТИ

«НЬЮСУИК», НЬЮ-ЙОРК

Израильские оккупационные войска контролируют южную часть Ливана. Они продолжают бомбардировки Бейрута. Ультиматум Тель-Авива гласит: «Сдавайтесь или вам смерть!» В горах, к востоку от столицы Ливана, сирийские войска вместе с палестинцами сражаются с израильскими захватчиками.

Основными мишенями агрессоров стали лагеря палестинских беженцев в Бейруте. Бомбы с израильских самолетов превратили их в пустыри, охваченные пожарами. Дым виден повсюду. Здание, в котором располагалась больница для душевнобольных, также подверглось бомбардировкам. Здесь все залито кровью. В одной из комнат пятеро стариков сидят на полу и безучастно взирают на развороченные взрывами стены. В другой комнате плачут дети.

Неоднократные соглашения о прекращении огня не привели к улучшению положения жителей Бейрута. Их страдания продолжаются. Неразорвавшиеся «бомбочки» американского производства, которые были сброшены с израильских самолетов, уносят сотни жизней. От них гибнут главным образом дети, которые из любопытства поднимают эти смертоносные предметы с земли. Кассетные бомбы и другое оружие, используемое израильянами, привели к поистине ужасным результатам. «Это самые чудовищные ранения, которые я видел в своей жизни,— говорит доктор Амаль Шамма из госпиталя Бербир в Западном Бейруте.— Трупы привозят изуродованными. Около 30 процентов раненых умирают по дороге в больницу, и по меньшей мере половина оставшихся в живых нуждается в основательном лечении».

А израильские войска продолжают бомбить Западный Бейрут, делая невыносимой жизнь пятисот тысяч человек, фактически запертых в блокированном городе.

Агрессоры перекрыли даже воду. «Основное беспокойство у нас вызывают случаи заболевания тифом, холерой и чумой», — сказал один из работающих здесь врачей. Израильские солдаты запретили доставку продовольствия из Восточного Бейрута. Многие люди живут на улицах или на лестницах уцелевших домов. В парке в центре города палестинские беженцы с детьми поселились в самодельных палатках.

БЕСЧИНСТВА АГРЕССОРА

«ПИПЛЗ УОРЛД», САН-ФРАНСИСКО

Израильские войска пускают в ход все средства, чтобы заставить жителей Западного Бейрута капитулировать. Агрессоры конфискуют транспортные средства, доставляющие в город топливо. Большинство булочных закрыто или разрушено, и нехватка хлеба стала серьезной проблемой. Большая часть водопроводов и электростанций выведена из строя израильскими бомбами.

Лекарства для раненых, направляемые в Западный Бейрут, немедленно отбираются израильскими солдатами. В госпитале «Газа» — одном из крупнейших медицинских центров по лечению палестинских бойцов и гражданского населения — врачи-добровольцы работают в помещениях, которые наполовину разрушены захватчиками. Доктор Халед рассказал нам, что кровь для переливания, которая имелась в распоряжении больницы, стала негодной, так как холодильники не работают (израильтяне прекратили подачу электроэнергии в этот район). Не хватает многих препаратов.

Тяжелораненые лежат в помещениях, которые постоянно подвергаются бомбардировкам. Почти все они — гражданские лица. Один ливанец из бейрутского района Узаи и два его сына были тяжело ранены в результате взрыва фосфорной бомбы, разрушившей их дом. Его дочь умерла от ожогов, а старший сын, очевидно, останется калекой: ядовитая смесь, используемая израильтянами против мирного населения, проникает глубоко под кожу и даже в легкие.

Один из пациентов — врач Фаиз — еще не выздоровел после того, как подвергся пыткам израильских захватчиков в Сайде. Он рассказывает:

— До последнего момента я работал в палестинском госпитале в Сайде. Когда здание было полностью разрушено бомбами, мы перенесли оставшихся раненых

в соседний дом. Но вскоре израильские части ворвались в город. Они зверски избили главного хирурга и увезли его. Раненых и детей схватили, надели им наручники и тоже увезли. Нас доставили на берег моря, бросили на песок и начали «обрабатывать». Мне завязали глаза и приказали лечь лицом вниз. Внезапно я услышал, что рядом проехал танк, и подумал, что сейчас меня раздавят. Но это была, так сказать, «психологическая подготовка» к допросу. Они били и пытали меня три дня, а потом выгнали из Сайды. Я думаю, что умру в осажденном Бейруте вместе с ранеными, но умру свободным. Это лучше, чем погибнуть в сионистской тюрьме.

Остальные рассказывают подобные же истории. В местной печати появляются сообщения о том, что захватчики построили в Сайде и Тире концентрационные лагеря. В Израиль отправляются многочисленные посылки с захваченными агрессорами драгоценностями и имуществом мирных жителей.

В ИЗРАИЛЬСКОМ ПЛЕНУ

«МИДЛ ИСТ ИНТЕРНЭШНЛ», ЛОНДОН

9 июня, еще до того как в Тире и Сайде прекратились боевые действия, представители оккупационных войск начали обращаться к гражданскому населению с призывом собираться на берегу моря. В местах сбора началась охота за «подозрительными» людьми, в результате которой в израильские центры проведения допросов попало от 9 до 15 тысяч человек — палестинцы и ливанцы в возрасте от 14 до 60 лет. Кое-кого из арестованных отпустили, но вскоре было произведено большое число новых и повторных арестов.

Проведение массовых арестов среди гражданского населения запрещено Женевскими конвенциями, и, если бы такие меры принимались в отношении лиц европейского происхождения, это вызвало бы целую бурю протестов. Когда же жертвами подобных действий становятся арабы, реакция совершенно иная. Подавляющее большинство американских и значительная часть европейских средств массовой информации склонны рассматривать действия Израиля на юге Ливана как допустимые «меры самообороны». Самп израильтяне для оправдания арестов гражданских лиц и их задержания в течение неопределенного времени без суда и следствия ссылаются на старые английские законы военного положения, которые они используют на оккупированных территориях.

Для получения полной и достоверной картины ареста и содержания заключенных специально созданная комиссия по расследованию опросила четырех освобожденных арестантов, которые провели от десяти дней до трех недель в концентрационных лагерях как в Ливане, так и в Израиле. Среди опрошенных были врач из Бангладеш, сириец и два палестинца. Их показания подтверждаются сведениями, содержащимися в сообщениях работавших в системе Красного Полумесяца

врачей-неарабов, которые были арестованы и находились в заключении с 13 по 20 июня, особенно норвежских врачей Берге и Моллера, а также доктора Кане из Франции и доктора Джианнауна из Канады.

Задержанных направляли в лагеря для проведения допросов либо из мест сбора на пляже, либо с уличных контрольных пунктов: по мере того как израильские войска систематически один за другим оцепляли городские кварталы и деревни на юге Ливана и проводили там облавы, в эти центры прибывали все новые партии арестованных. Израильских солдат сопровождали местные осведомители в масках, чья задача состояла в том, чтобы опознавать членов движения сопротивления и передавать их в руки израильтян. В каждом центре проведения допросов «подозреваемых» вновь проводили перед несколькими осведомителями. На основе вынесенного ими приговора заключенных разбивали на различные категории. Так определялась их дальнейшая судьба.

Все арестованные до начала допросов в течение трех-четырех дней проходили период «предварительной обработки». Вот как описывает один из арестованных врачей свои первые впечатления о центре проведения допросов, расположенном в одной из школ Сайды: «Там мы увидели множество людей. Почти все лежали на песке. Их избивали солдаты. На глазах у них были повязки, а их руки были связаны за спиной. Некоторые просили пить, другие просились в отхожее место. Они кричали, и тогда к ним подбегали солдаты охраны и били их ногами и всем, что попадалось под руку».

Руки арестованным израильтяне связывали специальным пластиковым шнуром, который при попытке его растянуть затягивается еще туже.

Любого арестованного, который осмеливался попросить воды или просто что-то сказать, тут же избивали, а если охранники не могли добраться до «виновного», находившегося в гуще других заключенных, они набрасывались на того, кто был рядом с ними. Врач, от которого получены эти сведения, утверждает, что охранники избивали арестованных прикладами автоматов, ремнями, дубинками, наконец, просто ногами. Во всех сообщениях повторяются рассказы о приступах группового садизма, когда три-четыре охранника одновремен-

но набрасывались на того или иного заключенного и избивали его до потери сознания, а иногда и до смерти.

Из четверых опрошенных нами арестованных, которые были отпущены на свободу, один был избит так сильно, что ему после освобождения потребовалась медицинская помощь. В ходе допросов, которым он подвергался в концлагере, расположенном на территории Израиля, палачи били его по почкам. Остальные трое подвергались избиениям лишь время от времени за различные мелкие нарушения, такие, как, например, попытка ослабить повязку на глазах. У троих из опрошенных нами заключенных были раны на запястьях рук, там, где пластиковый шнур, которым они были связаны, врезался в кожу.

Все четверо, как и остальные опрошенные нами иностранные врачи, были свидетелями жестокого избиения арестованных. Один из них видел, как врача Красного Полумесяца, вступившего в спор с охранником, привязали к оказавшейся поблизости раме для детских качелей и весь день периодически избивали сменявшие друг друга группы охранников. По словам других заключенных, этого врача проволокли по всей территории лагеря на веревке, затянутой у него на шее.

ВРАЧИ ОБВИНЯЮТ

«МИДЛ ИСТ», ЛОНДОН

Восьмилетняя Роза, подобравшая в долине Бекаа мину в виде игрушки, сейчас находится в госпитале «Яффа» Палестинского Общества Красного Полумесяца в Дамаске. Когда нам показали ее, она еще не очнулась от наркоза после операции. Все ее тело было покрыто ранами. На щеке у нее были швы, которые, по всей вероятности, навсегда обезобразят ее лицо.

По всему женскому отделению госпиталя разносились крики 15-летней Амины. «Мы думаем, что Амина не выживет», — прошептала мне сиделка. Чтобы хоть как-то успокоить девушку, из Ливана привезли ее бабушку. По морщинистым щекам пожилой женщины текли слезы. Она сказала нам, что в микроавтобус, в котором Амина и члены ее семьи эвакуировались из долины Бекаа, попала израильская бомба.

Самой безропотной пациенткой госпиталя, стойчески переносившей свои страдания, была 15-летняя Фатма, ливанка, которая вместе с двумя другими девочками спряталась под машиной во время израильского воздушного налета. Ее подруги погибли, а Фатму, раненную в живот, с повреждениями позвоночника и ног, эвакуировали в Дамаск. Целую неделю семья считала ее погибшей. За это время ей были сделаны три серьезные операции.

Утомленный до предела заведующий госпиталем Ибрагим Альван рассказал нам, что в данный момент там находятся 400 раненых, главным образом гражданские лица. Врачи оказывают помощь детям — жертвам игрушек, начиненных взрывчаткой, людям, пострадавшим от напалма, фосфорных и кассетных бомб.

— Израильтяне арестовали 500 врачей и медсестер Палестинского Общества Красного Полумесяца, сотрудников госпиталей и больниц в Южном Ливане,

считая их террористами только потому, что по национальности они палестинцы,— говорит доктор Альван.— Их отправили в концлагеря на территории Израиля, а раненые остались без всякой медицинской помощи.

Один из немногих врачей Палестинского Общества Красного Полумесяца, освобожденных израильянами,— доктор Сухейль Исса, палестинец, получивший образование в Риме, лечивший и отпустивший на свободу раненого израильского офицера в Тире. Своим освобождением он отчасти обязан действиям представителя Международного Красного Креста в Тире.

Этот представитель, швейцарец по национальности, несколько дней не пускал израильян в штаб-квартиру Красного Креста. Размахивая брошюрой с текстом Женевской конвенции, он твердил израильянам, что они не смеют нарушать международное право. В результате палестинские врачи, укрывшиеся в штаб-квартире Международного Комитета Красного Креста в Тире, не были брошены в тюрьму, как это произошло с сотрудниками больницы в Сайде и других больниц Палестинского Общества Красного Полумесяца.

Доктор Исса описывает разрушение Тира следующим образом:

— 6 июня мы перевели наших больных в подземное бомбоубежище. Бомбы рвались весь день. С моря Тир обстреливали израильские корабли, а с юга на него обрушивались ракеты. Когда темнело, бомбардировка с воздуха прекращалась, но артобстрел продолжался. Такое положение длилось четыре дня, и мы уже знали, что с семи часов вечера до половины четвертого утра наши санитарные машины могут подбирать раненых.

Однажды вечером бойцы ООП привели раненого израильского майора Гидеона Барка, танк которого подорвался на mine возле Аль-Баса.

— Этот военнопленный, иранский еврей, владевший арабским языком, — рассказал доктор Исса, — сначала боялся, что с ним расправятся, но мы обработали его раны, отвели его в подземное убежище и дали ему последнюю бутылку кока-колы, которая у нас оставалась.

9 июня сотрудники Палестинского Общества Красного Полумесяца поняли, что Тир полностью

оккупирован израильянами. Тут-то и пригодился пленный израильянин.

— Мы дали ему громкоговоритель, и он обратился к оккупантам на иврите, а тем временем сотрудники госпиталя начали грузить больных на пять имевшихся в их распоряжении санитарных машин и другие транспортные средства,— сообщил доктор Исса.

40 медицинских работников, в том числе пять врачей, среди которых были граждане Франции и Шри Ланки, а также 15 палестинских санитаров и санитарок вместе с больными добрались до зданий, где располагился Международный Комитет Красного Креста. «Там уже было несколько тысяч беженцев,— сказал доктор Исса.— Мы развернули импровизированный госпиталь в холле. Прооперированных раненых клали прямо на пол».

Через несколько дней израильяне все же ворвались на территорию госпиталя и с тех пор ежедневно проводили перекличку. Они распорядились, чтобы на время переклички медицинские работники выходили во двор, а больных волокли туда на матрацах.

— Нас держали на палящем солнце по два часа,— сказал доктор Исса.

На протяжении 40 дней израильяне ежедневно забирали в концлагеря до 300 арабов в возрасте от 13 до 65 лет.

Израильяне утверждают, что в их руках находится девять тысяч бойцов ООП.

— Я видел детей и стариков, которых отправляли в концлагеря,— сообщил доктор Исса.— Сомневаюсь, что этих людей можно было рассматривать как бойцов.

Он не может забыть последний штурм лагеря в Аль-Басе.

— Израильские самолеты,— рассказывает он,— в течение часа непрерывно бомбили лагерь, затем 15 минут продолжался артобстрел, после чего возобновилась бомбежка с воздуха. Не менее 200 танков окружили обнесенный стенами лагерь и в течение часа обстреливали его из орудий. Затем они пустили в ход бульдозеры. Все бомбоубежища и подвалы госпиталей были разрушены. По ночам израильяне являлись с собаками, чтобы выловить тех, кто прячется в развалинах. Какая судьба постигла тех, кого увели в концлагеря, нам неизвестно.

15 июля израильские власти приказали всем арабам разойтись по домам. Доктор Исса не имеет представления, куда девалась последняя группа бездомных беженцев, но, поскольку он лечил раненого израильского майора, ему было разрешено выехать в Сирию.

Доктор Ким Хауге, норвежец, по специальности анестезиолог, член группы хирургов из Осло, работавший в квартале Шиях в Бейруте, больше всего боится эпидемий.

— Водопровод разрушен израильскими бомбами,— говорит он.— Сейчас роют колодцы, но вода в них плохая. В лучшем случае ее можно использовать для стирки. Эпидемия может унести больше жизней, чем бомбежка.

Доктор Ираки, уцелевший, когда в 1976 году подвергся разрушению Тель-Заатар сказал, что в Ливан были посланы группы медработников из Греции, Индии, Болгарии, Бангладеш и Катара.

По мере прибытия в Сирию врачей-добровольцев и поступления медикаментов медицинское оборудование складывалось в помещении школы для детей героев революции в Дамаске, а иностранцев размещали в гостиницах и на частных квартирах. Вначале медикаменты и оборудование, присылаемые международными организациями, доставлялись на машинах временных сил ООН в Ливане, но лишь две колонны таких машин успели прибыть в Бейрут до того, как контроль над восточным сектором города перешел к израильтянам, запретившим дальнейшие поставки.

— Нашим первым крупным успехом был приезд в Бейрут 20 греческих врачей,— сказал доктор Ираки.— Они прибыли 15 июня. Их пустили в город по договоренности с Красным Крестом. Первого июля Красный Крест получил разрешение прислать в Бейрут автоколонну из пяти санитарных машин с запасом кровяной плазмы. Однако израильтяне не пропустили этот груз, а врачей подвергли тщательному обыску.

В августе израильские оккупанты стали пропускать в Бейрут норвежских, французских, швейцарских и западногерманских врачей. Арабским же и восточно-европейским медицинским работникам разрешалось работать только в Северном Ливане и в долине Бекаа.

— Израильтяне не пустили в Бейрут более 200 врачей,— добавил доктор Ираки.

Он следующим образом описывает действие фосфорных бомб:

— Мы лечили многих раненых, пострадавших от фосфорных бомб, сброшенных в долине Бекаа. Ткани расслаиваются и отпадают слой за слоем, как будто чистишь луковицу.

По данным различных медицинских источников, раненых детей, в особенности потерявших конечности, в Ливане гораздо больше, чем во Вьетнаме. Многие из детей страдают от эмоционального стресса.

— Израильтяне сосредоточивали свои удары на гражданских объектах, и главной жертвой становились дети,— сказал доктор Ираки.

Женщина-врач из Катара добавляет:

— Во время этой бойни больше других пострадали дети. Сегодня я оказывала помощь семье беженцев. Раньше эта семья состояла из 12 человек. Сейчас в живых остались лишь мать и 11-летняя дочь. У девочки кататонический ступор — она не в состоянии поддерживать контакт с окружающими.

Офтальмолог доктор Магди Хасан Муша из Дохи говорит:

— Ко мне привели 14-летнюю девочку, потерявшую глаз во время израильской бомбежки на юге Ливана в 1978 году. Во время последних военных действий взрывная волна бросила ее на землю, и стеклянный глаз выпал из глазницы. Будучи в шоковом состоянии, она подобрала разбитое стекло и вставила в глазницу, поранив себя и внеся инфекцию.

Глава миссии Международного Комитета Красного Креста в Сирии Ришар Готье заявил, что штаб-квартира его миссии занималась главным образом оказанием срочной помощи населению в восточной части долины Бекаа. Прямая помощь населению Бейрута по линии Международного Комитета Красного Креста поступала морским путем из Ларнаки в ливанский порт Джуния. В настоящее время здравоохранением в Бейруте ведает ЮНИСЕФ.

Готье объяснил, что Международный Комитет Красного Креста организовал поисковый отряд, которому приданы четыре радиста. Они круглосуточно

передают жителям Бейрута послания от встревоженных родственников и друзей.

По словам Готье, в западной части долины Бекаа всем обеспечен кров над головой, временное жилье бездомным предоставлено в школьных зданиях. По его оценкам, в этом районе находится от 60 до 70 тысяч беженцев. Им выдаются продовольственные посылки весом в 45 килограммов, а также индивидуальные походные аптечки и одеяла, пожертвованные Обществом Красного Полумесяца Саудовской Аравии

Несмотря на все опустошения и людские страдания, моральный дух в Бейруте, по словам врачей и работников благотворительных организаций, остается высоким. Доктор Ираки сказал:

— Мы не покоримся. Мы должны показать пример мужества будущему поколению палестинцев.

Раздел III
СИОНИЗМ
КРУПНЫМ ПЛАНОМ

ОПАСНОСТЬ ФАШИЗМА В ИЗРАИЛЕ

(ИЗ ДОКУМЕНТОВ XIX СЪЕЗДА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИЗРАИЛЯ,
11—14 ФЕВРАЛЯ 1981 ГОДА *)

Справедливость высказывания Фридриха Энгельса о том, что народ, угнетающий другой народ, не может быть свободным, доказана и в Израиле, особенно в последние годы. В период правления ультраправого правительства М. Бегина усилилось наступление на демократические свободы, укрепились фашистские организации, пользующиеся поддержкой в самом правительстве.

Центральный Комитет Коммунистической партии Израиля 12 июня 1980 года выступил со специальным призывом «За единство действий против опасности фашизма, в защиту демократических свобод». Центральный Комитет подчеркнул, что корень зла — в политике оккупации, территориальных аннексий и угнетения палестинского арабского народа. Одно из тяжких ее последствий — наступление правительства и фашистских организаций, которые расцветают под его эгидой, на демократические свободы.

ЦК КПИ показал классовые корни политики оккупации, которая усиливает опасность фашизма и войны, и отметил, что «оккупация служит также источником огромных прибылей местного и иностранного крупного капитала, заинтересованного в ее продолжении любой ценой, в том числе и ценой ликвидации демократических свобод народа». И далее: «Каждый день правления блока «Ликуд» усиливает угрозу фашизма и войны, ведет к углублению экономического и социального кризиса».

Наша партия призвала демократические силы страны сплотиться в борьбе за свержение правительства Бегина, за проведение досрочных выборов в кнессет,

* См.: XIX съезд Коммунистической партии Израиля. М., 1982, с. 125—131.

за создание нового правительства, которое бы повело Израиль по пути мира, демократии и социального прогресса. Центральный Комитет КПИ выступил с важной инициативой: обратился ко «всем рабочим партиям — Партии труда, МАПАМ, Шели — и ко всем политическим силам, обеспокоенным за судьбу демократии», и предложил «обдумать те серьезные последствия, которые ожидают израильское общество, если не будет прегражден путь опасности фашизма. Сегодня стрелы направлены против арабского населения и левых в Израиле, однако завтра те же стрелы, если их не остановить, будут направлены против блока «Ликуд». Совместными усилиями можно преградить путь силам реакции, национализма и фашизма».

Основные условия для существования фашистской опасности в Израиле появились не с формированием правительства блока «Ликуд» в 1977 году, а значительно раньше. Жестокое угнетение палестинского народа на оккупированных с 1967 года территориях, создание фашистско-террористических организаций при поощрении со стороны политических и военных властей, существование тайных правительственных и полуправительственных террористических организаций — все это увеличило опасность фашизма в Израиле.

Коммунистическая партия Израиля еще на XVIII съезде, в дни правления блока «Маарах», указала на то, что его политика прокладывает ультраправым путь к власти и росту фашистских сил: «Правительство И. Рабина проводило во всех сферах основы политики «Ликуда», хотя правые требовали и требуют проведения еще более авантюристической политики».

Мы призывали во время правления правительства «Маараха» «подняться всем, как один, на отражение наступления фашиствующих поселенцев». Мы неоднократно предостерегали, что фашисты бесчинствуют потому, что их поощряет к этому «сама политика правительства «Маараха», создающего поселения на оккупированных территориях, что торпедирует мирные усилия».

После XVIII съезда КПИ при создании Демократического фронта за мир и равноправие 17 марта 1977 года мы заявили: «В стране царят смятение и всесторонний политический, социальный, экономический и моральный кризис. Опасность войны

продолжает довлеть над нами. До сих пор мир далек от нас. Мы исходим из этого основного положения и из оценки, что при такой ситуации могут укрепиться и даже возобладать правые и фашистские силы, которые станут серьезной опасностью для демократических свобод и могут привести в той или иной форме к фашизму в Израиле».

Политика руководителей Партии труда не противодействует этой опасности, а наоборот. Руководство блока «Маарах» не извлекло урока ни из опыта своего поражения в 1977 году, ни из исторического опыта других стран в прошлом и настоящем. Руководство Партии труда, как правило, равнодушно относится к фашистской опасности.

Центральный Комитет нашей партии 12 июля 1980 года отметил, что руководство Партии труда и те, кто также следует за «суперястребами» фашистской партии «Техия» в вопросе об аннексии Иерусалима, принятом кнессетом в июле 1980 года, и других аннексионистских и антидемократических законах, и их выступление против права палестинского арабского народа на самоопределение и создание независимого государства содействуют «ультраправым и фашистским силам». Те, кто думает, что «невозможно, чтобы в Израиле случилось то, что произошло в других странах, и установилось господство фашизма», просто игнорируют классовые, социальные и политические корни, из которых произрастает раковая опухоль фашизма в любой капиталистической стране. А ведь подобное уже совершалось.

Еще XVII съезд нашей партии, указывая на опасности, отметил: «В конкретных условиях Израиля демократический фронт против ультраправых сил — против опасности фашизма — может быть весьма широким. Существуют политические круги, которые не поддерживают реалистический план мира и до сих пор вынашивают опасные, хотя и иллюзорные планы территориальных аннексий, предотвращения создания палестинского государства и т. п., но готовы выступить и выступают против фашистского разгула «Гуш эмумим» и его соучастников, против создания ими поселений на оккупированных территориях и угрозы для демократии.

Поэтому демократический фронт — это фронт не только левых сил. Он может и должен объединять самые широкие круги, заинтересованные в том, чтобы не допустить установления фашистской диктатуры».

И действительно, в различных общественных кругах слышны предостережения об опасности фашизма. Генеральный секретарь партии Мапам В. Шемтов сказал, что «сложились условия для возникновения фашизма в государстве» (газета «Давар», 12 июня 1980 года). Депутат кнессета Х. Гроссман, тоже из Мапам, заявила: «Процесс фашизации, начатый премьер-министром и министрами «Ликуда», угрожает демократии в Израиле». Даже депутат А. Шарир из «Ликуда» признал: «Если не будут укреплены демократические учреждения — кнессет, правительство, партии, — то возникнет серьезная опасность установления диктатуры в Израиле» (газета «Маарив», 17 января 1980 года).

О злом духе фашизма, витающем над Израилем, предупреждали даже министры в правительстве Беги-на, хотя они продолжают поддерживать его, что усиливает фашистскую опасность. Так, заместитель премьер-министра С. Эрлих предостерег, что министр А. Шарон способен создать концентрационные лагеря для своих политических противников и ликвидировать кнессет. Как сказал заместитель премьер-министра И. Ядин, ультраправые могут привести к гражданской войне, если будущее правительство вернет арабам часть «неделимой земли Израиля».

Заявления министра А. Шарона на заседании правительства 1 июня 1980 года о том, что «безопасность превыше конституции», не что иное, как проявление угрозы фашистского переворота в Израиле. Концепция, согласно которой безопасность превыше законности, превыше законов государства, превыше парламента, — это общепринятая фашистская и милитаристская концепция.

Следует заметить, что одной из важных черт фашизма является оголтелый антикоммунизм и антисоветизм. Это присуще каждой фашистской или неофашистской группе. В Израиле данный аспект фашизма выделяется весьма резко.

Фашизм имеет различные формы, как различны и пути его прихода к власти. Фашизм может захватить

власть «законным» с формальной точки зрения путем, а затем ликвидировать демократические партии и организации.

Фашизм у власти, по определению Георгия Димитрова,— это открытая террористическая диктатура самых реакционных, самых шовинистических, самых империалистических элементов финансового капитала. Отсюда следует, что приход фашизма к власти не просто смена одного буржуазного правительства другим, а замена одной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии, сколь бы ограниченной она ни была,— другой, открыто террористической диктатурой.

В условиях нынешнего Израиля самые реакционные и шовинистические круги крупного капитала, получающие сверхприбыли от колониальной эксплуатации оккупированных арабских территорий и их населения, могут выступить за ликвидацию остатков демократических свобод, чтобы предотвратить утрату власти их прямыми представителями — блоком «Ликуд» — на следующих выборах в кнессет.

Не случайно в 1979—1980 годах кнессет принял немало антидемократических законов. Так, «Закон о борьбе с терроризмом» — это террористический закон против демократии. Он имеет явно политический характер и направлен против палестинцев, против сил мира и демократии в Израиле, евреев и арабов. Это закон против свободного выражения мнений, политических взглядов. Он квалифицирует как уголовное преступление любое выступление в пропалестинском духе, «будь то в форме вывешивания флага, исполнения гимна или провозглашения лозунга либо любое иное действие».

Наша партия осудила этот закон. С трибуны кнессета и в ходе различных общественных акций мы заявляли, что относимся с уважением к тем, кто вывешивает палестинский флаг в Наблусе и Дженине, в Рамалле и Восточном Иерусалиме, на любой оккупированной палестинской территории. Это флаг народа, ведущего справедливую борьбу против чужеземной оккупации, за национальную независимость.

К «Закону о гражданстве» была принята антидемократическая поправка, позволяющая административным путем лишать гражданства любого человека, который, по мнению министра внутренних дел, недостаточ-

но предан государству. «Министр внутренних дел,— говорится в законе,— имеет право лишить израильского гражданства человека, который совершил действие, являющееся нарушением преданности государству Израиль».

«Закон об организациях», принятый кнессетом, и «Закон о партиях», еще находящийся на обсуждении,— ярко выраженные антидемократические законы. Они позволяют отделу регистрации министерства внутренних дел не разрешать создание общественных организаций и партий по чисто политическим мотивам и даже ликвидировать, при определенных условиях, существующие организации. В законе говорится: «Не будет зарегистрирована организация, если одна из ее целей отрицает существование государства Израиль или его демократический характер или если имеется достоверная основа для вывода о том, что эта организация будет служить прикрытием для незаконных действий или целей». Это, таким образом, явно политический закон, который легко можно использовать против всех противников официальной политики. Власти могут произвольно толковать понятие «демократический».

«Закон о неприкосновенности личности» оправдывает, по существу, тайное подслушивание. Разрешает службам безопасности по их усмотрению вести слежку за каждым гражданином и нарушать свободу личности. Это ярко выраженный закон полицейского государства.

Еще один реакционный закон является расистским, ибо позволяет сгонять арабов-бедуинов с их земель в Негеве и даже лишает их права апеллировать к суду.

Приняты также антидемократические законы против рабочих, например специальный закон, направленный против работников рентгеновских служб и основывающийся на чрезвычайных английских колониальных законах и запрещающий им бастовать.

Произвольные приказы об ограничении передвижения и домашние аресты, предпринятые с июня 1980 года по отношению к арабским общественным деятелям, в том числе членам руководства Компартии, и основывающиеся на чрезвычайных английских колониальных законах 1945 года, доказывают, что политика угнетения на оккупированных территориях, о чем

мы предостерегали, распространяется на арабское население и еврейские демократические силы Израиля.

Демократия неделима. Фашистские организации, которые укрепились в результате поддержки со стороны правительственных кругов, угрожают расправой депутатам кнессета и общественным деятелям — демократам, устраивают погромы в клубах демократических партий и организаций. Акты насилия со стороны фашистских организаций, репрессивные меры правительства внутри самого Израиля наряду со многими антидемократическими законами, принятыми кнессетом, свидетельствуют об опасной антидемократической направленности политики правительства.

Один из таких шагов, усиливающих угрозу установления фашистского господства, — формирование частной армии «Гуш эмумим», израильских поселенцев на оккупированных территориях и других фашистских организаций. Под предлогом «защиты безопасности» начальник генштаба Р. Эйтан разрешил создание специальных воинских подразделений поселенцев под командованием офицеров из «Гуш эмумим». Эти подразделения накапливают оружие законным и незаконным путем.

Специальная конференция поселенцев Западного берега реки Иордан решила образовать комиссию безопасности с целью формирования военной структуры, независимой от военной администрации.

Именно эта «структура безопасности», вооруженная по образцу кадровой армии, устраивает погромы в городах и деревнях, в лагерях беженцев и домах палестинцев на оккупированном Западном берегу реки Иордан.

Таким образом, в Израиле существует осязаемая опасность фашизма. Но было бы неверным считать, что в стране уже установлен фашистский режим. Нельзя каждое ограничение демократических свобод или атаку на них, каждый реакционный режим квалифицировать как фашизм.

В Израиле углубилась политическая поляризация. С одной стороны, вырос лагерь защитников демократических свобод и противников фашизма. С другой — усилились антидемократические и фашистские круги.

Наша партия считает, что можно отразить фашистскую опасность. Это зависит от бдительности, борьбы

и единства антифашистских сил, и прежде всего рабочих партий, трудящихся масс города и деревни.

Однако нельзя и недооценивать опасность фашизма. Следует направить нашу борьбу на отражение этой непосредственной опасности, бороться за единство действий всех отрядов рабочего движения независимо от идеологических и политических различий, за самый широкий фронт в защиту демократических свобод и для отражения угрозы фашизма.

«ФАБРИКАНТЫ СМЕРТИ» ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА

«ЗО ГАДЕРЕХ», ТЕЛЬ-АВИВ

Тель-Авив вышел на седьмое место в мире по экспорту вооружений. Еще совсем недавно, в 1978 году, объем поставок за границу продукции израильских «фабрикантов смерти» составлял 425 миллионов долларов. В 1980 году, по данным «Нью-Йорк таймс», он достиг 1,3 миллиарда долларов. Лондонский институт стратегических исследований приводит еще более высокую цифру — 1,45 миллиарда. По словам израильских официальных лиц, экспорт оружия вскоре составит уже 2 миллиарда долларов. Все это наглядно свидетельствует о возрастающей роли Израиля как мирового поставщика оружия. На зарубежных покупателей рассчитана примерно треть выпускаемой в стране военной продукции.

Еще в 1977 году газета «Гаарец» отмечала, что постоянные и довольно быстрые темпы роста в военной промышленности были вызваны ввозом из США крупнейшими израильскими военными корпорациями целых заводов по производству различных видов современных вооружений, а также использованием самой последней американской технологии. Генеральный директор корпорации СОЛТАМ Яков Лиор писал на страницах газеты «Джерузалем пост», что его компания экспортирует свою продукцию в 40 стран мира. За один только 1977 год другая корпорация, ТАДИРАН, продала Ирану, Сингапуру и ЮАР несколько... военных заводов.

В 1980 году доля Израиля в общем объеме импортируемого сальвадорской хунтой оружия составила 83 процента. Тысячи людей — дети, женщины, старики — убиты карателями из израильских винтовок «галиль» и автоматов «узи».

Сальвадор не единственная страна в Латинской Америке, которую Тель-Авив в избытке снабжает ору-

жнем. Израиль является, например, одним из основных поставщиков вооружений для Гватемалы, где правит диктаторский антинародный режим, по жестокости не уступающий сальвадорскому.

Один из «рекордов» Израиля в этом регионе был установлен в период длительного и тесного сотрудничества с Сомосой. В последний год существования этой диктатуры на долю израильских фирм приходилось 98 процентов ее импорта оружия. Значение этого факта становится ясным, если вспомнить, что только за два последних года правления террористического режима Сомосы в Никарагуа было истреблено 50 тысяч человек. Вспомним также, что по приказу диктатора подверглись бомбардировкам кварталы бедноты в Манагуа и других городах страны в основном с израильских военно-транспортных самолетов «Арава» и «Уэстуинд».

Израиль осуществляет крупные поставки оружия антинародным режимам в Парагвае и Чили. Для проталкивания на латиноамериканские рынки смертоносного товара на континенте частенько появляются высокопоставленные израильские офицеры. Генерал-лейтенант М. Гур во время посещения Чили был принят Пиночетом. Израильский вояка-политик не преминул сфотографироваться с Пиночетом, заявив следующее: «Я знаю, что чилийская армия привыкла побеждать и что у нее есть желание побеждать». Весь мир, конечно, помнит, кого в последнее время «побеждает» чилийская армия, помнит убийства и пытки, которыми сопровождаются эти «победы»...

Еще совсем недавно в небольшой список африканских друзей Израиля входила и Родезия Яна Смита. Тель-Авив был самым большим другом родезийского режима после ЮАР. Клике Смита израильтяне предоставили лицензию на производство автоматов «узи», которые получили здесь название «рузи» (Родезия + «узи»). Они были не только на вооружении армии, но и продавались частным лицам (конечно же, только белым!) по сто родезийских фунтов за штуку. Израиль также служил транзитным пунктом для поставок американской военной техники, например вертолетов, продажа которых непосредственно в Родезию была запрещена законами США. Как передавало в свое время английское телевидение, эти вертолеты сначала

«продавались» Израилю, а затем «перепродавались» им Яну Смигу.

Наиболее широкие связи Израиль имеет с ЮАР. Обмен официальными делегациями между ними не представляет секрета. Экономическое сотрудничество этих стран не ограничивается поставками израильскими фирмами новейшей технологии и различных товаров. Оно гораздо глубже. Известно, что ЮАР подписала целый ряд соглашений об экономическом и военном сотрудничестве с Израилем. В соответствии с ними Претория взяла на себя финансирование ряда крупных и дорогостоящих военных проектов Тель-Авива. Израильцы же обязались расплачиваться за это комплексными поставками вооружений.

«ЮАР предоставила деньги на разработку всего следующего поколения израильских ВМС», — писал английский журнал «Экономист». В обмен южноафриканцы получают несколько военных кораблей. Сорок инженеров из ЮАР уже находятся в Хайфе для наблюдения за работой на верфях. Израиль также согласился помочь в модернизации танков «центурион», находящихся на вооружении южноафриканской армии. Израильцы направили в ЮАР инструкторов по антипартизанским операциям, а также передали Претории разработанное и созданное ими для этой цели оборудование. Таков далеко не полный перечень израильско-южноафриканского сотрудничества в военной области.

Укрепление зловещей оси Претория — Тель-Авив происходит не без помощи и поддержки со стороны США. Как указывала английская печать, американцы, по-видимому, стремятся использовать Израиль в качестве секретного канала для проникновения в ЮАР. Этот процесс происходит уже не первый год. Секретный канал зловещей оси действует давно.

Широкие связи в военной области Израиль поддерживает и с различными государствами Азии. На протяжении длительного времени он активно сотрудничает с Тайванем, поставляя ему свое оружие. Израиль продал Тайваню морские ракеты «Габриэль» и вместе с ним участвует в разработке и производстве многих видов вооружений. Эти связи проявляются и в политической области: тройственный израильско-тайвань-

ско-южноафриканский союз активно действует во многих сферах международной жизни.

С 1976 года, после визита тайландской делегации в Тель-Авив, Израиль начал осуществлять поставки оружия в Таиланд. Американская пресса сообщала о 20 тысячах винтовок «галиль» и нескольких тысячах автоматов «узи», проданных Бангкоку еще пять лет назад. Среди других государств этого региона, сотрудничающих с Израилем в военной области, можно назвать Южную Корею и Филиппины.

Ширится и углубляется процесс превращения израильской промышленности в поставщика смертоносного товара. Слова о «живущих мечом своим» подходят не только к характеристике политики Израиля на оккупированных арабских территориях, но и к его роли «фабриканта смерти».

ПЯТЬ ЛЕТ В ИЗРАИЛЬСКИХ ЗАСТЕНКАХ

«ШТЕРН», ГАМБУРГ

— В пустыне Негев стояла зима, а мне было жарко. Я босиком сидел на корточках в бетонированном карцере высотой около метра и шириной сантиметров шестьдесят. Из шероховатого бетонного пола торчали острые железные шипы. Мне связали руки за спиной, а на голову накиннули кофак. Сначала появилась острая боль в коленях, затем судорогой свело мышцы спины. Через четыре часа, когда открыли дверь камеры, где можно было находиться лишь согнувшись, наступило самое страшное: мускулы резко расслабились и начались настоящие судороги. Казалось, будто через тело пропускали электрический ток.

Так говорил Томас Ройтер, двадцативосьмилетний студент, который вместе со своей подругой Бригиттой Шульц пять лет провел в израильских тюрьмах. Из них более 15 месяцев они томились в секретном следственном центре неподалеку от расположенного в пустыне поселения Гедера. Израильские спецслужбы обвиняли их в том, что в январе 1976 года они, находясь в Найроби, будто бы пытались при содействии отряда палестинцев сбить израильский пассажирский самолет. Их схватили в Кении и доставили на самолете в Израиль, где поместили в военную тюрьму.

Лишь недавно молодые люди были освобождены из израильских застенков. В своем интервью журналу «Штерн» они рассказали о пребывании в лагере под Гедерой.

Это был настоящий ад. Нас подвергали физическим и психическим пыткам. Выдвинутое против нас обвинение в попытке сбить самолет абсурдно. Нам и в голову не приходили подобные намерения. Правда, мы не были и досужными туристами. Отправляясь в поездку по некоторым ближневосточным и африкан-

ским странам, мы задались целью установить контакты с различными освободительными движениями, хотели конкретно ознакомиться с деятельностью национально-освободительных организаций и даже пригласить их представителей в ФРГ.

...Допросы начались сразу. Их вели служащие кенийской тайной полиции и какой-то белый, по всей видимости израильтянин. После первого же допроса их подвергли пыткам. Ройтера несколько раз жестоко избивали, словно мячик, отшвыривали от одного верзилы-полицейского к другому. Выбили зуб. Плоскогубцами выдергивали волосы. На третий день он назвал свое настоящее имя.

Во время допроса Шульц ее били головой о стену: три, четыре, пять раз.

— Я потеряла сознание,— вспоминает она,— получила сотрясение мозга. В другой раз меня бросили на стол и кололи иглками спину, пока не показалась кровь, прижигали лицо горящими сигаретами.

Однажды ночью, после недельного заключения в камерах кенийской военной тюрьмы, молодых немцев связали, напялили им на головы колпаки и вместе с тремя другими арестованными бросили в джип и доставили в аэропорт Найроби, где их ждал самолет. Перед взлетом Ройтера и Шульц заставили лечь на землю и сделали им по несколько уколов. Как они вылетели и приземлились в Израиле, они не помнят. Ни Шульц, ни Ройтер не могут сказать, сколько времени они пробыли в бессознательном состоянии. Когда Шульц очнулась, над ней стоял мужчина в белом халате.

Видимо, это был врач.

— Я твой друг,— сказал он ей с заметным рейнским акцентом,— но здесь есть и другие люди. Если ты не сделаешь так, как они хотят, тебе будет худо. Мне придется приходить сюда каждый вечер и «латать» тебя.

Позднее западногерманские студенты узнали, что находились в израильском военном лагере под Гедерой, в 40 километрах от Тель-Авива. Каждый из них сидел в камере без окон размером два с половиной на полтора метра. В углу стояло испускающее зловоние пластмассовое ведро, рядом лежали матрац, грязные одеяла.

— Я утратила всякое чувство времени,— рассказывала Шульц,— не знала, когда кончается день и наступает ночь. Дневного света не было. А когда меня забирали из камеры на допрос, каждый раз они надевали мне на голову черный колпак, чтобы я не заметила, куда меня ведут.

— Со мной поступали точно так же,— подтверждает Ройтер.— Первые три месяца я был постоянно связан по рукам и ногам. Когда меня вели на допрос, я с трудом держался на ногах, а стражники с силой толкали меня из стороны в сторону. Не раз они натравливали на меня больших собак, удерживая их на поводке лишь в самый последний момент. Собаки прыгали мне на спину, сбивали с ног. Каждый привод на допрос сопровождался такими издевательствами — меня буквально прогоняли сквозь строй. Чего они от меня добивались? Как-то шеф группы сказал по-английски: «Мы хотим узнать от тебя все. Ты у нас заговоришь. Никто не знает, где ты. А мы можем превратить твою жизнь в ад».

Допросы проходили в маленькой комнате без окон. У стены стоял стол. За ним сидели шесть человек. Их лица освещались снизу скрытой лампой. Если узник молчал, начиналось избиение. Потом на голову допрашиваемого напяливали колпак и запирали в своего рода колодец. В нем можно было находиться только в положении стоя. Перерывы между допросами задержанный проводил только там. Так приходилось стоять часами, дрожа от холода.

Иногда с заключенных снимали колпак, и они могли видеть эти крошечные камеры: два ряда бетонных ящиков с тяжелыми железными дверями. Становилось ясно, что здесь некому жаловаться на жестокое обращение.

В ФРГ целый год никто не знал, где находятся исчезнувшие студенты. Ройтер в январе 1976 года послал из Западного Берлина своей матери в деревню Варендорф открытку: «Вернусь через месяц». Шульц повесила на двери своей студенческой комнаты в Гейдельберге записку: «Скоро вернусь, письма подсуньте под дверь». Их родители заявили в полицию об исчезновении своих детей лишь по прошествии нескольких месяцев, когда стало ясно, что из поездки они не вернулись. Летом 1976 года родители Шульц, проживав-

шие под Кайзерслаутерном, получили анонимное письмо: «Ваша дочь арестована и подвергается пыткам». Позднее в английских газетах появились краткие сообщения о похищении двух немцев в Кении и их вывозе в Израиль. Родители обратились в министерство иностранных дел в Бонне. Западногерманские дипломаты в Тель-Авиве навели справки в израильском министерстве иностранных дел и узнали, что «у пограничной полиции нет никаких данных о въезде в страну госпожи Шульц и господина Ройтера» и что «управлению полиции Иерусалима такие фамилии неизвестны».

Посольство передало эти уклончивые ответы в Бонн.

Родители Шульц попросили вмешаться в дело тель-авивского адвоката Леа Цемель. И ей удалось отыскать следы арестованных. 10 февраля 1977 года она телеграфировала в ФРГ родителям Шульц: «Ваша дочь Бригитта сидит в военной тюрьме. Ее дело держится в секрете».

Израильтяне проинформировали об этом западногерманское посольство лишь 14 марта 1977 года. Через два дня в Израиль прибыл с визитом министр иностранных дел Геншер, который потребовал освобождения обоих немцев. Вслед за этим Бонн направил Тель-Авиву ноту протеста. В ней Израилю было предъявлено обвинение в нарушении «норм международного права». Резкий протест был заявлен и против «изоляции» заключенных. Лишь с этого момента израильские власти разрешили западногерманским дипломатам регулярно посещать арестованных немцев в тюрьме. Западногерманское посольство в Тель-Авиве телеграфировало в Бонн: «У нас сложилось впечатление, что у следствия недостаточно улики по делу Шульц и Ройтера».

В конце концов оба заключенных «признались». Официально это произошло 15 февраля 1976 года. Во всяком случае, именно такая дата стоит под их «признаниями».

Оба студента подтвердили, что эти «признания» у них были вырваны силой.

— В тот день,— говорит Шульц,— следователь был вне себя. Он сказал: «Мы ведем войну, а на войне все разрешено. Ты признаешься сегодня или никогда».

Я продолжала молчать. Тогда он нажал на кнопку звонка. В комнату вошли несколько человек, они должны были увести меня. Следователь снова стал настаивать: «Когда они принесут тебя назад, то слово «ист» для тебя существовать не будет». Я подумала: они постараются навсегда избавиться от меня. Поэтому я написала все, что мне продиктовали: будто бы я приехала с Томасом в Найроби с целью сбить израильский пассажирский самолет, что для этого специально была на пятидневных сборах в Адене. Томасу пришлось сделать точно такое же «признание».

После 15 месяцев заключения в лагере под Гедерой Ройтера перевели в тюрьму Рамля под Тель-Авивом и поместили в пустовавшем крыле, где в свое время сидел в ожидании суда нацистский убийца Адольф Эйхман. Шульц перевели в женскую тюрьму в Тель-Авиве лишь 15 июня 1977 года.

На заседаниях военного трибунала, проходивших при закрытых дверях, шла упорная борьба: обвиняемые наотрез отказались от своих «признаний». Прокурор требовал для каждого 20 лет тюремного заключения по обвинению в попытке сбить с помощью ракеты пассажирский самолет. Его доказательства: «признания» обоих обвиняемых и показания «следователей», которые явились на суд с наклеенными бородами и в темных очках, чтобы их не узнали. 10 сентября 1979 года Шульц и Ройтер были приговорены к 20 годам тюремного заключения за «подрыв израильских коммуникаций».

Перед началом процесса назначенных судом защитников предупредили о необходимости хранить все детали суда в тайне. Представителю западногерманского посольства, присутствовавшему на суде в качестве наблюдателя, тоже пришлось взять обязательство хранить молчание о вещах, «которые могут быть неправильно оценены федеральным правительством».

Показания Бригитты Шульц и Томаса Ройтера о мучениях в израильских тюрьмах не единственные в своем роде. В феврале 1981 года Комиссия ООН по правам человека в специальной резолюции обвинила Израиль в «пытках заключенных».

Что касается дела Ройтера и Шульц, которые целый год провели в военной тюрьме — причем ни их родители, ни западногерманское посольство в Тель-

Авиве ничего не знали об этом,— то израильское правительство категорически отвергало все обвинения в применении пыток. После того как в интервью журналу «Штерн» они сообщили, что в секретном лагере под Гедерой подвергались жестоким пыткам, редакция журнала решила проверить все это на месте. Израильское министерство обороны поначалу согласилось принять корреспондентов, но за три дня до назначенного срока отказалось от встречи «по указанию свыше».

По-видимому, у израильтян есть все основания стремиться замять это дело.

ПИСЬМО ИЗ СИОНИСТСКОГО АДА

Газета «Аль-Иттихад» — орган ЦК Компартии Израиля — опубликовала письмо палестинцев, узников одного из израильских концлагерей, где они содержатся в условиях, ничем не отличающихся от гитлеровских лагерей смерти.

ОБРАЩЕНИЕ К НАШИМ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ, КО ВСЕМ ЛЮДЯМ, К КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Родные, наша земля, наш народ на оккупированной родине! Человек, где бы ты ни был! Спасите наши души! Нас убивают преднамеренно, планомерно и беспрепятственно, в соответствии с так называемым законом. В течение многих лет нас подвергают мучениям, отнимая ежедневно частицу нашего здоровья. Мы ни перед кем не виноваты, разве только перед вами, наши родные. Мы требуем улучшить условия нашего содержания, требуем, чтобы с нами обращались так же, как обращаются с любым обычным заключенным, независимо от того, в чем его обвиняют. Однако до сих пор мы не добились этого ни в одном из мест заключения, находящихся в ведении органов безопасности Израиля. Управляющий тюрьмами Хаим Леви заявил, что положение в местах, где находятся заключенные-евреи, не только катастрофично, но и трагично. Если мы требуем уравнивать условия нашего содержания с теми, которые сам управляющий тюрьмами характеризует как катастрофические и трагичные, то какими же являются наши условия?

Разъясним наше требование. Однажды один из наших товарищей встретился с генералом Хаимом Леви и попросил его, чтобы нам были предоставлены условия, аналогичные тем, в которых содержатся заключенные-евреи. Тот сказал в ответ: «Мы не предоставим вам таких же условий. Они же — наши».

Это было в 1977 году, за три года до открытия лагеря «Нафха», пользующегося страшной репутацией. Нас привезли в этот лагерь 2 мая 1980 года, и мы увидели, что в двух тюремных зданиях камеры спроектированы таким образом, чтобы убивать людей морально и физически. С первого взгляда становятся ясными подлинные намерения тех, кто строил этот ла-

герь, являющий собой образец того, как обращаются с палестинцами в заключении. Кто может поверить, что мы, находясь в центре пустыни, вдалеке от какого бы то ни было жилья, не имеем достаточно воздуха, чтобы нормально дышать? В камере, где находятся 8—10 палестинцев, нет окон. Они заменены шестью маленькими отверстиями, общая площадь которых не превышает пятидесяти квадратных сантиметров. Кроме того, они расположены под самым потолком. Таким образом, мы ничего не можем сквозь них видеть, они не дают естественного освещения. Дверь камеры железная, сплошная. В ней есть глазок, который открыт лишь днем, а на ночь плотно закрывается. Даже в самую страшную жару, когда камера превращается в раскаленную печь, это маленькое отверстие не открывают под предлогом безопасности!

Обо всем этом мы рассказываем, чтобы вы знали, что здесь происходит. Мы спрашиваем: существует ли где-нибудь на свете подобная вентиляция в камерах, где подавляющее большинство узников отбывает пожизненное заключение? Двери из железа, камеры без окон, ужасающая скученность, самое бесчеловечное обращение...

Мы хотим воздуха, мы хотим дышать, мы хотим видеть песок пустыни Негев, хотя бы чувствовать запах ее бурь! Этот лагерь построен специально для нас, и мы хотим привести несколько примеров, чтобы дать представление о той ненависти, которую к нам питают наши тюремщики.

1. Администрация разговаривает с нами языком начальника тюрьмы, который хвастливо заявляет: «Вы будете иметь максимум притеснений и минимум человеческих условий. Таков приказ, а я — военный, выполняющий приказы».

2. У нас побывал доктор Кохен, начальник медико-санитарного отделения тюремного управления. С ним состоялся следующий разговор:

— Доктор Кохен, у нас дверь не из металлических прутьев, которые дают возможность воздуху циркулировать в камере, а цельнометаллическая. Глазок на ночь закрывают совсем. Еда — в этой же камере на полу, где нет ни кусочка клеенки. Мы спим на полу, болезни не проходят, они стали хроническими, пища —

наихудшая, короче говоря, условия самые бесчеловечные. Как вы, глава медицинской службы, позволяете это?

— Условия содержания определяются наверху.

— Хотелось бы, чтобы вы попробовали содержать 8—10 коров на такой же крошечной площади и с таким количеством воздуха. Послушайте, доктор, обеспечьте нам условия, в которых находятся животные на фермах в кибуцах.

Кохен ничего не ответил.

3. Однажды лагерь посетила большая делегация кнессета.

Разговаривая с визитерами, начальник тюрьмы называл нас не иначе как «собаками». А когда перед делегацией предстали во всей своей бесчеловечности условия нашего содержания, он сказал: «Пусть держатся!»

Когда мы стали протестовать против бесчеловечных условий в лагере и требовать, чтобы нам были обеспечены равные с заключенными-евреями условия освещения, проветривания камер, свиданий с семьями, питания и так далее, члены делегации злобно ответили: «Об этих условиях надо было думать до того, как вы попали сюда».

Родные наши, наш народ, страдающий под игом оккупации, прогрессивные люди мира, где бы вы ни были! Целью тех, кто построил этот лагерь и создал в нем такие условия, было наше физическое уничтожение. Нас хладнокровно убивают.

После страданий, которые нам пришлось испытать в различных местах заключения с 1967 года, лагерь «Нафха» стал нашей братской могилой — без воздуха, без дневного света, без возможности видеть хоть что-нибудь. Кто поверит, что правила требуют, чтобы каждого из нас, направляющегося в дирекцию лагеря, заковывали в железо и надевали на глаза повязку? Это — дышащий злобой заговор против человека, новый способ убийства. Но мы не можем просто так отдать наши жизни и судьбы в руки палачей.

После того как мы безрезультатно испробовали все пути и средства, своими силами и через Международную комиссию, требуя равноправия с заключенными-евреями, мы решили умереть стоя, а не пасть на колени. Мы решили объявить голодовку.

Вы получите это послание, когда мы уже начнем голодовку. Это — наше последнее оружие, после того как оказались безрезультатными легальные методы обращения к администрации, в том числе и через единственную Международную комиссию, посетившую лагерь. Что бы ни случилось, мы готовы достойно встретить свою смерть. Зная, как далеко мы находимся, и зная способность наших врагов лгать и клеветать на нас, мы передаем вам это послание как документ, в котором дается представление о нашем подлинном положении. Мы рассчитываем на вашу поддержку. Но даже если нам суждено остаться в этой могиле в глубине пустыни, мы повторяем: «Да — мукам голода! Нет — капитуляции!»

Мы вновь закликаем вас — спасите наши души! Мы требуем только одного — равенства в условиях содержания с заключенными-евреями.

Горячо приветствуем вас.

Революция до победы!

*Палестинские узники
израильского концлагеря
«Нафха»*

ИЗРАИЛЬСКАЯ ОДИССЕЯ МЕИРА ЛАНСКИ *

Одним из ярких свидетельств порочности расистского принципа «богоизбранности» евреев, на котором основан сионистский режим Израиля, стал пугающий рост преступности в стране. Разгул шовинизма после агрессии 1967 года, высокомерные утверждения об «исключительности евреев» и их превосходстве над другими народами породили у израильских «сверхчеловеков» чувство вседозволенности.

Особое значение приобрел расцвет израильской мафии, столь же разветвленной и организованной, столь же влиятельной в политических, административных и полицейских сферах и, наконец, столь же кровавой, как американская мафия, с которой она имеет тесные отношения. Это явление тем более серьезно, что, появившись одновременно с возникновением еврейского государства, мафия развивалась настолько быстрее него, что стала своего рода государством в государстве. Она тем более опасна, что Израиль является крупнейшим после США экспортером преступности и преступников, осуществляющих террор по заданию израильских и сионистских секретных служб.

* * *

На лице этого элегантного шестидесятилетнего мужчины, невысокого ростом, худощавого, угадывались приметы незаурядной воли и властности. С отрешенным видом он подолгу созерцал могилы своих родственников на восстановленном еврейском кладбище у Масличной горы, благоговейно прикладывался губами к огромным квадратам камней Стены плача в

* Отрывок из книги французского журналиста Жака Дерожи «Израильская мафия».

Иерусалиме. Иногда рано утром, в шортах и рубашке с короткими рукавами, он выгуливал свою собачонку на берегу моря в Герцлии.

Это был Мейер Суховлянский, больше известный и даже слишком хорошо известный под именем Меира Лански.

Ничто, кроме черных очков и надвинутой на лоб шляпы, не выдавало в этом мирном, похожем на туриста человеке пресловутого казначея американской мафии, «серого кардинала» Аль-Капоне и Лаки Лючано, президента и председателя совета директоров «Акционерного общества убийств», короля контрабанды и азартных игр Лас-Вегаса, Кубы и Багамских островов. Эти «титуты» он приобрел за годы своей беспокойной, богатой событиями жизни в Соединенных Штатах, куда, держась за руку матери, еще ребенком прибыл из Польши, из родного города Гродно.

Меир Лански старался заставить забыть о его прошлом, вступив в ожесточенную схватку с израильским правительством, чтобы вырвать у него разрешение на постоянное жительство и спокойно закончить свои дни в «стране предков».

Раскаившийся бандит? Нет, Лански был далек от этого. Журналисту Ури Дану, который спросил его, не мечтает ли он о другом образе жизни, Лански ответил:

— У меня на совести нет грехов. И в моей жизни нет ничего, что я хотел бы изменить!..

Едва выйдя из детского возраста, Меир Лански быстро приобщился к миру насилия. Защищая еврейский квартал самого неустроенного района Нью-Йорка, нижнего Ист-Сайда, от вторжений юных ирландских голодранцев, воспитанных в ненависти к «убийцам Христа», он возглавил одну из «групп самозащиты», членами которой были будущие «короли» американской мафии: Бенни Сигель, Джо Стачер, Луи (Лешке) Бухгалтер и его родной брат Джейк Лански.

В отличие от ирландцев с итальянцами у «группы» было полное взаимопонимание. Меир Лански, категорически отказавшийся от предлагавшейся сицилийцами платной «защиты», стал другом, а вскоре и компаньоном человека, которому предстояло сделаться «Капо ди тутти каппи» (главой всех глав), то есть

верховным боссом мафии — Сальваторе (Лаки) Лючано.

Лючано только что отбыл в тюрьме 6 месяцев за торговлю наркотиками по доносу сына одного ирландского полицейского. И именно Меир Лански и его неразлучный приятель Сигель, по кличке Клопик, взяли на себя заботу о мести: примерно через год после освобождения Лючано сын ирландского полицейского бесследно исчез.

Свою жизненную философию Меир Лански много позже изложил в форме шутки.

— Однажды, — любил он вспоминать, — некий важный чиновник нью-йоркской мэрии спросил меня: «Лански, а почему бы вам не заняться честным трудом?» Тогда я открыл окно его кабинета, показал ему толпу безработных, устроивших демонстрацию перед зданием мэрии, и спросил: «Только для того, чтобы стать одним из них?»

Накануне второй мировой войны Меир Лански оказался во главе империи игорных домов Флориды, которой он правил из отеля «Фонтэнбло» в Майами. В его казино, которые появились также в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси и Луизиана, рулетки крутились 24 часа в сутки. Несколько позже Лански стал повелителем мира азартных игр Лас-Вегаса. Среди его компаньонов был Сэм Ротберг, «герой» эпохи «сухого закона», которому пришла в голову идея основать подпольные заводы по производству виски, ранее импортировавшегося из Шотландии. Партнером в «делах» Ротберга в свою очередь был некий Луи Бояр из Сан-Франциско, который сколотил состояние на контрабанде золотом.

Но в начале 50-х годов Меиру Лански пришлось менять курс: сенатор Кефвер, ставший главой комиссии по расследованию деятельности мафии, поклялся вывести на чистую воду Лански и его приятелей, захватить их с поличным если не на убийствах и вымогательстве, то хотя бы на сокрытии доходов. И ему это удалось: ведь казино и игорные дома приносили огромные барыши, а в декларациях заявлялась лишь скудная их часть. Остальное исчезало в «параллельных» кассах.

Вынужденный свернуть свою деятельность в Соединенных Штатах, Лански открыл сеть игорных домов в Гаване, а после свержения Батисты вновь упаковал

свои вещички и перебрался на Багамские острова. Там, в ста километрах от Майами, он совершил настоящее чудо. Его друг Уоллес Гроувз к тому времени уже приобрел право открыть там игорные дома и купил огромные участки земли по смехотворной цене — 70 центов за 10 гектаров. В 1961 году Лански и Гроувз создали собственную фирму, которая занялась строительством гостиниц и казино, получив юридически оформленное право открывать игорные дома.

Миллионы долларов, выкачанные из карманов посетителей казино, которые прибывали на Багамы самолетами, тотчас с помощью специальных курьеров переправлялись в Женеву, где на улице Университета находился банк, весьма отличавшийся от всех остальных. Это был «Интернэшнл кредит», возглавлявшийся человеком по имени Тибор Розенбаум.

С округлым брюшком и пухлым личиком, в ермолке, прикрывающей плешь, Тибор Розенбаум в одном лице сочетал две несовместимые ипостаси: благочестие раввина с деловой хваткой европейского казначея американской мафии.

Тибор Розенбаум родился в Венгрии в семье, где от отца к сыну переходила должность раввина и главы еврейской общины. Он не нарушил семейной традиции, но добавил к наследственному титулу диплом доктора философии. Во время второй мировой войны ему удалось бежать из Венгрии на «волшебном поезде» Кастнера, который выторговал у Адольфа Эйхмана разрешение на эмиграцию сионистской верхушки в обмен на тысячи грузовиков для немецкой армии, сражавшейся на Восточном фронте. Иммигрировав в Палестину, Тибор поселился в киббуце, но вскоре покинул его, не выдержав ограничений, налагавшихся на членов этого коллектива, созданного партией «Гапоэль Гамизрахи». Тогда лидер этой партии, Ицхак Рафаэль, назначил Розенбаума директором Департамента иммиграции при женевском представительстве Еврейского агентства. Назначение это поразительно, если учесть, что, во-первых, личность Розенбаума отнюдь не могла служить образцом для иммигрантов и, во-вторых, маленькая еврейская община Швейцарии направила в Израиль не более нескольких сотен своих членов за все время колонизации Палестины.

Но Женева привлекала Розенбаума своими банками, где проводились операции с валютой, на которую закупалось оружие для Израиля. В те годы шеф израильского министерства обороны Пинхас Сапир частенько наезжал в Женеву. Здесь он и встретился с Тибором Розенбаумом и по достоинству оценил его коммерческие способности. В свою очередь Розенбаум, обладавший феноменальной деловой хваткой, смог извлечь для себя немалую выгоду из сделок, которые он проворачивал для Сапира. Его служебное усердие было замечено: в обход закона. Ицхак Рафаэль добился для своего протеже освобождения от военной службы, выхлопотав для него... дипломатический паспорт! Это было в 1951 году. Тремя годами позже Ицхак Рафаэль был избран в парламент (кнессет), покинул пост директора по делам иммиграции Еврейского агентства, и Тибор Розенбаум тут же лишился всех своих привилегий. Но очень быстро приобрел их снова, на сей раз... от правительства Либерии, президент которой назначил его своим консулом при женевской штаб-квартире ООН. В 1959 году совместно с Йехезкелем Даганом, ответственным за получение репараций от Западной Германии, Тибор Розенбаум основал свой собственный банк «Интернэшнл кредит», куда стекались средства, собиравшиеся для Израиля по всей Западной Европе. Этот банк стал служить посредником в сделках с оружием, и именно ему доверили миллионы долларов, составлявшие капитал обществ, созданных израильским правительством совместно с инвесторами — евреями диаспоры. Тот, кто знает, насколько жесток валютный контроль в Западной Европе, сможет вполне оценить исключительную важность этого банка.

Но Тибор Розенбаум на этом не остановился. Он стал получать деньги от американской мафии на Багамских островах. Их доставляли курьеры, сгибавшиеся под тяжестью чемоданов с долларами. Эти деньги Розенбаум хранил в специальных сейфах, которые были закодированы кличкой Меира Лански Медведь. Затем через кредитные общества он реинвестировал эти деньги в Соединенные Штаты и другие страны, где вкладывал их в совершенно законные предприятия, преимущественно в недвижимую собственность.

Розенбаум и его банк привлекали клиентуру из мафии по двум соображениям: во-первых, в силу «со-

лидарности единоверцев», но главным образом потому, что Розенбаум выплачивал более высокие проценты, нежели все другие банковские учреждения Швейцарии. Так, например, он был единственным банкиром, выплачивавшим проценты с вкладов в золоте — драгоценном металле, подверженном всякого рода спекуляциям и потому не приносящем прибыли.

В 1967 году разразился скандал, начавшийся с публикации в американском журнале «Лайф», в которой разоблачались каналы контрабанды, использовавшиеся Розенбаумом для обслуживания Лански и мафии. Выяснилось, что личным представителем Розенбаума в Израиле был не кто иной, как Амос Манор, бывший шеф израильской контрразведки «Шин Бет».

Надо сказать, что в Соединенных Штатах, где сенатор Роберт Кеннеди принял у сенатора Кефовеера эстафету в борьбе с мафией, Меир Лански сразу же оказался под подозрением, против него было возбуждено судебное дело. За различные налоговые нарушения к 5 годам тюремного заключения и 10 тысячам долларов штрафа был приговорен его старинный друг и приятель Стачер. К счастью для него, он смог избежать тюрьмы, согласившись уехать из США. Конечно, в Израиль.

Начав переговоры о приобретении виллы в Цезарее, на берегу Средиземного моря, Джо Стачер временно устроил свою штаб-квартиру в отеле «Шератон», в Тель-Авиве. В 1969 году он получил израильское гражданство в соответствии с «законом о возвращении». Этот известный закон, разрешающий любому еврею обосноваться в Израиле, обуславливает, однако, это право девственной чистотой юридического прошлого иммигранта и его обязательством не угрожать своей деятельностью общественному порядку в стране. Джо Стачера признали вполне соответствующим этим требованиям благодаря изворотливости его адвоката Хаима Бассока, одного из лидеров национально-религиозной партии, возглавлявшейся Иосифом Бургом, который, будучи министром внутренних дел, непосредственно занимался предоставлением израильского гражданства.

Вскоре Джо Стачер, сопровождаемый своим личным телохранителем, бывшим офицером «коммандос» Муской Эдилсоном, встретился с видным политическим

п религиозным лидером Израиля раввином Менахемом Порухем, членом ультраправой партии «Агудат Исраэль». Порух поспешил оказать протекцию Стачеру по просьбе своего друга, американского певца Фрэнка Синатры, чьи связи с «Коза нострой» давно стали достоянием гласности. Сам Синатра всегда оказывал Поруху различные услуги, когда тот совершал свои ежегодные турне по США, организуя сбор средств в сионистские фонды.

Естественно, что депутат кнессета от партии «Агудат Исраэль» охотно сделался покровителем «доброго еврея и хорошего сиониста Стачера», у которого возникли трения с американским налоговым управлением. Порух сопровождал Стачера во время его визитов в ешиботы (талмудические школы) и благотворительные институты, причем каждое из этих учреждений тотчас же получало от «хорошего сиониста» благословение в звонкой монете.

От филантропии до общих дел с Порухем оставался лишь один шаг. И этот шаг был вскоре сделан. Стачер согласился — чего не сделаешь за паспорт? — одолжить раввину 100 тысяч долларов на 10 лет на условиях 8 процентов годовых для строительства Центральной гостиницы в Иерусалиме, предназначенной для правоверных евреев-туристов.

Вскоре в печати появились первые разоблачения скандальной связи между известным религиозным лидером и человеком, который был самым обыкновенным бандитом. Стачер обвинил Поруха в том, что тот истратил на личные нужды его деньги, которые были пожертвованы на строительство детских садов, а также обобрал его при распределении доходов от гостиницы. Вскоре Стачер возбудил против Поруха судебное дело, и весь Израиль оказался свидетелем ожесточенной дуэли между бывшими друзьями. Стачер обвинял Поруха в мошенничестве, а тот называл Стачера бандитом и возмущенно добавлял: «Как только мы добыли ему гражданство, он повернулся к нам спиной!»

Скандал приобрел общенациональный масштаб, о нем говорили даже в кнессете, а пресса придумала для процесса издевательское название «Кошер ностра», которое символизировало, казалось бы, противоестественное сотрудничество «человека совести» и че-

ловека без стыда и совести *. Порупш проиграл процесс и вернул Стачеру все выплаченные тем суммы. Стачер, ставший теперь гражданином Израиля, мог похвастаться тем, что выиграл даже на разнице курсов между долларами, которые он давал в долг, и израильскими фунтами, в которых ему эти суммы были возвращены.

Вскоре Стачер завел себе в Израиле друга, с которым ему оказалось куда легче найти общий язык. Им был Якоб Коген, кличка Якобале, человек, занимавший высокое положение в израильской мафии. Новые приятели часто встречались на террасе знаменитого кафе «Роваль» на улице Дизенгофа или в гостинице «Шератон». Обращаясь к Когену, Стачер почтительно называл его «Аль Капоне»...

В личной жизни Стачер оставался верен привычкам своей разгульной молодости: вокруг него постоянно роились молоденькие привлекательные израильянки, чью любовь он оплачивал хрустящими банкнотами по самым высоким ставкам. Словом, Стачер был счастлив. Печалила лишь затянувшаяся разлука со старым дружкой Меиром Лански.

Впрочем, вскоре устроилось и это. В конце 1970 года Меир Лански без каких-либо предварительных уведомлений появился в Израиле. По этому случаю Стачер распорядился открыть в «Шератоне» специальный бар «Колодец», где приятели без помех могли возобновить свои деловые разговоры.

Оказавшись в Израиле, Лански продолжил традицию, которой строго придерживался в США: он начал переводить пожертвования различным социальным учреждениям, как в прошлом регулярно переводил их на счет организации «Объединенный еврейский призыв». Так, например, Лански внес часть денег на строительство синагоги в Иерусалиме, которой было присвоено его имя.

И все же казначей американской мафии допустил ошибку, которая в дальнейшем дорого ему стоила. По прибытии в Израиль ему не хватило терпения подождать какое-то время с запросом о предоставлении

* Игра слов. Вместо «Коза ностра» («наше дело».— *итал.*)— сицилийский клан профессиональных преступников — мафия названа «Кошер ностра», «кошерная» (то есть съедобная для нудей) мафия.— *Прим. перев.*

гражданства. Между тем американское правительство тоже не стало медлить с оказанием нажима на израильские власти, требуя выдачи «беглеца».

Сторонники и противники высылки Лански взвешивали силы. По одну сторону баррикад была пресса, которая, кроме газеты «Маарив», выступала против Лански. По другую сторону — два американских еврея, которые осаждали министерства, пытаясь «пробить» для Лански израильский паспорт. Это были два важных иерарха американской мафии. Первый — Сэм Ротберг, король подпольного самогонварения в эпоху «сухого закона», который стал неуязвимым, добившись избрания президентом Объединенного еврейского призыва в США и начав на полную катушку вкладывать капиталы в израильские предприятия. Вторым — Луи Бояр, занимавшийся в прошлом контрабандой золота, а ныне приобретший репутацию респектабельного филантропа своими бесконечными пожертвованиями на нужды различных учебных заведений, в том числе на Еврейский университет в Иерусалиме.

Как Ротберг, так и Бояр к тому же были крупными акционерами фирмы «Израэль корпорейшн», детища Пинхаса Сапира, пользовавшегося исключительными налоговыми привилегиями. Их аргументы были просты: Лански, старый, отошедший от дел человек, мечтает теперь лишь о том, чтобы закончить свои дни в Израиле. К тому же он готов разместить там свои капиталы, в которых остро нуждается национальная экономика. Напоминали они и о том, что в 1948 году Лански поставлял оружие «Хагане».

Публикация книги Ганса Мессика «Лански, президент и казначей синдиката преступности» произвела в Израиле эффект разорвавшейся бомбы. Журналист Игал Лавив, посланный газетой «Гаарец» в командировку в США, вернулся оттуда с документами, имевшими самые тяжелые последствия как для Лански, так и для Стачера. Бассок попытался выкупить эти бумаги за «толстую пачку долларов». Лавив, зная, что закон запрещает израильтянам хранить иностранную валюту, попытался подстроить Бассоку ловушку. Он подключил к переговорам чиновника по особо важным делам Валютного управления Агарона Шлуша. Но Шлуш счел за благо заранее предостеречь Бассока от каких-либо валютных сделок.

В конечном счете американскому правительству удалось одержать победу и добиться решения о высылке Лански. По-видимому, возымела действие переданная через израильского посла в Вашингтоне Ицхака Рабина угроза лишить Израиль в случае дальнейших проволочек необходимых ему «Фантомов».

После этого все обращения Лански в Верховный суд были напрасны. Прокурору Баху удалось доказать, что Лански вместо того, чтобы вести в Израиле тихую и мирную жизнь, назначал в Тель-Авиве встречи эмиссарам американской мафии. Всем им было предложено немедленно покинуть территорию страны.

За неделю до окончания срока визы на пребывание в Израиле, в ноябре 1972 года, ночным рейсом компании «Сюиссэр» Меир Лански покинул Израиль. У него были въездные визы, выданные посольствами многих латиноамериканских стран, и он был уверен, что одна из них примет его в обмен на обещанные им капиталовложения. Но Лански не знал, что правительства Израиля и США договорились действовать сообща. Израильтяне стремились освободиться от него, американцы — его заполучить. Поэтому рядом с ним в самолете оказался некто Шайнер, отставной сотрудник службы армейской безопасности, а сзади него разместились агенты ФБР, которые обязаны были не спускать с него глаз. И лишь один-единственный журналист, репортер газеты «Маарив», был уведомлен о его поспешном отъезде.

В Рио-де-Жанейро, а затем в Панаме Лански столкнулся с одной и той же преградой в виде полицейских, которые вежливо, но твердо приказывали ему покинуть страну. В результате «военной хитрости» он оказался на борту американского самолета, который и доставил его в Майами, где его ожидали агенты ФБР.

— Добро пожаловать назад! — приветствовали его полицейские.

И Лански, как бы почувствовав прилив сил после изнурительного воздушного путешествия длиной в десятки тысяч километров, возмущенно воскликнул:

— Вы хотите войну? Вы будете ее иметь.

Лански сдержал свое обещание. Пройдя сквозь бесконечный лабиринт судебных процедур, он так и не был осужден.

СИОНИЗМ КРУПНЫМ ПЛАНOM *

Пассажиры самолета компании «Эл-Ал» прильнули к стеклам и захохали от восторга по мере приближения огней Тель-Авива. Это были в основном пожилые еврейские пары из Голдерз-Грина, Бруклина и Майами-Бич, торопившиеся на празднование Дня независимости Израиля. Из динамика неслась самая модная тогда на «исторической родине» песенка:

О Шарм-аш-Шейх!
Мы снова вернулись к тебе.
Ты — в наших сердцах,
В наших сердцах навсегда...

В тот день, 17 апреля 1972 года, я тоже возвращался на землю Израиля. После демобилизации я четыре года провел за границей: два года в Лондонской школе кинематографии, еще два — на съемках дешевых документальных фильмов. За это время я порядком помотался по свету, исследуя политические и социальные проблемы в других странах, но не в своем собственном доме. Теперь я возвращался домой с кинокамерой фирмы «Болекс», пленками и магнитофонными лентами, чтобы в документальном фильме ответить на острые вопросы, стоявшие перед израильским обществом.

«Цель моего фильма, — высокопарно писал я, — состоит в том, чтобы в критическом свете показать увиденные глазами израильтянина проблемы, с которыми Израиль сталкивается сегодня: конфликт между еврейской и арабской общинами, а также конфликты внутри самого еврейского общества». Иными словами, моя съемочная группа в составе одного человека жаждала явить миру Истину, отснятую на израильской сцене.

* Отрывок из книги Симона Ловиша «Момент молчания», изданной в Лондоне в 1979 году.

Когда самолет подрулил к зданию аэропорта, у трапа появились двое солдат с автоматами. За их спинами виднелась закрытая из страха перед террористами галерея для провожающих и встречающих, на крыше которой горели неоновые слова: «Добро пожаловать в Израиль».

Сержант полиции проверил мой паспорт. Он поднял на меня глаза («Израильянин, который сегодня возвращается из-за границы, должен быть полным идиотом», — прочитал я в его взгляде), опустил их, поставил печать и взмахом руки разрешил идти дальше.

Повсюду шло праздничное гуляние в честь Дня независимости. Под открытым небом на деревянных подмостках кривлялись знаменитые комедианты. Выдающийся ксилофонист выделял молоточками чудеса. Женщина-«каучук» закручивала свое тело в узлы. Аккордеоны наигрывали мелодии «Царя Давида» и «Вечера роз». На перекрестках стояли столики с рулетками, и сидевшие за ними мошенники кричали: «На семь выигрышей только три проигрыша! Крутите! На один фунт десять фунтов выигрыша! Крутите! Верный выигрыш, дамы и господа!»

Ярые патриоты в хороводах танцевали хору*. Другие спешили к лужайкам Парка независимости, чтобы оттуда поглядеть на апофеоз праздника — фейерверк с крыши «Хешал Шломо» — здания раввината... Все выглядело так же, как в дни моей юности, разве что людей собралось поменьше, комедианты, как мне показалось, выступали механически, без вдохновения, да и веселье толпы было деланным.

Война. Американские «Фантомы». «Кто есть еврей?» Слухи о новом призыве в армию. Вот что теперь занимало умы моих соотечественников. Много лет назад мои родители сделали выбор: навсегда простились с землей, где жили, чтобы начать жизнь сначала. Они приехали сюда из Англии, где, как им казалось, у их детей не было будущего. Арабов они считали, как американские колонисты индейцев — не более чем частью враждебной фауны.

Они «возвратились» на эту землю, подталкивая в спины трех ревущих сыновей. Мой отец отдал все

* Хора — танец евреев — переселенцев из Восточной и Южной Европы. — *Прим. перев.*

силы «новорожденному» государству Израиль. Он верно служил ему почти четверть века, переводя на английский язык речи министров и правительственную пропаганду, и поставлял собственные еженедельные колонки в еврейские периодические издания за границей. Он настолько сроднился с правительственной политикой, что не допускал возможности перемен в моем образе мыслей. Мое вольнодумство было для него горьким разочарованием.

С АВТОМАТОМ И КИНОКАМЕРОЙ

Любительским кинематографом я увлекался еще в школе. Мы снимали такие фильмы, как «Чарли Чаплин и Робин Гуд» или «Убийство в Иерусалиме». Но особенно нравился нам еврейский вариант Джеймса Бонда. Агент 007 с лицензией на убийство был героем нескольких игровых лент.

За год до призыва в армию мы получали приписные свидетельства. Мне вручили повестку: «Ловищу С. Явиться к 9.00 на медкомиссию в...»

Я терпеливо ждал своей очереди, сидя на длинной деревянной скамье среди незнакомых мне одногодков. Наконец прокричали мою фамилию, и я вошел в комнату с голыми стенами. За столами сидели армейские чиновники со свирепыми лицами. Садитесь, пожалуйста. Ваш документ. Вы любите спорт? Как дела с успеваемостью? Как ведете себя в критических ситуациях? Есть ли наследственные болезни?

А потом пришел день, когда с чемоданом в руке я стоял в строю новобранцев. Нас увели во внутренний двор, где парни в военной форме кричали нам: «Свежее мясо! Свежее мясо!»

Что я чувствовал, когда на меня надели такую же форму? Гордость? Патриотизм? Солидарность? Ничего подобного. Я просто жил — неделя за неделей. Так прошли положенные два с половиной года, превращенные в три с половиной после шестидневной войны. Когда тебе восемнадцать, это кажется вечностью. И ежедневная муштра:

— Варвары! Свиньи! Арабы! Я продую вам уши! Разве так содержится автомат!? Задница арабского осла чище, чем этот ствол. И вы называете себя солдатами? Кто там хихикает? Вы считаете, что это

смешно? Отлично! Поднять автомат над головой! Беги на плац и кричи: «Я идиот». Ори громче! Я скажу, когда остановиться...

Мы прорубались сквозь колючий кустарник, красили известкой деревья, ползали в грязи, маршировали с тридцатью килограммами груза за спиной, снова ползали в грязи... Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы мой отец не узнал благодаря своим связям в правительственных кругах, что в Тель-Авиве создается армейская киносъёмочная группа. В результате многочисленных просьб и напоминаний я был переведен в Тель-Авив.

Киногруппа должна была действовать как часть службы безопасности, и, прежде чем присоединиться к ней, мне пришлось ждать в перевалочном лагере результатов проверки на благонадежность. К работе меня могли допустить только в том случае, если я буду признан лояльным и у меня не обнаружат порочащих связей с нелояльными элементами. Я белил деревья, стриг газоны и валял дурака в ожидании допуска. Наконец армейский джип доставил меня в казематы таинственной крепости Теггарт. После того, что я там увидел, меня бы не удивило никакое, даже самое странное задание, которое нужно было бы выполнить для израильских вооруженных сил.

СЕКРЕТНАЯ КРЕПОСТЬ ТЕГГАРТ

Зеленый джип подъехал к воротам форта — старой крепости Теггарт. Это укрепление построили англичане в годы британского мандата для сдерживания арабских и еврейских «террористов». Теперь оно использовалось как полицейский участок. Изнутри доносилось нечто, отдаленно напоминавшее монотонную песню.

Я вылез из джипа, взял ящик со снаряжением. Шофер подвел меня к воротам.

— Прежде чем войти, — сказал он, — прикуси язык, чтобы он никогда не проболтался о том, что увидишь или услышишь здесь.

По мере того как мы приближались к входу, песня звучала все громче и без конца повторялась. Мы прошли через ворота. Во дворе я увидел группу людей, человек пятьдесят, двигавшихся по кругу гуськом. Каждый держался рукой за плечо впереди идущего.

На них были выцветшие рубы, ботинки без шнурков неуклюже волочились, спадая с ног. Черные остроконечные колпаки, как куклуксклановские балахоны, наглухо закрывали головы. Они пели:

Твои глаза сияют зеленым светом,
Твои глаза как два изумруда.
Мое сердце жаждет минуты молчания,
Потому что ты уходишь далеко-далеко.

Распевая, эти люди продолжали свой зловеший хоровод. По произношению трудно было определить, евреи они или арабы. Охранник в форме военной полиции толкнул одного, еле волочившего ноги. Человек споткнулся и потерял ботинки. Охранник пихнул его прикладом. Заключенный упал. Охранник ударил его сапогом по босым ступням.

— Это еще что, ерунда,— заметил шофер.— Видел бы ты, как их заставляют мочиться на землю, а потом ползать. Вот потеха.

Я не задавал никаких вопросов, и мне никто ничего не объяснял. Только повар на кухне невнятно пробормотал что-то о дезертирах. Дезертиры? Но зачем тогда этот круг и эта песня?

Меня сразу же назначили в ночной караул. Днем я отсыпался, а ночью дежурил по шесть часов в нише у главных ворот с автоматом «узи» в руках. В первую же ночь, стоя в своей нише, я обнаружил, что заключенные не спят. Они находились в каменных стойлах и большую часть времени стояли, не снимая с себя черные колпаки. Буквально каждую минуту по приказу охранника часть людей в колпаках вставала по стойке «смирно» и пела бессмысленную фразу:

— Президент де Голль был великий человек, ха, ха, ха!

В стены были вмурованы радиоусилители, через которые в уши узников неслась какофония электронных скрипов и свистов, наложенных на несовместимую с ними арабскую музыку. Случалось, что всем разрешали сесть. И тогда охранник неожиданно выкрикивал:

— Номер пять!

Или:

— Номер три!

Соответствующая группа тут же вскакивала на ноги, вытягивалась и пела:

— Президент де Голль был великий человек, ха-ха, ха!

Два офицера военной полиции как-то зашли в мой «бункер». Они принесли с собой небольшой аппарат, похожий на звукозаписывающее устройство, с двумя циферблатами и иглой. Провода-электроды шли от аппарата, каждый заканчивался стальной зацепкой. Офицеры любезно объяснили мне, что это — машина для электрошока. Потом они унесли ее в мрачную темную громаду главного здания, куда всю ночь охранники водили заключенных. Я слышал их крики. Мне было ясно, что это не рядовая тюрьма.

Офицера военной полиции звали Лейтенант Смерть. Во всяком случае, так сказал сержант, здоровый светловолосый парень, настолько неразговорчивый, что вначале я принял его за немого. Он выводил меня из моей ниши в два часа ночи в патрульный обход вокруг наружной стены форта. Там, между стеной и деревьями вдоль главной дороги, росли сухие кустарники. Сержант требовал, чтобы мы протыкали штыком каждый куст.

— «Фатх» * может оказаться повсюду, — говорил он. — А если вскарабкаться на эвкалипты у главного входа, то с помощью инфракрасных лучей можно сфотографировать всех входящих и выходящих...

И сержант с фонарем в руке тщательно осматривал каждый куст, а я протыкал гущу колючих ветвей штыком. Затем мы возвращались к воротам.

В бригаду, обслуживавшую крепость, входил, кроме шофера и военного повара, армейский капитан — огромный, грузный, с крупными чертами задубевшего в пустыне лица. Был еще один штатский, с огромными, как блюдца, круглыми глазами. Он вел допросы. И был еще человек среднего возраста, с наружностью клерка, виртуоз по части «промыывания мозгов». Какофонические песни были его изобретением.

Действительно, то, что я увидел в крепости, было настоящим «промыыванием мозгов». Люди в черных колпаках не видели ни дня ни ночи. Колпаки, тесно натянутые до плеч, были сделаны из такой плотной ткани, что даже полуденное солнце не проникало

* «Фатх» — основная организация Палестинского движения сопротивления. — *Прим. перев.*

через нее. Они все время были на ногах — то, двигаясь по кругу, пели, то, загнанные в стойла, декламировали бессмысленные фразы. И так непрерывно, днем и ночью. Часами их изводили умопомрачающими звуками. Когда они кружили по двору, охранники часто толкали их, били кулаками, пинали ногами. И время от времени уводили по одному в главное здание, где Лейтенант Смерть разгонял сонливость своей излюбленной «электрошоковой процедурой».

Однажды я увидел заключенного без колпака. Он шел по двору, на его плечи было накинуто одеяло, голова опущена, ноги заплетались. Повар шепнул мне:

— Его отсылают назад: он не вынес этого..

Весь этот день я напрасно пытался уснуть в своей келье. Со двора доносилось пение:

Твои глаза сияют зеленым светом,
Твои глаза как два изумруда.
Мое сердце жаждет минуты молчания,
Потому что ты уходишь далеко-далеко.

Так продолжалось день за днем. Но однажды капитан остановил хоровод. Люди в колпаках уткнулись друг другу в спины. Им подставили скамейки, они качнулись и разом сели. Капитан приказал:

— Снять колпаки!

Нерешительно люди нащупали пальцами край колпаков и медленно стянули их. И вдруг я увидел, что все они еврей-сабры из кибуцев! А капитан сказал:

— Мы должны поздравить вас всех. Вы выдержали испытание. Такой чести добиваются не многие солдаты «Цахала»*. Теперь вы принадлежите к отборным частям. Вам было мучительно трудно. Но это единственный способ подготовить таких, как вы, добровольцев, готовых на любые, самые суровые испытания. Лишь один попросил прекратить испытание. Тем самым он лишился права служить в наших частях.

Еще раз поздравив просветленных на моих глазах людей с завершением испытания, капитан сказал:

— А теперь, солдаты, я хочу представить вам человека, опыт которого оказался бесценным при разработке курса обучения. Я, конечно же, имею в виду подполковника Бенямина Нахтенебеля, о котором вы все много слышали.

* «Цахал» — так называется на иврите израильская армия. — *Прим. перев.*

Подполковник Нахтенебель оказался толстым веселым человеком среднего возраста. Одет он был в штатское.

— Друзья,— оглядев измученные лица, сказал он,— этот курс разработан для специальных частей. Их задача — забрасывание агентов на вражескую территорию. При выполнении любой операции каждый из вас может попасть в плен к врагу...

Он сделал паузу и продолжил:

— Любой человек под пыткой заговорит. Вы должны не вообще молчать, а продержаться те жизненно важные 24 часа, после которых военные сведения, переданные врагу, уже не принесут ему пользы на поле боя. Это и есть ваша единственная цель...

Новоиспеченные коммандос направлялись в свою новую часть, а мне предложили вернуться в транзитный лагерь. Через две недели меня вызвали в киногруппу при генеральном штабе в Тель-Авиве..

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

В киногруппе армейского отдела пропаганды нас было трое. Кроме меня, оператор и его ассистент. Джо, штатский глава группы. Фарид Сильван, шофер. Джо — маленький, юркий, светловолосый — начинал свою жизнь как ассистент кинохроники на Кубе. После революции, примкнув к эмиграции средних слоев с Кубы, оказался в Майами, а оттуда направился в Израиль. Как и многие изгнанники, он был настроен скептически, и в армию его привел не патриотизм, а хорошо оплачиваемая и к тому же интересная работа. Фарид, тунисский еврей, принадлежал к одному из сефардских кланов.

Над нами возвышалась такая иерархическая пирамида: подполковник Ави Бор-Таль, глава сектора по связям с общественностью, угрюмый блондин с лицом бульдога, и подполковник Йирмияху Цоеф, глава подотдела печати. Он в прошлом служил офицером разведки в северном округе, но не обнаружил минное поле, на которое напоролась диверсионная группа, совершавшая рейд против Сирии. Его начальником был подполковник Дац, пострадавший от взрыва гранаты во время маневров, но доказавший начальству, что способен служить и со стеклянным глазом. И совсем

на недостижимой высоте находились полковник С., глава отдела безопасности и информации, и генерал Ярив, начальник всей службы безопасности.

Наша группа вместе с фотокорреспондентами и репортерами армейских журналов входила в круг избранных, бывших запанибрата с полковниками и смотревших свысока даже на министра обороны.

Это походило на Армагеддон*. Бесконечная колонна военных машин: танки «Паттон» с расчехленными, задранными к небу пушками, командирские джипы с переносными рациями, грохочущие по асфальту бронетранспортеры, в кузовах которых, как сардины в банках, сидели солдаты в касках. Бесчисленные грузовики. К некоторым были прицеплены пушки, на других размещалось что-то сверхсекретное, закрытое брезентом. Голова и хвост колонны скрывались за горизонтом. День 13 ноября 1966 года был похож на день Страшного суда.

Мы должны были запечатлеть для потомства эту операцию — карательный рейд в Иорданию. За три дня до этого израильский мотопатруль подорвался на mine, подложенной палестинскими партизанами. Четверо солдат погибли. По данным разведки, перед проникновением на нашу территорию партизаны останавливались в арабской деревне Самда, в 6 километрах от линии прекращения огня в 1949 году, на территории Иордании. Теперь жителей деревни ожидало наказание.

Как заметил один солдат, мы решили раздавить муху мощным паровым катком.

Начали операцию танки, окружившие холм, на котором лежала деревня. За танками двигалась бригада парашютистов. Десантники блокировали дома. Несколько человек с автоматами наизготовку оставались у дверей и окон, а один врывался внутрь и выгонял обитателей. Потом под дом подкладывали взрывчатку и взрывали его. Так уничтожили сорок домов.

Операция шла гладко, пока на дороге, ведущей к деревне, не появились грузовики с иорданскими солдатами. Тогда вступили в действие наши танки. Один грузовик, на котором находилось около двадцати иор-

* *Армагеддон* — по представлениям верующих, последняя битва между Добром и Злом накануне Страшного суда. — *Прим. перев.*

данских солдат, был уничтожен прямым попаданием снаряда. Все солдаты погибли. Остов грузовика загорелся, дорогу другим. Иорданцы открыли огонь. Но бой был коротким: у них не было никаких шансов.

С нашей стороны был убит майор, снайпер ухитрился его подстрелить, когда тот высунулся из бронетранспортера..

Набег на деревню Самда положил начало обострению обстановки на всех границах. Организация «Фатх» активизировала свою деятельность. Партизаны ставили мины на дорогах, взрывали водопроводы и водоканалы, обстреливали из базук наши военизированные поселения. Мы никогда не задумывались о мотивах их действий. Их враждебность была представлена нам с самого начала как естественная часть местной природы, такая же, как гроза или зной. В других странах случаются землетрясения. А у нас есть «Фатх». Все регулярнее мы стали проводить карательные операции против Иордании, Сирии, Египта и Ливана. Демилитаризованная зона, которую Израиль обязался сохранять вдоль всей линии перемирия, наводнялась войсками и укреплялась. Вначале наших солдат маскировали под кибуцников *, но потом маскирад прекратили.

В Израиле нагнеталась военная истерия. Военный парад в День независимости, 15 мая 1967 года, состоялся в Иерусалиме. Уже одно это было вызовом арабам. Наши войска маршировали под воинственный грохот барабанов. Министры и генералы отдавали честь. Публика восторженно рукоплескала...

«ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА»

26 мая 1967 года в Беит-Соколов, где находилась служба связи армии с прессой и общественностью, парил бедлам. Пустынные кабинеты, обычно напоминавшие Мексику в часы сиесты, превратились в нечто среднее между автовокзалом Тель-Авива и биржей на Уолл-стрите.

Военные корреспонденты, как саранча на свежую зелень, слетались со всего мира в Беит-Соколов. Прямо

* Кибуцник — работник кибуца, сельскохозяйственного кооператива в Израиле.— *Прим. перев.*

из Вьетнама, в костюмах цвета хаки, прибыла группа журналистов, жаждущих информации о кровавых событиях. Они рассеялись по комнатам второго этажа, перечитывали заголовки пожелтевших от времени машинописных корреспонденций, висевших на стенах с прошлой войны,— «Неужели это конец?», «Сможет ли Израиль выжить?», «В кольце врагов», «Час испытаний настал!» — и требовали оборудовать для них корпункты на фронте.

Полный хаос на третьем этаже. Объявлен призыв резервистов, но никто не должен знать, сколько их призывается, где, когда и зачем. Секретари службы связи армии с прессой надрывными голосами зачитывали сообщения: «Концентрация египетских войск продолжается в восточном секторе Синая. В 10.18 из сектора Газа произведены выстрелы в сторону Мошава Ами. Поврежден коровник, две коровы погибли от ран...»

На следующий день мы наконец-то своими глазами увидели наше бронетанковое соединение. Как грибы, выросли в пустыне группы больших палаток. Личный состав — почти все резервисты в возрасте за пятьдесят: врачи, плотники, механики, учителя, мусорщики, чиновники. Они приехали, как на пикник: были убеждены, что это ложная тревога и через пару дней всех отпустят по домам.

А политики подыгрывали им. Мне довелось сопровождать на вертолете генерального штаба через пустыню Негев премьер-министра — старого и тучного Леви Эшкола. Он то и дело допускал сальные шуточки на идиш, часто прерывая свою речь вздохами: «Ой-и»... Эти вздохи означали то ли: «И куда это идет мир?», то ли: «Это я-то, старый Лева Школьник, начну войну?» Он непременно разглаживал натянутый на коленку черный берет, который должен был придавать мирный вид его костюму защитного цвета.

Генералам, конечно, этот балаган был ни к чему, и, глядя на их задиристый вид, люди ожидали самого худшего. В то же время иностранным корреспондентам внушали, что Израиль находится на грани уничтожения и вот-вот будет стерт с лица земли. Они распространяли эти мрачные новости по всему свету. Наши правители не поправили в этих прогнозах ни одного слова. Лишь позднее мы убедились, что все

страхи были мифом и никакой угрозы уничтожения не было. Арабы не готовились и не были готовы к войне. Миф о том, что нас собираются уничтожить, потребовался для поднятия боевого духа солдат и увеличения помощи из-за границы.

3 июня Моше Даян выступил перед представителями мировой прессы. Смысл его речи состоял в том, что «следует ожидать охлаждения страстей». Генерал врал: решение воевать было принято, и подготовка шла полным ходом. В бункере под зданием генштаба израильской армии мы уже сделали протокольные съемки заседающей «команды войны». Начальник генштаба Ицхак Рабин, заместитель начальника генштаба Хаим Бар-Лев, генерал Эзер Вейцман. На стенах были развешаны огромные карты, и маленький вертлявый человек танцевал под ними, обозревая нанесенные на них пути передвижения и снабжения войск. Это был, как нам сообщили шепотом, живой компьютер, одно из подлинных чудес нашей разведки. Он мгновенно перерабатывал в уме все данные и указывал, куда и зачем двигаться. Нам не разрешили запечатлеть на киноплёнке этого феномена.

Утром 5 июня нас послали на вертолете сопровождать Даяна и членов парламентского комитета по безопасности и иностранным делам в их инспекционном облете линии фронта. Пока мы сидели в зале ожидания на военном аэродроме под Тель-Авивом, завывали сирены воздушной тревоги. Знакомый звук показался на этот раз необычным. Учебные тревоги были неременной частью моей жизни с самого раннего детства. Но всегда это были бесконечные и монотонные завывания игрушечных устройств. Сейчас же взревела и быстро смолкла самая современная сирена, не оставлявшая ни у кого сомнения в подлинности объявленного предупреждения. Хотя бежать и прятаться в убежище было не нужно. Когда сирена смолкла, заговорил Даян: «Господа! То, о чем мы говорили, свершилось. В соответствии с планом наши войска начали боевые действия в 7 часов 45 минут. В данный момент наши военно-воздушные силы уже полчаса бомбят египетские аэродромы. Бронетанковые войска уже пересекли границу и вошли в соприкосновение с противником. Внезапность нашего удара — полная. Северная дивизия под командованием генерала

Таля быстро продвигается в секторе Газа. Центральная дивизия идет через Бир-Лагфан под командованием генерала Иоффе. Арик Шарон ведет южную дивизию на Куссейму и Абу-Аггилу. Итак, мы действуем, господа. Наша цель — превратить в пыль и прах египетские войска в течение трех дней...»

А по радио в это время беспрестанно передавалось первое официальное коммюнике: «Израильские силы обороны начали боевые действия, чтобы преградить путь египетским танкам и артиллерии, приблизившимся к границе пустыни Негев севернее Эйлата. Наши радары обнаружили египетские самолеты, направлявшиеся к Тель-Авиву!» Эта ложь будет потом повторяться в течение многих лет.

На второй день войны мы подвели общий итог действий наших ВВС: 416 египетских самолетов, основные силы военно-воздушного флота, были уничтожены на земле.

Подлинными победителями в этой войне были мухи. Нам приходилось учиться говорить, не раскрывая рта. Стоило кому-нибудь разжать губы, чтобы гаркнуть хотя бы короткое «Марш», как тучи жужжащих насекомых тотчас забивали рот. И лишь когда от тысяч трупов, устилавших обочины дорог, остались лишь кости, мухам стало нечего делать. Несомненно, их потомки из поколения в поколение передают рассказ о нескольких неделях нашей славы в июне 1967 года.

Мы, 30 журналистов и кинооператоров, в желто-голубом автобусе проехали через Газу, сопровождаемые смрадным запахом трупов. Жители города либо прятались за ставнями окон, либо стояли группами с поднятыми вверх руками. Вдалеке на узкой прямой дороге, убегавшей к югу, виднелись останки двухконной белой повозки ООН, раздавленной гусеницами наших танков. Впереди лежала пустыня. По обе стороны дороги — вдребезги разбитая техника, изувеченные трупы. Повсюду стоял такой запах, словно кто-то оставил открытой огромную газовую горелку.

В Эль-Арише мы сели завтракать под пальмами. Несколько изголодавшихся арабских ребятишек остановились метрах в тридцати от нас и молча ждали. Как только мы покинули место пиршества, они жадно

набросились на объедки, запихали их за пазуху и убежали.

У желтого здания штаба военной базы два десятка египетских солдат лежали лицом вниз, над ними стояли израильские солдаты с автоматами.

— Подонки,— орал сержант.— Они стреляли из окон.

Прикладами автоматов пленных загнали в кузов грузовика и отвезли в пустыню. Вскоре оттуда слышались автоматные очереди.

— Я сыт по горло этой войной,— сказал нам один солдат, нервно разминая сигарету.— Это не война. Это бойня. Пленных не берем... В бункере сидело 5—6 арабов. Они кричали, что сдаются. Мы дали по ним несколько очередей и двинулись дальше. А они там продолжали кричать и охать. Тогда мы вернулись и просто взорвали бункер. Теперь там тихо.

В Эль-Арише у самого пляжа находился штаб Чрезвычайных сил ООН. Я прошелся по покинутому зданию. Мне запомнился висевший на стене портрет У Тана, Генерального секретаря ООН, в глаза которого какой-то ловкач виртуозно всадил две пули. Мы разграбили буфет ооновского центра, побаловались пивом в жестяных банках.

ОККУПАНТЫ

Еще 4 июня территория еврейского государства равнялась 20 700 квадратным километрам. К 10 июня Израиль господствовал на площади 89 359 квадратных километров. В число «приобретений» вошли: весь Синайский полуостров, сектор Газа, сирийские Голанские высоты на севере и Западный берег реки Иордан. Под военную оккупацию попало более миллиона арабов, главным образом палестинцев.

В только что завоеванном старом Иерусалиме генералы и другие важные персоны перед нашими объективами позировали у Стены плача. Город, разделенный надвое с 1948 года, стал «единым».

Мой отец, выглядевший усталым — ему приходилось целыми сутками переводить военные сводки,— со слезами на глазах слушал меланхолический шлягер тех дней — «Золотой Иерусалим». Отец считал, что

наконец исполнилась мечта всех евреев земли: над Святым городом реял бело-голубой флаг Израиля.

Он, как и все мы, почувствовал прилив уверенности. Напряженность исчезла, отныне все противоречия были разрешены. Так нам, во всяком случае, казалось...

* * *

Мы считали, что истинная причина ненависти арабов к нам состоит в том, что мы — европейцы, образованные и прогрессивные люди, тогда как они примитивны и отсталы. Понятие «палестинец» не существовало для нашего поколения. Разве что применительно к далекому прошлому нашей страны, носившей название Палестина: об этом мы знали по старым, выпущенным еще в 1948 году почтовым маркам. Поэтому нам казался нелепым анахронизмом тезис арабской пропаганды об узурпированной части Палестины. Мы знали, что в Израиле жили арабы, но не делали различия между ними и арабской массой вне Израиля. Они были для нас экзотическим этническим меньшинством, обитавшим в горах и носившим куфию и другие смешные одежды. Время от времени мы узнавали о существовании деревень на территории Израиля, которые в туманном прошлом имели арабское происхождение. Основные учебные маневры нашей армии чаще всего проводились в таких опустевших деревнях, заросших сорняками и занесенных песком. Но в нашем сознании эти «археологические памятники» никогда не ассоциировались с современными социальными проблемами. Мы были убеждены, что Израиль — государство особого рода, а поэтому развалины казались нам частью природной сферы. Мы, разумеется, не могли не знать, что евреи пришли в эту страну и отняли ее у арабов. Это давно уже было свершившимся фактом, и мы считали, что лишь сумасшедшие стремятся повернуть вспять колесо истории.

«Шестидневная война» вызвала у нас шок. За пределами Израиля нам вдруг открылось человеческое общество, о котором мы прежде ничего не хотели знать. Мы и раньше через дыры в бетонных стенах, разделявших Иерусалим, видели другой город: автобусы, машины, людей. Но это, как в кукольном театре,

казалось нереальным, сказочным. Иное дело было сейчас.

Сначала мы пережили кратковременный праздник упоения победой. Мы видели себя победоносной Великой Державой и думали, что ухватили бога за бороду. Но вскоре поняли, что народ, хозяевами которого мы себе казались, живет, не обращая никакого внимания ни на нас, ни на наши «европейские» ценности. Арабы вовсе не были ни экзотическим меньшинством, ни чужеземным растением в нашем хорошо ухоженном саду. Они представляли собой целостное общество со своими законами, своей структурой, своими ценностями. У этого общества были банки, суды, автобусы и такси, рестораны, рынки — словом, свой особый порядок. Восточный Иерусалим, Наблус, Хеброн, Рамаллах составляли замкнутый мир, в который мы не смогли проникнуть, даже захватив его. Это была единая территория — полностью арабская, где нас считали чужаками. А на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа располагались многочисленные лагеря беженцев — живое доказательство реальности палестинской проблемы.

Нам стало ясно, что население оккупированных территорий не желает нас видеть. Мы поняли, что наша армия силой навязала арабам свое присутствие. Никто не просил нас приходить сюда. Мы управляли другими против их воли. И никакие теоретические построения не могли оправдать открытого угнетения и подавления целого народа.

НЕНАВИСТЬ

1968 год. Ненависть к израильским оккупантам была особенно горяча в секторе Газа, население которого в основном состояло из беженцев. Они видели через границу, как израильские тракторы перепашивают их бывшие поля и сады. Акты саботажа и террора здесь были обычным делом. Мы ездили по дорогам сектора Газа только с задраенными люками, несмотря на душающую жару. Даже десятилетний ребенок мог швырнуть гранату в проходящую израильскую машину.

На Западном берегу тоже нарастало сопротивление. Палестинские партизаны придерживались там

своей традиционной тактики: просачивались через иорданскую границу, устраивали засады и ловушки на дорогах. Позднее армия оборудовала всю линию границы испытанными во Вьетнаме американскими электронными и электрическими заграждениями.

На Западном берегу беженцы составляли меньшинство населения. Местные крестьяне и горожане относились к нам с показной лояльностью и преувеличенной вежливостью. Эта земля была настолько арабской по своему облику и атмосфере, что даже наши фанатики не решались назвать ее еврейской. Тогда мы и начали говорить о Западном берегу как об «освобожденной земле», принадлежащей евреям в силу их «исторических прав». Мой компаньон Джо и я в ту пору были совершенно аполитичны, но даже нам эта точка зрения казалась абсурдной; мы часто патрулировали эту «освобожденную землю» и совершенно ясно видели, кому на самом деле она принадлежит...

Однажды мы ехали на патрульном джипе пограничной охраны. Начальником патруля был спесивый капитан с короткими жесткими усами. Кое-где дорога, петляющая среди холмов и высот Хеброна, была заминирована. За день до этого здесь подорвался израильский бронетранспортер. Мы часто останавливались и допрашивали встречавшихся феллахов и пастухов (разумеется, никто из них ничего не видел!). Вдруг капитан приказал остановиться: на камне у обочины сидел мальчик лет двенадцати. Его лицо было настолько изуродовано шрамами и рубцами, что он не мог даже как следует раскрыть рот, чтобы назвать свое имя.

— Сейчас мы проверим, есть ли здесь мины, — сказал мне капитан на иврите.

А потом, уже по-арабски, приказал мальчику идти к вершине холма. Мы оцепнели. Мальчик прошел около 15 метров, и тут капитан позвал его назад:

— Все ясно. Йалла, имши мин хун*, — и отпустил мальчика.

«ОЧИЩЕНИЕ» НАБЛУСА И ЯСИДА

Май 1968 года. Наш голубой «виллис» опять в пути. На этот раз направляемся в Наблус. Этот город

* Убирайся отсюда (араб.).

стоит на двух холмах. Его облик определяют каменные дома, построенные в арабском стиле. В центре городской рынок. Мы въехали в город в семь часов утра, когда улицы были пустынные, лавки закрыты шторами из гофрированного железа. У рынка расположились танки и бронетранспортеры пограничной охраны, солдаты с автоматами наперевес.

Это был день «чистки». Рынок, как нам сказали, всегда был нерегулируемой, как стихия, сточной канавой Наблуса. Турки, англичане, солдаты иорданского Арабского легиона остерегались появляться в этих бесконечных торговых рядах со сводчатыми потолками и нишами лавок. Ходили слухи даже о подземных лабиринтах, в которых могли скрываться партизаны.

Израильской армии предстояло выполнить здесь историческую миссию — «очистить город от этих воров и бандитов». Командовал операцией сам Моше Даян, одноглазый «национальный герой» Израиля.

Мы взламывали замки, врываются в лавки, обыскивали все помещения подряд и повсюду находили спрятавшихся людей. Сгоняли их на центральную площадь. Вскоре там собралось около 150 человек — мужчин и мальчиков от 15 до 65 лет. Потом появились женщины и дети. А людей все вели и вели. Один пограничник пригнал целую колонну дрожащих от страха старух.

После проверки документов были взяты под стражу 15 подозреваемых в принадлежности к партизанам. При допросе присутствовал, нашептывая что-то на ухо старшему офицеру, осведомитель из местных, по указаниям которого производилась вся эта облава. Он был в капюшоне. Когда полицейский давал ему прикурить, я увидел лицо под приподнятой маской. Человек в колпаке был не араб. Об этом свидетельствовали его вьющиеся светлые волосы. И говорил он на таком иврите, которым владеют лишь сабры — евреи, родившиеся в Палестине.

Потом провели такую же операцию в селении Ясид. Наши осведомители — вероятно, того же рода, что и тот, из Наблуса, — указали на Ясид как на перевалочный пункт снабжения партизан оружием. Ясид, расположившийся на холме, был оцеплен нашими танками и бронетранспортерами.

Я заснял на пленку допрос одного крестьянина. Здоровый, сытый лейтенант держал его за шиворот и беспрестанно тряс, выкрикивая вопросы, брызжа слюной и все более свирепея. Араб — маленький человечек лет сорока, а может быть, пятидесяти, весь ссохшийся от долгих лет непомерного труда и недоедания, — жалобно ныл, вскрикивал от ужаса, руки у него болтались, точно у куклы. Лейтенант ударил его по зубам. Человечек продолжал стонать. Тогда лейтенант нанес ему удар ногой в пах. Человечек переломился пополам. Лейтенант распрямил его и повторил удар. Человечек упал.

Я опустил камеру и попросил:

— Может быть, хватит?.

— Тебя что, тошнит? Может, ты в положении? — взъярился лейтенант. Я повернулся и пошел прочь...

В темной комнате жужжал проектор. На экране — сцены операции в Наблусе. Подполковник Ави Бар-Таль со своим бульдожьим лицом сидел рядом со мной. А подле него — маленький, с живым острым взглядом мужчина лет сорока. Это был генерал Аарон Ярив, глава военной разведки и мой самый высокий начальник.

Пленка кончилась. Я остановил камеру.

— Но мы же не можем ничего этого выпустить в свет, — сказал Ави Бар-Таль. — Для чего все это снималось?

— А я думаю, что это гениально, — остановил его Ярив. — Нам следовало бы иметь побольше такого материала. Мы найдем ему применение.

ДОЛОЙ ПОГОНЫ!

Я отчетливо помню канун демобилизации.

Мы, персонал отдела пропаганды армии, слушаем курс лекций по атомному, бактериологическому и химическому оружию. Лектор — сержант, лет на 18 старше нас. Он горделиво стоит на фоне плакатов, демонстрирующих поражающее действие нервных газов на предполагаемого противника, и вещает:

— Вы видите результат применения бинарного газа. Цель химического оружия понятна и проста: это уничтожение живой силы противника без повреждения оборудования, техники и строений...

По нашим спинам пробежал первый озноб.

— Действует газ мгновенно и эффективно. Израильские вооруженные силы располагают достаточным его количеством, чтобы полностью уничтожить человеческий потенциал (слово, употреблявшееся неграмотным сержантом, на иврите означает вообще «человечество») противника..

Неожиданно вспыхнул бунт. Лейтенант из отдела по связям с прессой вскочил и громко спросил:

— Послушайте, сержант. Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Что это, инструктаж для обслуживающего персонала Дахау?

— Я говорю лишь то, что мне положено говорить,— спокойно ответил сержант...

30 июля 1968 года меня демобилизовали. Я вернул в каптерку солдатские ботинки, брюки, рубашку, белье, носки, зимнюю одежду, пояс, штык-кинжал, ножи, ранец и получил документы резервиста.

А через шесть недель после демобилизации я уже был в Лондонской школе кинематографии.

ЖЕСТОКОСТИ ОККУПАЦИИ

Поездка к родственникам в Тель-Авив 25 апреля 1972 года вызвала у меня массу воспоминаний. В дни службы в армии я вставал в 5.30 и шел пешком вниз к Центральному автовокзалу. В 6.15 там выстраивались две очереди. В одной — главным образом рабочие из восточных евреев, бакалейщики и торговцы с корзинами, водопроводчики с сумками для инструмента или плотники. И была вторая очередь — «только для военнослужащих и калек». Обе очереди сходились у узкой двери автобуса, толкаясь и ругаясь, спешили занять удобные места. Слышались крики негодования, если рабочие, сдавленные в узком проходе между стальными ограждениями, замечали здорового на вид штатского, вторгшегося в привилегированную очередь. Возмутитель спокойствия выставлял вперед обе ладони, призывая крикунов не суетиться.

— Я инвалид войны! — убеждал он. — У меня 20 процентов трудоспособности.

И размахивал своей инвалидной карточкой. Крики переходили в глухое ворчание после того, как он вска-

кивал в автобус, втиснувшись между двумя здоровыми капралами.

По возвращении в Израиль я уже не вставал вместе с пролетариатом. За окошком автобуса бежали знакомые холмы Иерусалима. Из Шаар-Хагая, который был одним из пограничных пунктов между государством Израиль и Иорданским Королевством, начиналась прямая дорога в Рамлю. Эта дорога, захваченная во время войны 1967 года, сокращала путь от Иерусалима до Тель-Авива на полчаса. Рейсовые автобусы, вроде того, на котором я ехал, по-прежнему ходили старым, кружным путем, чтобы обслужить по пути небольшие городки. Но такси и частные машины шли напрямик через Латрун. Три деревни, олицетворявшие арабское присутствие в этом районе (Ялу, Имвас и Бейт-Нуба), были срыты бульдозерами до основания, а их обитатели изгнаны. Два новых еврейских поселения выросли на их месте.

Автобус проезжал через Рамлю, которая до 1948 года была арабским городом. Сейчас ее населяют главным образом сефарды. Дальше начинался огромный военно-тренировочный лагерь Сарафанд, простиравшийся до предместий Тель-Авива. Автобус петлял по узким улочкам, застроенным складами и крошечными мастерскими, приближаясь к Центральному автовокзалу. Здесь царила суета. Уличные торговцы гнусавыми голосами расхваливали свой товар:

— Единственный и экстраособый лосьон от всего, только фунт за флакон! Против клещей! Против пневмонии! Против рака! Против плешивости! Против походного налога!

В пору службы в армейской киногруппе я был частым гостем в доме одного тель-авивского родственника. Сейчас он был нужен мне: с его помощью я надеялся получить в пресс-центре данные о некоторых военных церемониях, которые хотел заснять.

Фамилия его Бентов. Ему за сорок. Он вырос в Бразилии. Латиноамериканская кинематография была его делом.

Он не изменился за эти годы. За чашкой турецкого кофе он начал с горечью рассказывать о состоянии израильского кинематографа.

— Что творится сейчас на студиях? Смесь мелодрамы, насилия, секса, религии и политики. И все это

в Израиле принимает особо утрированные формы. Это театр абсурда в его чистейшей форме. Все эти выходцы из Польши, Марокко, Румынии и прочих стран составляют дикое месиво. У нас нет общего языка, поскольку официальный пврит — это набор клише и идеологических концепций. Господствует форма, содержание — ничто...

Бентов свел меня с ответственными сотрудниками пресс-центра. Я объяснил свою цель: заснять ритуал посвящения в солдаты. Эти ритуалы часто весьма экзотичны. Так, парашютные войска с 1967 года устраивают очень яркую церемонию у Стены плача в Иерусалиме. Бронетанковые войска проводят посвящение в солдаты у развалин крепости Моссаса, в пустыне близ Мертвого моря. Там, во всяком случае так сказано в учебниках истории, последние участники еврейского восстания против римлян предали себя смерти в 73 году н. э. Под горящими транспарантами со словами: «Моссаса больше не падет!» — солдаты принимают присягу, повторяя текст, зачитываемый командиром. Впрочем, очевидцы утверждают, что солдаты часто вместо фразы «Ани нишба!» («Я клянусь!») произносят: «Ани нишбар!» («Дайте есть!»).

Спускаясь в лифте после успешных переговоров, я вспомнил, как впервые побывал здесь два года назад. Я привез тогда копию своего фильма о Южной Африке, который намеревался продать израильскому телевидению. Оценить мой товар поручили офицерам отдела пропаганды армии — моим бывшим начальникам во времена службы подполковнику Ави Бар-Талю, майору Тувна и начальнику отдела по связям с прессой подполковнику Арие Шимсону.

После просмотра состоялось краткое обсуждение. Господа офицеры заинтересовались не столько содержанием картины, сколько техникой и методами съемки. После моих разъяснений Арие Шимсон задумчиво сказал:

— А что будет, если кто-нибудь сделает такого рода фильм у нас?

Все остальные усмехнулись.

— Это счастье, что никто пока до этого не додумался, — сказал кто-то из них.

Когда через два года я снова встретился с Арие Шимсоном за чашкой кофе в его кабинете, он предложил

мне работать у него, но уже в качестве вольнонаемного сотрудника.

Я замялся, пытаюсь уклониться от прямого ответа:

— Не знаю, подхожу ли я для вас теперь. Я изменился за эти годы.

— Но ведь это естественно, люди меняются,— возразил он.

— Я имел в виду не совсем то... Есть вещи, которые я не могу принять. Скажем, в целом всю оккупацию, которую видел в деталях...

— Как это просто — видеть жестокости оккупации. Да, эта жестокость видна, она откровенна и потому шокирует. Но ведь есть и другие аспекты — создание отношений с арабским населением...

— Но ведь этого не просили у нас...

— Мы не спрашивали разрешения. Быть мягкими — это утопия. Нам необходимы взрывы жестокости. Это цена за то, что мы здесь. Выбора нет. Иного пути и вы не найдете.

Я нанес визит другу детства Ави. Он был счастлив, женившись на маленькой толстушке. Но жить спокойно ему не давали три обстоятельства. Во-первых, городские власти не разрешили ему пристроить к квартире балкон. Во-вторых, он непрерывно воевал с соседями, евреями из Марокко, у которых с утра до поздней ночи орало радио. А в-третьих, в университете, где он преподавал, его донимали религиозные фанатики, не признававшие авторитета Иммануила Канта.

И вдруг я обнаружил, какая непреодолимая пропасть разделяет нас. Я неосторожно коснулся палестинского вопроса. Эти слова привели его в ярость.

— Нет такого понятия — «палестинский народ», — взорвался он. — Это плод воображения, выдумка смутьянов.

— Откуда такая слепая ненависть? — прямо спросил я его. — И ты после этого будешь возмущаться, если они подложат тебе бомбу под зад, просто чтобы доказать, что они существуют?!

— Все нации отвратительны и продажны, — кричал он. — Кроме израильской, которая является спасительницей евреев...

Я высказал ему все, что думал, и мне не потребовалось изобретать особые предлоги, чтобы больше не посещать его дом.

НЕДОВОЛЬСТВО СЕФАРДОВ

Несколько майских дней я провел, бродя с друзьями по улицам Иерусалима. Пора было браться за работу. Я начал со съемок демонстрации, которую проводила организация восточных евреев (сефардов), называвшая себя «черные пантеры».

Маленькие черные флажки в руках демонстрантов и на столбах фонарей. Каменный лев в центре площади Давида весь облеплен протестующими темнокожими юношами. Некоторые несут плакаты и лозунги: «Долой дискриминацию!», «За свободу слова и протеста!», «Долой полицейское государство Израиль!»

— Как долго еще вы будете терпеть? — начал свое выступление оратор. — Полиция говорит, что «черные пантеры» — возмутители спокойствия, подрывные элементы. Но кто на самом деле чинит произвол? Они говорят: «Соблюдайте закон и порядок». Но для нас, сефардов, их закон и порядок — это десять душ в одной комнате, нищета и унижение. А когда мы говорим об этом, они отвечают арестами и насилием. Мы должны сидеть в своих лачугах в грязи и отбросах, а Голда Меир тем временем раздает новые квартиры европейским иммигрантам. Почему? Потому что мы — «черные». Мы недостойны приличного жилья. А когда мы выходим на демонстрацию, они говорят: «Не слушайте их! Они хулиганы!» Но кто настоящие преступники в Израиле? Вчера полиция застрелила в нашем городе безоружного человека. Они говорят, что он был «закоренелым преступником». Но разве посмели бы они застрелить его, если бы он был ашкенази, европейским евреем, дельцом черного рынка по фамилии Лейбович или Фейгин? Такова справедливость в полицейском государстве. Судья как только увидит ваше темнокожее лицо, так сразу и влепит вам три года тюрьмы!

Возгласы одобрения то и дело прерывали оратора. Толпа дружно скандировала:

— Полицейское государство! Полицейское государство!

Мне удалось заснять разгон этой демонстрации полицией. «Когда еврей бьет евреев, это некрасиво!» — заявил на следующий день в газетном интервью один из очевидцев уличной баталии.

А когда евреи быют псевреев, это красиво? Впрочем, такой вопрос в Израиле задавать неприлично.

Через несколько дней друзья познакомили меня с оратором, выступавшим во время демонстрации.

— Ицхак Меир,—представился он. А потом в одном маленьком кафе, за столиком с табличкой «Только для арабов», за который мы демонстративно сели, он коротко рассказал мне о своей жизни.

— «Шестидневная война» стала для меня поворотным пунктом,— сказал он.— До этого я был актером, играл в официозных, похожих на передовицы сионистских газет спектаклях и даже получил премию как лучший актер года. Во время событий 1967 года я пошел в армию, чтобы развлекать солдат, петь идиотские песни для поднятия боевого духа и для того, чтобы отвлечь их от реальной жизни. Я пичкал их антиарабскими песнями, вроде «Мы их снова раздавим». Прозрение наступало постепенно. Вначале я почувствовал, насколько далеко от искусства все, что я делал. А когда после войны вышли все эти «альбомы победы» с высокомерными заявлениями «Мы — самые великие!», возникло отвращение.

Вспоминая недавнюю демонстрацию, мы заговорили о сефардах. В частности, об иракских евреях. Об их злоключениях взволнованно говорила на митинге девушка с огромными черными глазами:

— Они повалили в Израиль в 1951 году. Почему именно в 1951 году? Ведь война закончилась в 1949-м? Что всколыхнуло их? Сначала они не хотели выезжать из Ирака. В то время они чувствовали себя в Ираке превосходно. Тогда сионисты оказали на них отчаянное давление, с тем чтобы вынудить их эмигрировать. В синагоге была взорвана бомба. Иракские власти поймали, судили и повесили за этот террористический акт двух израильских агентов. Впоследствии в Израиле признали, что все это было наших рук дело. А один террорист, которого в Ираке приговорили к тюремному заключению за соучастие в этом преступлении, впоследствии стал атташе посольства Израиля в Лондоне... Итак, давление сионистов все усиливалось, иракские евреи чувствовали, что их загоняют в угол. Да тут еще иракские власти объявили о конфискации имущества каждого еврея, который не выедет в Израиль. Я думаю, что было заключено соглашение

между израильским и иракским правительствами (ведь в то время в Багдаде сидели британские марионетки) о том, чтобы таким путем вынудить евреев эмигрировать в Израиль.

— Совершенно верно, — подхватил один из слушателей. — Не секрет, что любой иракский еврей находится в плену двух противоречивых чувств. С одной стороны, он говорит: «Арабы угнетали меня, они меня вышибли из страны». А с другой стороны: «В Ираке была хорошая жизнь. С арабами мы жили как добрые соседи. У меня был большой дом. И свое дело. А теперь посмотрите, кем я стал в стране, где меня угнетают, подвергают дискриминации».

ТРАГЕДИЯ ДЕРЕВЕНЬ ВИРАМ И ИКРИТ

В последний день октября 1948 года израильские части заняли арабскую деревню Бирам, находившуюся у самой ливано-израильской границы. Жители деревни радушно встретили израильских солдат. Они приглашали их в дома, угощали, уступали им свои постели, поскольку думали, что с израильянами-иудеями они смогут жить лучше, чем с арабами-мусульманами. Ведь жители этой деревни (и второй, тогда же оккупированной Израилем соседней деревни Икрит) были христианским меньшинством в окружении мусульманского большинства.

Через две недели младший офицер израильской армии приказал жителям покинуть деревню на две недели. «Для вашей же безопасности, — пояснил он, — поскольку ожидается арабское контрнаступление. В трех километрах отсюда вам предоставляется временное убежище». Не почувствовав никакого подвоха, крестьяне перебрались в деревню Йиш, в трех километрах от Бирама.

Прошла неделя, месяц, год, но крестьянам все еще не разрешали вернуться домой. Тогда они написали об этом премьер-министру. В ответном письме он заверил их, что правительство Израиля и не помышляет о том, чтобы «отобрать у жителей деревню и земли», и что оно «знает их как мирных людей и желает им и дальше жить в мире на земле отцов».

Прошел еще год. Бирамцы обратились в Верховный суд Израиля, который вынес решение в их пользу.

Точнее, в решении суда было указано, что они могут вернуться по домам, если... получают разрешение военных властей.

Разумеется, такого разрешения военные власти не дали.

А 16 сентября 1953 года все дома в деревнях Бирам и Икрит были снесены бульдозерами. Крестьянам предложили денежную компенсацию.

С тех пор они борются за свое право вернуться на принадлежащую им (даже по израильским законам!) землю отцов и дедов.

Вскоре две трети этой земли были отведены под еврейские поселения. Палестинские крестьяне требуют вернуть им хотя бы треть их прежних пашен и садов, чтобы построить там свои дома.

3 августа 1972 года. В кнессете вновь обсуждается жалоба жителей Бирама и Икрита. На лужайке перед входом в здание парламента усиленные наряды полиции, чуть поодаль — толпа демонстрантов. В знак солидарности сюда пришли около сотни сельских жителей из Верхней Галилеи. На их плакатах слова: «Пустите нас домой в Бирам» и «Правительство плюет на наши чувства и права».

Бывшие жители Бирама отвечали на вопросы, что-то доказывали, объясняли, но слушали их лишь случайно оказавшиеся на площади туристы да депутаты левой оппозиции в кнессете, у которых слишком мало голосов, чтобы оказать влияние на принятие решения.

Я и мои друзья отправились в библиотеки на поиски старых книг по истории, чтобы представить доказательства законности требований арабских жителей Бирама и Икрита. Левые партии и группировки в то же время пытались организовать движение солидарности с изгнанными крестьянами.

Съездили мы и на место бывшей деревни Бирам. Теперь там открыт «национальный исторический памятник». На огромном рекламном щите написано: «Развалины синагоги третьего века н. э. отражают высокий уровень религиозной и культурной жизни евреев этого района даже после разрушения храма».

К несчастью для жителей деревни, она находилась в непосредственной близости от этих развалин.

Побывали мы и в нескольких чудом сохранившихся арабских домах Бирама. Бросилось в глаза, что

над этими домами развевались два флага: израильский и другой, принадлежность которого я не определил.

— Это флаг Ватикана, — пояснил хозяин. — Мы ведь христиане-марониты и тесно связаны с католической церковью.

Через несколько дней, просматривая отснятые в Бираме кадры, я услышал сообщение по радио: «Двадцать человек, среди которых один священник, арестованы сегодня утром на месте покинутого селения Бирам после стычек с полицией, вызванной для выдворения сотни арабов, незаконно устроивших сидячую забастовку. Бывшие жители селения грубо нарушили закон. Покушаясь на землю, принадлежащую израильской земельной администрации, они отказались подчиниться официальному приказу очистить эту зону. Восемь демонстрантов и несколько полицейских были ранены. Четырнадцать человек предстанут перед военным трибуналом. Им предъявляется обвинение в оказании сопротивления полиции при исполнении ею служебного долга».

Я бросился на автовокзал. В Бирам я добрался уже к вечеру. Дорога, ведущая к деревне, была запружена народом. У самого въезда в Бирам стояли два бронетранспортера. В них сидели солдаты-пограничники в полном боевом снаряжении. Расчехленные пулеметы были направлены на толпу.

Я заметил в толпе араба, в доме которого мы побывали накануне. Его звали Абу Юсуф.

— Полиция уже разъехалась, — мрачно сказал он. — Совсем недавно их было здесь сотни три.

— Что же все-таки произошло? — спросил я.

— Они говорят, что мы напали на полицию, — усмехнулся Абу Юсуф. — Надо же так лгать. Нас здесь даже не было: все мужчины и женщины находились в поле. В домах оставались лишь дети и старики. Вдруг понаехали бронетранспортеры и окружили наши дома. Здесь были израильские полицейские, друзья из пограничной полиции, даже подразделение наемников-бедуинов. Палками и пинками они стали выгонять людей из домов, требуя, чтобы они покинули деревню. Некоторые подчинились. Другие отказались выходить. Единственным «оружием» крестьян были апельсины. Наш священник бросился с поднятыми вверх руками наперерез полицейским, пытаясь что-то им объяснить.

Представьте, ему 65 лет! Но они подхватили его и пинками погнали из деревни. Один из наших пытался все это сфотографировать. Фотоаппарат у него отняли и раскололи о землю, а самого избили до полусмерти и увезли с собой.

Мы прошлись по улице. Все дома на ней были разрушены.

— Они ворвались даже в церковь,— показал рукой Абу Юсуф,— и сорвали с нее израильский флаг. Израильский! Понимаете вы что-нибудь? Флаг Ватикана не тронули. Но когда кто-то, как иконой, загородил вход в церковь портретом Даяна, портрет этот тоже швырнули на землю и растоптали.

На следующий день пресса единодушно осудила жителей Бирама. Жители должны понять, лицемерно восклицали авторы передовиц, что они не приблизятся к желаемой цели путем насилия и сопротивления служителям закона и порядка. «Глава израильской земельной администрации,— писала 8 августа 1972 года газета «Гаарец»,— испросил у Генерального директора Управления национальных парков и памятников разрешение взорвать уцелевшие постройки в Бираме, чтобы исключить подобный инцидент в будущем. Такое разрешение необходимо, поскольку эта территория входит в компетенцию Управления парков».

Новая демонстрация началась у Яффских ворот, находящихся против Старого города. В руках демонстрантов плакаты: «Икрит — Бирам», «Беженцы на своей родине», «Мира и справедливости», «Если я забуду тебя, Бирам, пусть я лишусь правой руки».

На одной из улиц путь колонне преградила небольшая толпа, сгруппировавшаяся вокруг коротко остриженного человека в черной камилавке. Это — Меир Кахане, «пророк» террористической «Лиги защиты евреев», только что «импортированный» властями из США. Его окружение в основном состояло из молодых американцев: жирные бородатые юноши, длинноволосые, в выпуклых солнечных очках, девицы с тяжелыми подбородками и надменно поджатыми губами. Они тоже несли плакаты, на которых было надарапано: «Мы — за сионизм!», «Долой пораженчество!», «Народ Израиля живет», «Давид — царь Израиля — живет и здравствует!»

Кахане беспрестанно орал в мегафон, подбадривая своих сторонников:

— Не пропустим тех, кто оспаривает у нас право на эту землю! Только мы имеем права на Хеброн, Иерихон, Иерусалим! Будем бдительны! Будем готовы защищать наше историческое право на Палестину!

Конные полицейские выстроились сплошной цепью по обеим сторонам улицы, как на параде. Колонна демонстрантов направилась к резиденции премьер-министра. По пути к ней присоединялись арабы-христиане, арабы-мусульмане, друзья из других деревень Галилеи, представители коммунистов, «черных пантер», левых группировок партий «Мапам» и просто жители города, поддерживавшие крестьян Бирама. Всего в демонстрации участвовало более четырех тысяч человек.

Но сионистские правители Израиля во главе с Голдой Меир не только отказались помочь жителям Бирама, но даже не удосужились выслушать их требования.

РАЗБОЙ В РАФАХЕ

Приближался еврейский Новый год. Продавцы новогодних открыток расставили на улицах Иерусалима свои столики. Это был своеобразный «бенефис» Израиля в картинках: солдаты, танцующие на Западной стене, цветы, голубки, танки, самолеты «Мираж», портреты «вождей нации», поздравления. И всюду звезды Давида и другие иудейские символы, ставшие эмблемами сионизма и Израиля.

Продолжая поиск сюжетов для фильма, я решил встретиться с Гали, моим бывшим одноклассником. Он был студентом четвертого курса, а в свободное от учебы время работал сторожем при университетском компьютере. Когда я рассказал ему о своем замысле, он воскликнул:

— Рафрах! Вот куда тебе надо поехать! И не откладывая!

В Рафахе, на юге Газы, несколько тысяч арабских крестьян были просто согнаны со своих земель, на которых ныне процветали еврейские поселения.

— И не забудь заехать в Диклу! — посоветовал Гали. — Там две новые бензоколонки: в Садоте и в Дикле. Садот — обычный военпзированный сельскохозяй-

зайственный кооператив. А вот Дикла — это поселение «Херута», крайне правых. Я как-то заезжал туда, когда был в армии на переподготовке. И буквально остолбенел: там стоят две гипсовые головы. Одна — Голды Меир, а другая — пророка. Сними их на кинопленку. Они стоят посреди пустыни и смотрят вдаль пустыми глазами. Ничего лучшего ты в жизни еще не снимал.

Я спросил, не видел ли он, как изгоняли арабских крестьян из Рафаха.

— Я все видел, — сказал Гали. — Капитан орал в мегафон: «Вам дается десять минут, чтобы убраться отсюда!» Люди выползали из своих убогих лачуг с матрацами на головах, и бульдозеры тут же сравнивали все с землей. Командир одного танка получил приказ выгнать всех из Рафаха. Так он и вел под жерлом пушки бедуинов с их скарбом, с верблюдами, с детьми на руках и в колясках. А с другой стороны стоял второй танк, командир которого имел приказ никого не выпускать из Рафаха. Офицеры спорили между собой, а бедуины тем временем сидели под дулами двух пушек. Потом танки уехали, а людей просто оставили на дороге.

Я проехался по этим местам с кинокамерой, снимал на пленку поля евреев-землевладельцев, где за кусок хлеба гнут спину арабы, в том числе малые дети. Снимал и добротные дома еврейских колонистов, их сытые, довольные лица. Все они твердили в один голос: их право на эти земли никто не смеет оспаривать.

Поговорить с изгнанными арабами перед камерой нам не дали, Землевладелец попросту выгнал нас, пригрозив арестом и тюрьмой за вторжение на его земли без разрешения военного губернатора.

И все же мне удалось взять интервью у одного палестинца, который не побоялся говорить перед объективом кинокамеры,

Вот часть его горестного повествования,

— Они выгнали нас силой, — сказал этот феллах. — Мы потеряли своих верблюдов, наши сады проутюжены бульдозерами, а бахчи и посевы конфискованы. Нас лишили человеческой жизни. Нам выдают только 8 килограммов хлеба в месяц. У нас просто нет сил сопротивляться, мы погибаем.

Со своей подружкой Майей я ехал в гости к ее родителям, членам еврейской сельскохозяйственной колонии на прибрежной равнине. Меня интересовало использование арабской рабочей силы в еврейских хозяйствах. Это оказалось серьезной социальной проблемой, поскольку с годами, по мере старения первопоселенцев, отнявших у арабов их землю, «еврейский труд» на ней постепенно перестал применяться.

С 1967 года многие арабы с оккупированных территорий стали работать на полях и в домашнем хозяйстве еврейских фермеров. Так же как в Иерусалиме или Яффе, где «биржами труда» служили перекрестки улиц, сельскохозяйственных рабочих неофициально нанимали различные агенты-посредники. Арабские рабочие не имели никаких политических или профсоюзных прав. Чтобы отвести обвинения в применении подневольного труда, сионистские пропагандисты изобрели такой лицемерный тезис: использование труда арабов нельзя называть эксплуатацией, поскольку они-де всего лишь «заменяют евреев», которые без них прекрасно выполняли бы эту работу.

— Мы сами роем себе яму,— желчно заметил седовласый фермер.— Мы превращаемся в плантаторов, живущих чужим трудом. Боюсь я этого.

— Нет, не снимайте меня,— закричал он, увидев, что я поднял камеру.— И ради бога, не цитируйте мои слова... Я просто высказал свое личное мнение.

Но куда мы ни ехали с Майей по сельским дорогам, всюду мы видели только «арабское присутствие» на этой земле. На востоке и западе, на севере и на юге, на полях и в огородах сажали, пололи, собирали и молотили арабы. Целые семьи — мужчины, женщины, молодежь, малые дети. Они работали на тех, кто ехал сюда с сионистскими песнями, в которых были такие слова: «Мы пришли на эту землю, чтобы переделать ее и чтобы она переделала нас» или: «Труд — наша жизнь, наше спасение от всех болезней».

Повсюду, даже в черте самих еврейских колоний, мы встречали арабские семьи, ютившиеся под крошечными навесами или в хижинах позади коттеджей еврейских фермеров. Однажды, когда я попытался заснять арабскую лачугу из ржавого гофрированного

железа, меня чуть не избил хозяин фермы — темпокожий плешивый сефард.

— Убирайся с моей земли! — орал он на меня. — Я тебе покажу, как тут снимать. Знаю я вас, сукины дети. Вам бы только показать это по телевидению и заявить, что я эксплуатирую арабов. Дай сюда. — Он начал отнимать у меня кинокамеру. — Дай, а то я пришибу тебя насмерть! Сейчас собак спущу!

Выскочила его жена и с трудом оттащила его в сторону.

— Еще раз увижу, что ты крутишься здесь и выпихиваешь, пристрелю как собаку, — кричал он мне вслед.

ТАМ, ГДЕ ОТНЯТО ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Работа над фильмом приближалась к концу, но некоторые темы все еще оставались нераскрытыми. Мне предстояло доснять кое-какие кадры на оккупированном Западном берегу. Наш выезд туда совпал с днем религиозного праздника «йом кипур». Мой добровольный помощник, шофер Гад, за которым увязалась его подружка, долго отказывался выезжать в тот день, опасаясь мести религиозных фанатиков. Но именно в тот день была свободна машина, которой мне разрешили воспользоваться. В конце концов я убедил его рискнуть.

Уже при повороте на магистраль, ведущую к Тель-Авиву, мы столкнулись с первым препятствием: вся дорога была усыпана битым стеклом.

— Я предупреждал, что удачи нам сегодня не будет, — сказал Гад. — Такие сюрпризы ожидают нас у каждого перекрестка.

Так в Израиле отучают безбожников ездить по заповедным субботам и праздникам.

У въезда в Рамлю под колесами вновь захрустело битое стекло.

— Откуда в Рамле появились ультраортодоксальные фанатики? — удивился я. — Их ведь тут никогда не было.

— Нет, конечно, — спокойно ответил Гад. — Это евреи из Бнай-Брака, они были здесь ночью.

— Но ведь пешком из Бнай-Брака сюда и за ночь не доберешься?

— Конечно, нет,— подтвердил Гад.— Они приезжают сюда на машинах.

Мы притормозили у пограничного шлагбаума. Впереди на Западном берегу лежал бывший арабский город Калькилия. В 1967 году ворвавшиеся в город израильские танки своими гусеницами практически стерли его с лица земли. Этот варварский акт вызвал столь резкое международное осуждение, что власти (пожалуй, единственный раз за всю историю) вынуждены были отменить приказ о разрушении города, а позднее даже провели здесь восстановительные работы.

Дальше на нашем пути лежал Наблус. Мы увидели убогие, тесные, как спичечные коробки, хижины лагеря беженцев. Снимать этих обездоленных людей мы не рискнули.

Наконец показалась деревня Акрабе — конечная цель нашего путешествия. Арабские крестьяне, сидевшие на корточках на центральной площади, застенчивы и немногословны. Некоторые после долгих уговоров согласились рассказать о своей жизни.

— Нами всегда управляли иноземцы,— сказал мне один из феллахов.— Но все, что было раньше, и сравнить нельзя с тем, что происходит сейчас. Тогда было угнетение, империализм... Сейчас — оккупация. Тогда мы не были нищими. Нас все же кормила наша земля. А теперь нам не на что жить. Я нищий, все мы нищие. Там, где мы сейчас ютимся, нет деревьев, нет воды. Земля здесь суха, как кость. И животные наши не находят еды и гибнут...

Феллах докурил сигарету, помолчал, потом продолжил:

— Вместе с землей оккупанты отняли у нас и право на жизнь. Здесь, где нам позволили поселиться временно, без всяких прав, мы ковыряем клочки твердой как камень земли. Сажаем хлеб, кукурузу, кое-какие овощи. Но, когда урожай созревает, оккупанты приходят и сжигают его. Как же, спрашивается, нам кормить детей? Оккупантам плевать на это. Им нужно, чтобы мы сдохли, исчезли с этой земли. Мы жили под турками, под британским мандатом... трудно жили, но жили. Но оккупанты нам не дают жить...

На обратном пути у старой пограничной заставы на «зеленой линии» стояли два армейских джипа. Нас не пропускали.

— У меня приказ,— бесстрастно разъяснил начальник караула,— не пропускать через «зеленую линию» автомашины до 7 часов 30 минут. Полный запрет до конца поста.

Мы не стали ждать два с лишним часа и поехали кружным путем по проселкам. В еврейское государство Израиль мы въехали через «черный ход», как делали когда-то еврейские эмигранты, незаконно проникавшие в Палестину. Через «зеленую линию» мы проскочили по размокшей, считающейся непроезжей дороге, где не было даже захудалого пограничного поста...

Конечной частью моей работы были съемки ритуала посвящения в солдаты. Я выбрал парашютистов, проводивших эту церемонию у Стены плача. Там мы не встретили никаких осложнений: израильская армия не упускает никакой возможности сделать себе рекламу.

* * *

Чем же по-настоящему дорога мне «обетованная» и «обретенная» земля? Ведь не теми же «святыми местами», о которых мечтало поколение моего отца. Взять, например, «Стену плача». Ни одна струна моей души не отзывалась на прикосновение к ней.

Тогда, может быть, этими шедеврами националистической фашистской индустрии туризма, нашим собственным «Диснейлендом» для экзальтированных дам из сионистско-масонского ордена «Хадасса», охотно карабкающихся по безвкусным бетонным глыбам сионистских «мемориалов»?

Или, может быть, она дорога мне эксгумированными реликвиями, добытыми из древних могил в доказательство того, что земля более важна, чем народ, который живет на ней?

Нет, никаких эмоций у меня не вызывают и они. Земля эта дорога мне только людьми, которых я знаю и люблю! Мириам, Израэль, другие, И еще мои родители.

Я не создан для того, чтобы быть расистом, оккупантом, фашистом, угнетателем. Поэтому я выступаю против сионизма.

Снова аэропорт Лодд. Вновь на меня бросают подозрительные взгляды из-за стола проверки паспортов («Израильтянин, который позволяет себе ехать за границу в такое время, должен быть или преступником, или дезертиром»). Потом я прошел через турникеты и вышел из-под плаката «Добро пожаловать в Израиль!» на летное поле.

Твои глаза сияют зеленым светом,
Твои глаза как два изумруда.
Мое сердце жаждет минуты молчания,
Поэтому я уйду далеко.

С момента моего окончательного бегства из Израиля в 1972 году произошло немало событий. В октябре 1973 года разразилась война. Многих она заставила задуматься, многие прозрели в ней. С той поры стали массовыми демонстрации за мир сегодня, за мир любой ценой. Спасение от этого роста оппозиции сионизм увидел в передаче власти и всех средств подавления в руки откровенных фашистов из блока «Ликуд», возглавляемого бывшим террористом Менахемом Бегинном. Таким образом, форма правления пришла в полное соответствие с содержанием политики сионистского государства.

С тех пор я несколько раз наведывался в Израиль. В 1975 году приехал туда с законченным фильмом. Я рассчитывал устроить закрытый просмотр в университете Хайфы. Но в самый последний момент премьеру сорвали. Израильская пресса сообщила читателям, что мой фильм был якобы выпущен Организацией освобождения Палестины. Такое клеймо в Израиле стоит на втором месте после обвинения в сотрудничестве с нацистами. После этого фильму был объявлен бойкот.

Жители Бирама и Икрита все еще ждут, когда им позволят вернуться домой. А по всем арабским селениям и кварталам продолжают бесконечные обыски, аресты, конфискации, высылки.

Многие израильтяне бегут за границу. Другим некуда и не на что бежать. И они, хотя и медленно, но начинают осознавать, что их надеждам на счастливое будущее угрожает в первую очередь сионизм.

МОИ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ В ИЗРАИЛЕ

Я француз по рождению и воспитанию, католик по вероисповеданию и либерал по политическим убеждениям. Родился в период гитлеровской оккупации Франции 5 апреля 1944 года. Мать моя происходила из семьи родовой земельной аристократии. В 1943 году в Безье, где жила семья матери, поселилась семья Грундманов, бежавшая на так называемую «свободную территорию» Франции от гитлеровского нашествия. Это и была семья моего отца. В 1943 году мои родители поженились.

К моменту немецкого вторжения в «свободную зону» обе семьи находились в Безье. Перед приходом немцев все члены семьи Грундманов, кроме моей матери, переехали в маленькую горную деревушку, где они чувствовали себя в большей безопасности.

В этой деревушке мой отец познакомился с лейтенантом Дюмоном, руководителем отряда маки. А 21 апреля 1944 года, вскоре после моего рождения, Дюмон дал моему отцу задание, связанное с заходом в Безье. Как я понимаю теперь, моему отцу просто предоставили возможность обнять жену и взглянуть на новорожденного сына.

В 10 часов утра того же дня моей матери и бабушке была назначена встреча с отцом у входа в местный театр. Но вместо него на свидание прибежал его крайне взволнованный друг и сообщил, что отца только что арестовали три француз, работающие в гестапо.

Бабушка отвела домой мою мать, а сама рискнула — это было крайне опасно в те времена — отправиться на розыски зятя. Она побывала в жандармерии и комендатуре, но там ей со смехом порекомендовали обратиться за справками в гестапо. Это невероятно, но она пошла туда на следующее утро.

В гестапо она увидела тех людей, которые арестовали моего отца. Они оскорбляли ее, угрожали ей и ее дочери, а в конце поставили все точки над «і»: «Он — еврей, разве вам этого не достаточно?»

Но моей упрямой и бесстрашной бабушке этого было недостаточно. Из гестаповского переводчика, поляка по происхождению, она вытянула кое-какие сведения об отце. Оказалось, что его отправили в зону оккупации, где была оборудована пересыльная тюрьма.

Она тотчас отправилась туда и за оградой казармы-тюрьмы увидела отца, который крикнул ей, чтобы она скорее уходила.

Дальше, по данным бабушки, отца отправили в Монпелье, потом — в Дранси.

Некоторое время спустя какой-то незнакомец постучался в наш дом и передал клочок бумаги, на котором рукой отца было надарапано: «Нас везут из Дранси в Германию. Мы будем работать в ведомстве Тодда».

После войны нам удалось выяснить, что отец был узником Освенцима, затем его отправили на соляные шахты под Каунасом. Заключенных там опускали в забой на 48 часов, оставляя без воды и пищи.

Когда лагерь был освобожден Красной Армией, мой отец не был вывезен оттуда первым эшеломом из-за крайнего истощения. Вместе с двадцатью другими нетранспортабельными узниками он был оставлен в бараках под охраной нескольких русских солдат. Однако ночью на лагерь совершили налет эсэсовцы. Они перебили солдат и больных, а бараки сожгли. Все погибли.

С родственниками отца связь у нас так и не восстановилась. Но его трагическая судьба предопределила мой интерес к еврейской проблеме и чувствительность к сионистской пропаганде. Тем более, что сионисты во Франции используют все средства массовой информации, кино, театр, литературу.

Благодаря этой постоянной психологической обработке, объектом которой любой француз становится с момента своего рождения, для меня трагедия европейских народов, которых гитлеровцы обрекли на уничтожение в лагерях смерти или на вымирание под игом оккупации, свелась к тому, что сейчас получило

название «холокауст» — «всеобщее уничтожение евреев». Сионисты заставили и меня поверить в то, что во второй мировой войне сионизм победил нацизм, что евреи были главной жертвой нацистов, а Израиль — пристанищем евреев, спасенных сионизмом от гитлеровского «холокауста».

С детства я симпатизировал Израилю, а когда вырос, то стал активистом «Общества друзей Израиля», мечтая переселиться туда, изучить иврит и таким образом лучше узнать израильтян, чтобы жить одной с ними жизнью. Такой случай предоставился мне осенью 1973 года.

Как всегда в период подготовки агрессий Израиля против арабских стран, сионистские организации во Франции и других странах начали вербовку рабочей силы, способной заменить на производстве мобилизованных израильтян. Причем на «трудовой фронт» в сельское хозяйство, куда евреи идут крайне неохотно, наемную рабочую силу отбирали не очень пристрастно: туда попадали и неевреи.

Мне удалось договориться с Еврейским агентством о чрезвычайно выгодных для меня условиях поездки в Израиль. Формально я получил визу туриста. Но на деле мне обещали возможность поселиться и работать на какой-нибудь израильской ферме, хозяин или работник которой был призван в армию.

Октябрьская война 1973 года чрезвычайно упростила и ускорила оформление документов. И хотя к моему приезду в Израиль она уже закончилась, солдаты оставались в своих частях, демобилизацией еще и не пахло и нужда в рабочих руках ощущалась повсюду.

Сойдя с самолета в аэропорту Лодд, я готов был целовать землю «обретенной родины», в каждом встречном израильтянине видел чуть ли не брата. Скоро, однако, столкнувшись с равнодушной ко всему и всем публикой Тель-Авива, я распростился с этой восторженной наивностью. А цены за номера в гостиницах, где я пытался устроиться на ночлег, повергли меня в отчаяние.

В городе меня поразило обилие продавцов. Казалось, здесь все и повсюду торгуют. От лотков и рас-

стеленных на земле платков, заваленных всяким ба-
рахлом, на тротуарах не было свободного места.

Мой растерянный вид бросился в глаза какому-то европейцу в джинсах и рубашке с короткими рукава-
ми. На мое счастье, это был француз. Он настолько
обрадовался встрече с земляком, что вызвался прово-
дить меня до фермы, на которую меня распределили.
По дороге он поведал мне свою историю.

Бывший воспитанник католической семинарии,
Шарль — так звали моего нового знакомого — принял
иудаизм. Он сказал, что его увлек «миф о богоизбран-
ном народе». Ему тоже захотелось приобщиться к
элите, призванной господствовать над человечеством.
И еще ему импонировала способность евреев приспо-
сабливаться к любым обстоятельствам. Это выражено
в талмудической истине: «Поставь еврея на камень —
он и в него пустит корень».

Шарль откровенно посмеивался над своей прежней
глупостью и не скрывал своего скептического отноше-
ния к мнимой гуманности израильтян. Я было запротес-
товал, но он расхохотался мне в лицо:

— Поживешь — увидишь.

Я узнал также, что он женат на еврейке. У них
сын. Но когда здесь запахло порохом, он отправил
семью во Францию, к своим родителям.

Узнав, что я не чистокровный еврей, он вдруг по-
серьезнел.

— Никому об этом не говори, если, конечно, ты и
вправду настолько глуп, что хочешь застрять здесь
навек. Как я это сделал. Неврею в Израиле делать
нечего.

Шарль хорошо знал семью, в которой я должен
был работать. Они иммигрировали из Польши. Он же
дал мне первые сведения об организационной струк-
туре еврейского сельскохозяйственного поселения, где
находилась ферма моего будущего хозяина Иосифа.
Называется оно мошав. В нем имеются коллективные
плантации и небольшие предприятия, а также частные
фермы.

Я начал работать на ферме батраком. Моей обяза-
тельностью было чистить коровники, доить коров, ухажи-
вать за индюками, отрабатывать барщину на полях
мошава, доставлять хозяйственные грузы. И все это —
только за право стать «рядовым израильтянином».

Один из первых вопросов, который мне задала жена хозяина, Шошана: еврей ли я. Бросив многозначительный взгляд на Шарля, я без колебания ответил «да». У всех вызвало недоумение мое имя — Кристиан, несовместимое с иудаизмом. А впоследствии моя «приемная семья» по любому поводу проверяла, знаю ли я иудаистский ритуал, и убеждалась, что я в этих вопросах полнейший профан. Всякий раз, когда я в очередной раз попадал впросак, мне вновь задавали один и тот же вопрос:

— Простите, но еврей ли вы?

Постепенно я выработал шаблонный ответ на этот вопрос. «Да, я еврей по происхождению. Но я родился в период немецкой оккупации, и, чтобы скрыть мое происхождение, мне дали имя Кристиан. Более того, мои родители даже приняли католичество. Но это не спасло моего бедного отца от концлагеря. Моя мать вынуждена была сохранять верность новой религии, спасая свою и мою жизнь, а поэтому у нас в доме не следовали иудейским канонам. Тем не менее я являюсь евреем и по закону, и в душе».

Но чаще всего эти слова наталкивались на вежливые, но недоверчивые улыбки. Я чувствовал, что мне не верят. Истинность моих слов постоянно проверялась в разговорах с моими новыми знакомыми.

Мои хозяева часто ходили в гости к соседям. При чем мы бывали только в домах, где говорили по-французски и где к столу подавали вино, подогревавшее во мне радость общения на родном языке и создававшее обстановку непринужденности. Когда же я размякал и утрачивал бдительность, мне неожиданно задавали вопрос:

— Вы еврей?

— Да,— продолжал я заученную роль, ощущая всем существом, что мне не верят.

— А ваша мать еврейка?

— Конечно,— без запинки отвечал я, помня слова израильского «Закона о возвращении» о том, что «евреем является тот, кто рожден матерью-еврейкой».

Между тем среди друзей, которым представляла меня «приемная семья», все чаще встречались французские еврей-иммигранты. Они под предлогом поисков общих знакомых выжимали из меня сведения о моих родственниках. Один из них, Алэн, как-то за-

явил, что «Израиль — земля евреев». Его интересовало, как яотреагирую на эти слова.

— Но ведь есть здесь и палестинцы,— робко заметил я.

— Да, это, конечно, проблема. Нам, евреям, приходится рассчитывать только на иммиграцию, чтобы компенсировать чрезмерную плодовитость арабов.

Этот Алэн, торговец, вывезший из Франции немалое состояние, вовлек меня в разговор на еще одну опасную тему. Поддержанный другими гостями, он обрушил поток грубых и оскорбительных насмешек на немцев, французов, англичан, американцев.

— Подумать только,— воскликнул он.— Все они только на то и годятся, чтобы мы их «стригли» и «доили». Пока они работают на нас и позволяют грабить себя, Израиль никогда не окажется в тяжелом положении. Их тупость оплатит любые издержки на строительство Великого Израиля от Нила до Евфрата!

Как-то я пожаловался Алэну, что не наедаюсь в семье.

— Я тоже,— ответил он.— Здесь, в деревне, едят куда меньше, чем наши крестьяне.

— Это что,— спросил я, рассчитывая на откровенность земляка,— совершенство натуры? Особая способность израильтян? Мало есть и много работать, мало тратить и много зарабатывать?

— Ты что?— изумился он моей наивности.— Тратят они как раз не мало. И экономят только на батраках... Просто здесь все чертовски дорого. Все стоит в среднем раза в три дороже, чем в Европе.

— А почему?

— Налоги. И таможенные пошлины тоже. Налогообложение в Израиле совершенно немыслимое! — воскликнул Алэн.— Впрочем, ты же понимаешь: военная промышленность. Об этом не надо забывать. А ведь и в таких условиях израильтянам хочется жить с комфортом...

— И как же они совмещают комфорт с милитаризацией?

Мне это действительно было непонятно.

— Они просто тянут отовсюду деньги. С Западной Германии — военные репарации за обиды, нанесенные евреям нацистами, с Франции, Англии и США Еврейское агентство гребет капиталы, пользуясь

организованностью евреев этих стран и их господствующим положением в экономике.

— Значит,— сделал я вывод,— в этом и проявляется невиданный и неслыханный еврейский финансовый гений?

— А что делать? — развел он руками.— И конечно, хорошее подспорье — индустрия преступлений: контрабанда, вывоз ценностей, доходы мафии... И несмотря на все это, ореол святости, которым Израиль пытается окружать себя в глазах мира. Вот что значит изобретательная и эффективная пропаганда. Мы не зря скупили всю прессу мира, эти расходы давно окупились с лихвой. Ты же сам попался на эту удочку: идиллический образ Израиля и израильтян — честных, трудолюбивых, храбрых... А о том, как делаются деньги, на которые Израиль существует, знают немногие. Евреи умеют поплакаться о своей трудной жизни и выплакать себе деньги или льготы.

Но тут, словно испугавшись своей откровенности, Алэн резко закончил разговор:

— Впрочем, не следует говорить об этом ни с кем... Да и нам хватит болтать.

Он криво улыбнулся.

Некоторое время спустя, отправляясь в гости со своими хозяевами, я мог заранее предсказать, что там обязательно заговорят о глупости окружающих нас народов, которых израильтяне дурачат, как им вздумается. Иногда евреи из Марокко и других бывших французских колоний в арабском мире начинали сетовать на то, что французы вконец обнаглели, стали невыносимыми. Любой разговор, как правило, завершался славословиями в адрес всемогущих американских евреев.

— Для еврейской воли больше нет препятствий! — восторженно восклицал какой-нибудь экзальтированный энтузиаст.— Израиль прямо или косвенно влияет на решение главных мировых проблем.

Я научился достаточно владеть собой, чтобы мои собеседники не чувствовали, что такие слова оскорбляют меня. Но я заметил, что провоцировало друзей моих хозяев на подобные тирады мое имя. В конце концов я начал хлопотать о его перемене. Полностью сменить его мне не разрешили, но позволили добавить

к имени Кристиан второе, нейтральное для иудейских ортодоксов имя Анри.

Однообразная и очень скудная пища, которая предлагалась батраку в «моей» семье, скоро стала для меня совершенно недостаточной. Я был постоянно голоден, во время работы перед глазами плыли зеленые круги.

Постепенно я познакомился со многими волонтерами, работавшими в мошаве. Оказалось, что здесь перед ними регулярно выступают лекторы с докладами о международном и внутреннем положении Израиля и, конечно же, об успехах международного сионизма. Собирали их в клубе, туда же приглашались фермеры.

Мое сионистское образование началось с лекции об экономике Израиля. Докладчик привел некоторые статистические данные, дал общий успокоительный анализ экономической ситуации. Потом перешел к анекдотам, которые высмеивали мировых политических деятелей, неприязненно относившихся к сионизму и Израилю.

Я был уже достаточно подготовлен к тому, чтобы не верить ни одному слову, ни одной цифре. В Израиле подтасовка любых данных доведена до совершенства. Правду — никакую и ни по какому поводу — узнать в этой стране нельзя. Но мой сосед, английский еврей-волонтер, с восторженным видом строчил заметки в своем блокноте по ходу лекции. А потом задал вопрос, который шокировал и лектора, и аудиторию.

— Почему Израиль отказывается вести переговоры с палестинскими партизанами?

Лектор откашлялся и начал громить палестинцев, называя их бандитами и террористами. Он заявил, что никогда правительство Израиля не опустится до встречи с убийцами и преступниками, которые хотят отнять у евреев их историческую родину.

— Словом, — закончил он свою патетическую тираду, — Израиль может уделить палестинцам немного места... во-первых, в тюрьме... Во-вторых, на кладбище!

Аплодисменты заглушили эти слова лектора.

В программу сионистского воспитания иностранных евреев-волонтеров, работавших в сельском хозяйстве, входил трехдневный семинар в Иерусалиме и экскурсия в порт Эйлат.

На семинаре нам читали лекции о богоизбранности евреев, разучивали с нами иудаистские псалмы и традиционные еврейские песни. Во время поездок в автобусе с нами всегда оказывался шустрый и суетливый дирижер, под управлением которого мы пели эти песни и псалмы.

В Иерусалиме волонтерам показали все святыни иудаизма, памятники истории колонизации Палестины, монументы в честь сионизма и мемориалы его вождей.

В одной компании, куда меня привели мои хозяева, я оказался свидетелем горячей дискуссии о том, как быстрее и надежнее уничтожить всех палестинцев. Я попытался перевести разговор на другую тему. Вспоминал об ужасах второй мировой войны. Одна из гостей, еврейка из Туниса, рассказала, как к ней в дом (она жила тогда во Франции) ворвались прочесывавшие квартал гестаповцы с револьверами в руках.

— Я обхватила руками своего Якоба, прижала к себе, закрыла глаза и стала ждать выстрела. Но они ушли. Может быть, по неопытности, приняли меня за арабку.

Ее рассказ взволновал всех.

— Но почему все-таки нас? — воскликнул кто-то.

— Гитлер, — неосторожно проявил я свою эрудицию, — считал евреев паразитическим племенем, которое грызло плоть германской нации. Поэтому решил искоренить их любыми доступными ему средствами.

Холодное, враждебное молчание было ответом на мои слова. Чтобы разрядить обстановку, я в который раз стал рассказывать о гибели моего отца в фашистском концлагере, горячо одобрил заявление одного из гостей, марокканского еврея, о том, что «рождение Израиля было выражением божественной воли».

И все равно больше в этот дом меня не приглашали...

Сейчас в моей голове все стало на свои места: когда произносится слово «сионизм», я слышу слово «нацизм». В Израиле на каждом шагу сталкиваешься со звездой Давида. Ею так или иначе отмечен каждый «добропорядочный» израильтянин. Звезду Давида можно увидеть в виде значка или украшения, на жепских кольцах и серьгах, ревностные сионисты нашивают ее на куртки и пиджаки. Этот шестигранник

повторяется многократно и в разных вариациях в световой рекламе, на вшнётках печатных изданий и почтовых открытках, на конфетных обертках, плакатах и орнаментах.

Сначала это меня смешило как свидетельство неумеренного религиозного рвення. Потом надоело и стало раздражать и, наконец, испугало — я вдруг понял жуткий смысл воспитания фанатической преданности идеям сионизма. Поневоле вспомнились ритуальные значки с изображением Гитлера у населения довоенной Германии.

Когда вернулся из армии мой хозяин, меня отпустили с миром, но без денег. Связавшись с уполномоченным Еврейского агентства, я выяснил, что мне предстоит переселиться в кибуц — военизированное поселение, символом которого в Израиле является то ли солдат с плугом, то ли вооруженный автомат «узи» землепашец.

Въезд в кибуц преграждал шлагбаум, где размыкалось сплошное, в несколько рядов, кольцо колючей проволоки, которой было обнесено селение. Обитателям кибуца строго предписывалось не выходить с наступлением темноты из дома. Патрули стреляли без предупреждения. Позднее я познакомился с домами поселенцев. Стены поразили меня своей толщиной: никак не меньше метра. Для чего?

— Если арабы нападут,— пояснил один из колонистов,— им трудно будет выкурить меня отсюда. Пули и снаряды мне здесь не страшны.

Потом я увидел бассейн, в котором дети купались под охраной здоровенного детины с автоматом в руках.

В кибуце я почти каждый день слышал автоматную стрельбу. Это «мирные земледельцы» проходили обязательную тренировку в стрельбе по мишеням, избравшим, конечно же, палестинцев.

Мои новые приятели сразу же посоветовали мне не выражать удивления по поводу нравов и обычаев кибуца: здесь сняты какие бы то ни было запреты и ограничения на «любовь» — кибуц усыновляет всех детей, рожденных его женщинами вне брака, и воспитывает их в детском саду вместе с законнорожденными. Дети здесь — собственность коллектива, так же как домашний скот.

В кибуце меня определили в так называемый «ульпан» — сионистскую трудовую школу. Четыре часа в день меня, как и других иностранцев-волонтеров, обучали ивриту, а за это я должен был батрачить на полях и фермах кибуца другие 4 часа. Здесь уже меня звали Анри.

Нас разместили в здании гостиничного типа. В отведенной мне комнате я оказался третьим. Одним из моих соседей был еврей-волонтер из Туниса, другим — чилийский «революционер», приговоренный, по его словам, к смерти на родине, но нашедший убежище в «обетованной земле».

Кибуцимы держались от нас, новобранцев, на расстоянии. Иностранцы, еще не говорившие на иврите, были для них двуногим скотом, научившимся кормить и доить четвероногий скот и убирать за ним навоз. В столовой нам не разрешали садиться за стол с местными, давали «облегченный» вариант меню. Достаточно было мне сесть в клубе за пианино, по которому я очень соскучился, как мне тут же сделали замечание, ведь на нем учились играть дети кибуцимов.

Я поделился своими недоумениями со старожилками школы.

— Увы,— ответила мне девушка, которую звали Анита,— здесь нас скорее терпят, чем любят. Нас терпят для поддержания мифа о еврейской солидарности. Ведь они нуждаются в деньгах, которые евреи добывают для Израиля в странах диаспоры, а также в импортной рабочей силе и пушечном мясе. Увы,— еще раз повторила она.— У меня уже не осталось иллюзий на этот счет. Если бы они могли, они и от нас отгородились бы колючей проволокой.

Однажды вечером я отправился на танцы. Вход и лестница в подвал были освещены цветными лампочками, бетонные стены зала расписаны смешными рисунками. По потолку тянулись гирлянды зеленых, красных и желтых лампочек. Проигрыватель-автомат, усилитель, колонки динамиков, этажерка с пластинками.

В зале вдоль стен расположились патлатые и бородатые молодые люди. Несколько девиц в джинсах и расстегнутых до предела рубашках дергались в центре зала. В углу стояли на полу несколько дюжин бутылок с алкоголем. Время от времени одну из них от-

купоривали и пускали по кругу. Так же, по кругу, передавались сигареты, от которых тянулся тошнотворно сладкий дымок гашиша.

Ульпанисты прибывали группами — по языкам, странам и континентам, что называется, землячествами. Многие сидели прямо на полу. Бутылки уже не переходили из рук в руки: у каждого парня и девицы была теперь своя. Курильщиков гашиша я наблюдал впервые. А впоследствии убедился, что в Израиле его курят многие школьники, студенты и солдаты.

Гашишный дым отравил воздух в зале. Все виделось мне в каком-то тумане. За плотной пеленой дыма подергивались танцоры, по лицам их струился пот, взмокшие рубашки облепили тела. А мне чудилось, что они плывут в бело-голубой реке. Потом поплыли и стены...

Все это называлось «жить свободной и полнокровной жизнью». Такую мысль постоянно внушали американцам и аргентинцам, шведам и англичанам, американцам и индусам, обучавшимся в нашем ульпане. Я заметил, что на политзанятиях апологеты «израильского образа жизни» охотно слушали и даже конспектировали лекции сионистских пропагандистов, занимавшихся воспитанием в нас «еврейского самосознания».

— Израиль нуждается не только в деньгах, но и в людях, — внушал нам на очередном занятии директор школы. — Мы надеемся, что некоторые из вас останутся здесь навсегда. Долг каждого еврея, где бы он ни жил, помогать Израилю. И высшая форма такой помощи — переселение в Израиль. Переселенцев ждет тоскующая по хозяйским рукам плодородная земля Палестины. Их ждет наша промышленность, нуждающаяся в квалифицированных руках и сером веществе. Наконец, они нужны армии Израиля! Все мы должны гордиться своей принадлежностью к еврейству. Мы давно уже не скрываем наше истинное лицо и наши цели. В Европе, США, в других странах евреи требуют, а кое-где уже добились права жить как евреи, как избранный и любимый богом народ. Мир восхищен израильским Давидом, повергшим на землю арабского Голиафа. Наши подвиги выводят из себя наших врагов. Но мы доберемся и до них, мы уже подбираемся к их глоткам. И это результат того,

что все евреи мира действуют в единстве, что на всех нас лежит печать исключительности, что каждый еврей готов принести себя в жертву делу строительства Третьего Храма Соломона, из которого мы будем управлять всем миром. Этот час уже недалек. И долг каждого еврея — приблизить его. Мы принимаем с радостью у себя и неевреев, такие есть и среди вас. Но лишь при одном условии: они должны помогать нам в осуществлении божественного предначертания. В мире у нас миллионы таких друзей и союзников, на которых после свершения высшей воли также падет свет божественного провидения.

Директор ульпана сам распалялся от своих речей. Рыжеватый блондин с коротко остриженными волосами, в строгом костюме, он был очень похож на протестантского пастыря. Но только призывал он свою многоязыкую паству отнюдь не ко всеобщей любви, смирению и покаянию. Нет, его речи задевали шовинистические струны в душах «избранных бога», призывали их к новым войнам для достижения господства над всеми народами и странами земли.

Позднее я стал понимать, в чем заключается суть арабо-израильского конфликта. Его причина — в отказе сионистов признать право палестинского народа на существование. Находясь в Израиле, я со временем более точно и более жестко сформулировал антипалестинскую позицию сионизма: это физическое уничтожение палестинских арабов, то есть геноцид. Изгнание арабов с земель, попавших под юрисдикцию израильских властей или оккупационной администрации, — лишь одна сторона этой преступной политики.

Возьмем для примера «мирного» палестинца. Представим даже, что он чуть ли не миллионер, готовый подчиняться любым израильским законам. Если даже израильские власти не депортируют его из страны или не бросят в тюрьму, конец у него будет тот же — исчезновение. Как правило, в Израиле ему выдается удостоверение личности, где указано, что он — «мусульманин». И как бы высоки ни были его умственные способности, для него навсегда закрыт путь к административной карьере. Если даже он объявит себя атеистом, ему в удостоверении сделают отметку «араб», что создает непреодолимый барьер между ним и еврейским населением. Если этот палестинец не

захочет раствориться в массе бесправных арабов, которых израильтяне откровенно называют заложниками на случай большой войны с арабским миром, то у него один путь — перейти в иудаизм. Конечно, при условии, что раввины соизволят принять от него такую жертву, а сам он согласится признать евреев «богоизбранным народом», а всех неевреев, включая свой народ, — неполноценными...

При очередном переселении в общежитии моими соседями по комнате оказались два американца.

С одним из них, Марком, я более или менее подружился. Он происходил из многодетной американско-еврейской семьи. Мать его была настолько «нашпигована» иудейскими догмами, что все восемь ее детей буквально были от тоски. Скромные доходы семьи позволили только Марку, да и то с помощью американских сионистских организаций, побывать в Израиле и выучиться здесь ивриту.

У этого паренька, казалось, не было неразрешимых проблем. Ему не надо было изучать душу, характер, особенности израильтян: все, чем живет любая семья в Израиле, он впитал в себя с молоком матери. Существование Израиля представлялось ему столь же естественным, как и существование Соединенных Штатов.

Притязания арабов на Палестину, по его мнению, были так же абсурдны, как недовольство индейцев конституцией США. Любую агрессию Израиля против арабских соседей он считал столь же справедливой, как ответ США на удар Японии по Пирл-Харбору. Даже применение Израилем атомной бомбы против арабов или других врагов сионизма, наверное, не шокировало бы его. Для полного счастья, считал он, следовало бы на американский флаг поместить шестиконечную звезду Давида, силуэт которой уже красуется в американском гербе. Однажды он совершенно серьезно заявил, что США — еврейское государство, а Нью-Йорк — еврейская столица США и всего мира.

Оба моих соседа-американца мечтали об одном — совершить в Израиле подвиг: поймать, а еще лучше убить палестинского террориста, тем самым предотвратить нападение на кибуц; попасть на первую полосу газеты «Джерузалем пост» или «Нью-Йорк таймс». И тогда их карьера в США была бы обеспечена!

Иврит нам преподавала весьма забавная особа. Жительница этого же кибуца, она знала все его тайны, интриги и сплетни. Ее любимым занятием было рассказывать нам о своем гениальном сыне и его успехах в Иерусалиме. Свободно владея шестью языками, она нередко выступала посредницей в особо сложных конфликтах между слушателями школы. На уроках она взахлеб рассказывала о «героической» истории сионистской колонизации Палестины. Она была одной из первопоселенок кибуца и с гордостью поведала нам о том, как отряд колонистов частью уничтожил, а частью изгнал палестинцев из деревни. Как потом с помощью регулярной армии и групп террористов они защищали кибуц от посягательств «арабских бандитов и убийц» — тех же феллахов, которых они выгнали и которые взялись за оружие, чтобы вернуть отнятую у них землю.

Оказывается, агрессию и грабеж тоже можно воспринимать в романтическом ореоле!

Свое сионистское «образование» я продолжил в школе при кибуце в Кфар-Руппине. Днем мы занимались ивритом, работали, вечерами курили гашиш, дулись в карты, пели под гитару и пили виски. На уроках иврита расхваливалась боеспособность израильской армии. Бомбардировки палестинских мирных лагерей?! Нет, нам читали тексты, из которых следовало, что израильские летчики — самые меткие в мире. Они бросают свои бомбы на лагеря так, что взлетают к небу только палатки, в которых засели террористы. И ни один осколок не попадает в соседние жилища!

Израиль — идиллическая страна мечтателей и гуманистов! Благородный Давид против арабского Голиафа!

В конце концов я сбежал из этой школы, где царил откровенно расистский дух.

В поисках работы я набрел на вакантное место в одной гостинице Содомы и был нанят. Но прошел первый день получки, второй, а мне не платили никакого жалованья. Я явился за разъяснениями к хозяину. Тот расхохотался мне в лицо:

— Будь доволен тем, что тебя кормят. И не вздумай идти жаловаться в суд.

В Еврейском агентстве мне предложили должность швейцара в отеле, но в трех часах езды от дома.

Я отказался и поступил на химический завод. Однако вонь в цехах и мизерная зарплата заставили меня уйти.

При устройстве на работу мне, как правило, приходилось отвечать на такие вопросы:

— Почему евреи должны держаться за землю Израиля?

— Почему евреи вызывают ненависть других смертных?

— Кто враг Израиля № 1?

А я все чаще задавал себе один и тот же нелегкий вопрос: как в Израиле раздобыть побольше денег. Столько, чтобы хватило на дорогу домой, во Францию.

Все. Иду во французское консульство.

Там меня встретила приветливая девица-еврейка, служащая консульства. Я излил ей душу и сказал, что хочу вернуться домой. Но местные власти отказали мне в заграничном паспорте. Как выяснилось, мне сначала надлежало отслужить свой срок в армии. Выброшенный израильским обществом, я должен был стать «пушечным мясом», готовым умереть за Израиль и международный сионизм.

Ну уж этого они от меня не добьются, решил я.

Снова я обратился во французское консульство, где мне предложили написать заявление об отказе от израильского гражданства и о восстановлении французского паспорта. Меня предупредили, что оформление этих документов займет немало времени.

Я нанялся рабочим в булочную и начал с утроенной энергией добиваться визы на выезд во Францию. И вот наконец пришел долгожданный ответ.

Я был свободен.

ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СИОНИЗМА В ЛИВАНЕ

Летом — осенью 1982 года мир стал свидетелем кровавой бойни, устроенной израильской военщиной в Ливане. При этом агрессор широко применял запрещенные виды оружия, разрушал города и селения, совершал акты вандализма и геноцида в отношении мирных жителей. Эти преступления стоят в одном ряду со злодеяниями нацистов, которых судил трибунал в Нюрнберге.

ЗЛОДЕЯНИЯ СИОНИСТОВ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Используя самое современное американское оружие, израильская военщина систематически уничтожала густонаселенные кварталы Бейрута. Объектами нападения стали городские больницы, школы, детские учреждения. Израильской армией уничтожена значительная часть ливанской столицы и таких городов, как Тир, Набатия и Сайда, многих других населенных пунктов, стерты с лица земли крупные лагеря палестинских беженцев. Шестьсот тысяч ливанских жителей были оставлены без крова, пищи, воды и электроэнергии. Такое преднамеренное ведение военных действий против гражданского населения, бомбардировки мирных городов и населенных пунктов представляют собой нарушение целого ряда международных актов. В их числе можно назвать Устав Международного Военного Трибунала в Нюрнберге, Дополнительный протокол от 9 июня 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв войны, резолюции 2444 (XXIII) и 2675 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН, запрещающие военные операции против мирного населения. Прекращение снабжения продовольствием, а также водой и электроэнергией гражданского насе-

ления является международным преступлением согласно статье 54 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 года, запрещающего «использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения войны».

Израильские самолеты систематически бомбили больницы, невзирая на то, что на них были вывешены флаги и эмблемы Международного Красного Креста. А сколько больных и раненых было убито прямо в госпиталях! «Мы видели раненых и больных, раздавленных израильскими танками», — свидетельствует в своем докладе работавшей в Никосии Международной комиссии по расследованию израильских преступлений группа греческих врачей и медицинских сестер. Так, при обстреле психиатрической больницы погибло 27 человек. Вопреки международным договорам доставка донорской крови и медико-фармацевтических материалов для Международного, Палестинского и Ливанского Красного Креста была запрещена израильскими оккупантами. Они обстреляли ракетами в ливанском порту Джуния западногерманское судно «М/С Флора» в момент выгрузки медикаментов, вакцин, кровяной плазмы и оборудования для больниц.

Бомбардировки госпиталей и больниц, защищенных эмблемами Красного Креста и Красного Полумесяца, являются нарушением важнейшего принципа гуманитарного права, сформулированного в ряде документов, и в том числе в Женевских конвенциях 1949 года. Следует подчеркнуть, что в XX веке были известны две армии, совершавшие подобные преступления: армия гитлеровской Германии и американская армия во Вьетнаме. Теперь таким же позором себя покрыла израильская военщина. С израильских самолетов разбрасывались шрапнельные гранаты, замаскированные под ярко раскрашенные кубики, яблоки, бананы. Их подбирали дети. Они погибали от взрывов этих дьявольских игрушек.

Американский общественный деятель Франклин Лэмб продемонстрировал Международной комиссии по расследованию преступлений Израиля в Ливане образцы широко применявшихся Израилем фосфорных и шариковых бомб, поражающих живые цели сплошным градом мелких осколков. «Мы оперировали пациентов, которые были обожжены огнем фосфорных

бомб. Шрапнель и шариковые бомбы превратили тела жертв в решето», — свидетельствуют канадские и греческие врачи, работавшие в Ливане *.

Газета «Вашингтон пост» опубликовала корреспонденцию из Бейрута о мучительных страданиях и гибели мирных жителей, ставших жертвами фосфорных бомб. Агрессоры применяли в Ливане и химическое оружие. Работавшая в бейрутском госпитале голландская медсестра Тинеки Флюх сообщила Международной комиссии, что в ее больницу доставили двух ливанцев, отравленных израильским нервно-паралитическим газом. Оба скончались от удушья. Аналогичные показания об использовании Израилем в Ливане нервно-паралитического газа дал швед Ханс-Гордон Франк.

Документально установлен факт, что около 250 гражданских лиц, в основном женщины и дети, погибли под развалинами дома, разрушенного израильтянами с помощью вакуумной бомбы американского производства. Многоэтажное здание, где находились женщины и дети — беженцы из южных районов Ливана, по свидетельству очевидцев, мгновенно превратилось в груды развалин.

Использование шариковых, кассетных, фосфорных и вакуумных бомб и снарядов, относящихся к видам оружия, вызывающего особо тяжкие страдания, запрещено Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям 1949 года. Игнорируя этот запрет, Израиль совершает международное преступление.

Действия израильских сионистов против арабского народа Палестины квалифицируются в международном праве как геноцид, как преступления против человечности. Большая часть Нюрнбергского и Токийского процессов была посвящена расследованию актов геноцида, совершенных немецкими и японскими военными преступниками. Они понесли заслуженную кару как организаторы и вдохновители массовых убийств мирного населения в годы второй мировой войны.

Наказуемость действий, составляющих преступления геноцида, была установлена Уставами международных трибуналов. Генеральная Ассамблея ООН, подтвердив 11 декабря 1946 года, что геноцид с точки

* «New Times», 1982, № 36, p. 29.

зрения международного права является преступлением, 9 декабря 1948 года одобрила текст конвенции о предупреждении и наказании преступлений геноцида. Согласно конвенции, под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо этническую, расовую или религиозную группу, такие, как убийство членов этой группы, причинение им серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение группы, меры по предотвращению деторождения и насильственная передача детей из одной этнической, расовой, национальной или религиозной группы в другую. Израильские оккупанты в самых широких масштабах совершали действия, которые подпадают под квалификацию составов геноцида, как они излагаются в статье II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Главная цель израильских руководителей состояла в уничтожении Организации освобождения Палестины и палестинского народа как исторической и этнической общности. После вывода войск ООП из Бейрута тогдашний министр обороны Израиля Ариэль Шарон отдал распоряжение о физическом уничтожении части находящихся на ливанской территории палестинцев. Чудовищная акция была совершена 16—18 сентября 1982 года в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, расположенных в пригороде Западного Бейрута. Проникшие на территорию лагерей, блокированных израильскими оккупантами, молодчики из правохристианских формирований устроили там кровавую бойню. Сотни людей были расстреляны на поле городского стадиона, превращенного в концентрационный лагерь, после чего убийцы, прочесывая улицы Сабры и Шатилы, зверски расправились с оставшимися в домах женщинами, детьми, стариками. Расстрела не избежали даже грудные дети.

Агентство Франс-пресс распространило свидетельство тринадцатилетнего палестинского мальчика Мунира о том, что в кровавой расправе участвовали и израильские солдаты. Он, в частности, рассказал: «Мы считали, что израильтяне не войдут в лагерь, а если и войдут, то никого не тронут, ведь в лагере не осталось ни одного члена отрядов Сопротивления. Однако на-

чался артобстрел лагеря, и поэтому часть жителей спустилась в укрытие. Около шести часов вечера разрывы снарядов прекратились, слышались лишь автоматные очереди. Примерно через час кто-то пробежал мимо укрытия с криком: «Они идут и всех убивают!»

Через несколько минут пришли израильские солдаты. Мужчин отделили от женщин и детей и тут же у стены расстреляли. Остальных отогнали метров на сто и оставили под присмотром нескольких охранников, сказав: «Подождите, мы сходим пообедаем».

Сразу после обеда они возвратились и стали стрелять... Меня ранило в ногу, и было очень больно. Я притворился убитым. Когда солдаты подошли к расстрелянным, один поглядел на меня и сказал: «Этот, кажется, еще жив».

Они выстрелили мне в голову два раза из пистолета. Но пули прошли мимо: одна обожгла щеку, а другая — волосы. Когда все ушли, я выполз из-под трупов, перевязал рану, взял палку чтобы опираться, и ушел из лагеря. По дороге меня несколько раз останавливали израильские солдаты, хотели убить. Но я отвечал им с ливанским акцентом и выдавал себя за ливанца. Один мне сказал: «Иди, раз ливанец. А был бы ты палестинец, мы бы тебя прикончили».

Выступая на пресс-конференции в Бейруте, глава делегации Международного Комитета Красного Креста Носеда указал, что из ста тысяч палестинцев, обитавших в лагерях беженцев в районе города Тир накануне сионистского нашествия, там осталась одна тысяча человек. Сами лагеря практически полностью уничтожены. Их обитателей оккупанты поместили в концентрационные лагеря, где подвергали их унижительному и жестокому обращению. Так, в концентрационном лагере Ансар, созданном израильянами на оккупированной территории Южного Ливана, свыше семи тысяч палестинцев систематически подвергались пыткам и издевательствам.

Жестокое обращение с попавшими в руки израильских сил палестинцами — комбатантами и гражданскими лицами является нарушением основных положений Женевской конвенции об обращении с военнопленными и Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны. В статье 13 первой из них содержится общее положение о том, что «с военно-

пленными следует всегда обращаться гуманно». Статья 147 второй из этих конвенций относит к международным преступлениям пытки или бесчеловечное обращение, преднамеренное причинение тяжелых страданий или увечий.

Нападение Израиля на Ливан квалифицируется международным правом как акт агрессии. Определение, содержащееся в резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 года, гласит: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении».

Действуя в высшей степени вероломно, израильские оккупанты многократно нарушали достигнутые договоренности о прекращении огня. Воспользовавшись прекращением огня для перегруппировки своих сил и укрепления захваченных позиций, они неоднократно без предупреждения возобновляли боевые действия. Они целенаправленно и систематически обстреливали и разрушали находящиеся в Бейруте здания дипломатических представительств (СССР, ГДР, НРБ, Франции, Алжира), которые традиционно пользуются защитой во время вооруженных конфликтов. Попырая нормы международного права, израильские войска пошли даже на захват посольств и дипломатических представительств некоторых государств.

Сразу же после вторжения в Ливан израильтяне начали осуществлять действия, направленные на то, чтобы придать оккупации необратимый характер. В захваченных районах израильские агрессоры уничтожили дорожные указатели на арабском языке, заменив их израильскими. Характерно, что именно с этого начиналось и «освоение» арабских земель, оккупированных Тель-Авивом во время агрессии 1967 года. «Израильтяне,— указывал бывший президент Ливана И. Саркис,— парализуют деятельность законных ливанских органов власти на местах и создают в Южном Ливане собственную администрацию. Они совершают нападения на казармы регулярной ливанской армии, разоружают ее части и подразделения, арестовывают

некоторых военнослужащих и депутатов ливанского парламента».

Все эти действия являются нарушением статьи 54 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны, запрещающей оккупирующей державе изменять статус должностных лиц или судей.

К числу актов вандализма, безусловно, следует отнести уничтожение израильской солдатней бесценных сокровищ и памятников мировой культуры в городах Тир, Бейрут, Сайда, Набатия. Уничтожение памятников и учреждений культуры и науки также считается международным преступлением. Об этом гласит Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов от 14 мая 1954 года и статья 53 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1949 года.

ПО ПУТИ ФАШИЗМА

В дни израильской агрессии в Ливане в мировом общественном мнении утвердились прямые аналогии между злодеяниями сионистских расистов и преступлениями германских фашистов во время второй мировой войны.

«Геноцид», «окончательное решение», «новый порядок» — терминология, воскрешающая в памяти преступные деяния нацистов, — писал Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля Меир Вильнер в дни ливанских событий. — Но ныне она употребляется применительно к политике правящих сионистских кругов Израиля. И это абсолютно правомерно. Между теми и другими при всех различиях существует несомненное родство. Оно — в оголтелом расизме, необузданной агрессивности, курсе на захват чужих земель и физическое уничтожение целых народов, в данном случае палестинского. Сходство и в стремлении добиться «окончательного решения» проблемы — на сей раз палестинской, навязать другим свой «новый порядок» — сегодня Ливану, а завтра Сирии, Иордании и т. д. Злодеяния сионистских агрессоров на ливанской земле стоят в одном ряду со зверствами фашистов в период второй мировой войны».

На своем XIX съезде (февраль 1981 года) коммунисты Израиля уделили большое внимание анализу

внутреннего и внешнего положения страны в связи с усилением угрозы фашизма в Израиле. В специальном разделе тезисов КПИ к XIX съезду подчеркивалось, что в период пребывания у власти крайне правого правительства М. Бегина усилилось наступление реакции на демократические свободы, а фашистские организации и группы, пользуясь поддержкой и покровительством правительства, заметно активизировались.

ЦК КПИ подчеркнул, что корень зла лежит в политике оккупации, территориальной экспансии и жестоком подавлении арабского народа Палестины. Коммунисты в своих съездовских документах обращали внимание всех сторонников демократии на то, что «сегодня стрелы фашизма обращены против арабского населения, против левых сил в Израиле, но завтра же эти стрелы будут, если не предпринять радикальных мер, обращены против всех недовольных политикой правительства блока Ликуд».

«Формы фашизма различны, как различны методы и пути прихода фашизма к власти,— отмечалось в документах XIX съезда КПИ.— Фашизм может подниматься к власти даже формально «законным» путем, и затем уже ликвидировать демократические свободы, партии и организации». Не случайно, что в течение 1979—1980 гг. через кнессет было проведено несколько реакционных антидемократических законодательных актов.

Одним из опаснейших шагов, увеличивающих угрозу фашистского господства, является создание вооруженных отрядов, не входящих в регулярную армию и организуемых членами экстремистской организации «Гуш-Эмуним», поселенцами на арабских землях и рядом фашистских групп. Под предлогом «местной обороны» начальник генерального штаба Р. Эйтан разрешил создание специальных военизированных отрядов поселенцев под командованием офицеров, участвующих в деятельности «Гуш-Эмуним». Эти отряды организуют погромы в городах и сельских местностях, в лагерях беженцев, в домах палестинцев на оккупированном Западном берегу Иордана.

Кровавые события лета — осени 1982 года наглядно подтвердили, что курс на агрессию и экспансию был и остается краеугольным камнем политики Израиля.

«Обратив свой взор на Север, мы видим плодородные низменности Сирии и Ливана... на востоке раскинулись богатые долины Евфрата и Тигра... и нефть Ирака, на западе — страна египтян. У нас не будет возможностей для развития, пока мы не решим наши территориальные проблемы с позиции силы, пока не вынудим арабов к полному послушанию...» — эти слова принадлежат Менахему Бегину, премьер-министру Израиля. А вот «программа» «палача Бейрута» бывшего министра обороны Израиля генерала Ариэля Шарона: «Израильские стратегические интересы не ограничиваются арабскими странами Ближнего Востока, районом Средиземноморья и Красного моря. Ради обеспечения безопасности в 80-х годах они должны распространиться на такие страны, как Турция, Иран, Пакистан, на такие районы, как Персидский залив и Африка, в частности на страны Северной и Центральной Африки».

Комментарии, как говорится, излишни.

Преступную практику вдохновляет и стимулирует преступная идеология. Каковы же «идеи», подвигающие сионистов на чудовищные злодеяния? Это — официальная идеология сионистского государства, это «священные» книги иудаизма, на изучение которых в школах Израиля каждый учащийся затрачивает от 248 до полутора тысяч часов. Власти Израиля создали специальный департамент по пропаганде и распространению в общегосударственном масштабе Торы, Талмуда и прочих «идеологических пособий» сионистов. На их основе формируется мировоззрение «истинного сиониста», который должен с детства заучивать содержащиеся в них человеконенавистнические наставления.

Прогрессивный общественный деятель Израиля Боаз Эврой выражал глубокое беспокойство по поводу фашизации сионистского государства: «Право, которое присваивает себе одна этническая группа, — прогнать со своей земли, а если будет «необходимо», то и убить, представителей другой этнической группы, чтобы получить больше места для себя, — очень напоминает политику «лебернсraum» (жизненного пространства), которую проводили немцы по отношению к славянским народам Востока, считаясь только со своим личным «священным интересом». Эта политика, как известно,

дошла до своего ужасного апогея в период нацистского режима».

Страшную картину разложения социального сознания в израильском государстве вскрывают результаты опросов общественного мнения. В 1970 году на вопрос об отношении к полному уничтожению арабских жилищ на захваченных территориях 86% интервьюируемых ответили, что им это безразлично (хотя, как показал опыт второй мировой войны, равнодушие — тоже преступление), и только 7% высказались отрицательно. Спустя десять лет, в 1980 году, в Израиле был вновь проведен аналогичный опрос. И вновь повторились те же результаты. Таковы плоды внедрения сионистской идеологии.

ВАШИНГТОН — СОУЧАСТНИК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Агрессию, геноцид и военные преступления Израиль осуществил в Ливане при участии Соединенных Штатов Америки. Израильский министр М. Зипори прямо заявил в дни агрессии: «Никогда еще Израиль не получал от Соединенных Штатов такую поддержку, как сейчас». Бывший министр обороны Израиля генерал Шарон в интервью, опубликованном журналом «Штерн», рассказал об одобрении Вашингтоном нападения на Ливан: «С сентября 1981 года я обсуждал с ними возможность подобной операции. В частности, я обсуждал этот вопрос с министром обороны Уайнбергером. Я предупреждал их: «Не делайте вид, будто вы потрясены, когда мы это сделаем».

Шарон признал, что он обсуждал операцию по массовому уничтожению беженцев в Сабре и Шатиле с находившимся в то время в Бейруте заместителем помощника государственного секретаря США М. Дрейпером, практически давшим ей «зеленый свет». Израильский министр иностранных дел Шамир в интервью американскому радио заявил, что вооруженное вторжение в Ливан было предпринято «с полного согласия и понимания США».

Посетивший Бейрут американский религиозный деятель Дж. Бейди так отозвался о позиции официального Вашингтона в ливанском конфликте: «Мы потря-

сены поведением руководителей нашей страны, которые хранят молчание в то время, когда продолжается эта бойня. Они осуждают нарушение гражданских прав где угодно, но тем не менее слепо потворствуют кровавому нападению Израиля на Ливан — его города, селения, людей, обитателей незащищенных палестинских лагерей».

«Израильские захватчики, — говорилось в обращении Исполкома ООП к мировой общественности, — устроили кровавую бойню в лагерях беженцев Сабра и Шатила несмотря на то, что США через своего эмиссара Хабиба дали письменные гарантии безопасности и неприкосновенности жителей столицы и палестинских беженцев в Западном Бейруте после вывода оттуда палестинских бойцов. Таким образом, речь идет о прямой и полной ответственности Соединенных Штатов за кровавую резню».

«Если бы не поддержка Вашингтона, — подчеркивалось в Заявлении ТАСС, — Израиль не решился бы на подобные зверства. Это, по сути дела, плоды стратегического сотрудничества между США и Израилем, закрепить которое пытаются с помощью так называемого плана Рейгана, продолжения политики Кэмп-Дэвида. Реки крови и горы трупов в палестинских лагерях Бейрута — вот цена гарантиям, которые давал Вашингтон, обещая безопасность жителям Бейрута после ухода оттуда отрядов Палестинского движения сопротивления».

Из 567 боевых самолетов, которые находились на вооружении израильской армии перед вторжением в Ливан, 457 — американские, приобретенные на займы или безвозмездные субсидии Соединенных Штатов, а 80 самолетов «Кфир» израильского производства оснащены американскими двигателями. За несколько месяцев до начала израильского вторжения Пентагон резко усилил поставку Тель-Авиву наступательных видов оружия. В первом квартале 1982 года объем поставок американского оружия в Израиль составил 217 миллионов 695 тысяч долларов. И уже после израильской оккупации Ливана Соединенные Штаты предоставили Тель-Авиву вооружения и боеприпасов на полтора миллиарда долларов.

Другой формой американо-израильского альянса является экономическое содействие Израилю путем

предоставления помощи и займов. С 1951 года Тель-Авив получил от Соединенных Штатов кредиты на сумму 28 миллиардов долларов.

США оказывали и оказывают прямую поддержку израильской агрессии в политическом и дипломатическом плане. Так, например, в Совете Безопасности ООН Соединенные Штаты наложили вето на все резолюции, требующие отвода израильских сил. Соединенные Штаты отказались также голосовать за резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающую израильскую агрессию.

В своем выступлении в сенате, «почти не замеченном» американской печатью, сенатор Абурезк в свое время сказал:

«Если мы в Соединенных Штатах предоставляем истребители «Фантом», ракеты, напалм и шариковые бомбы для израильских самолетов, которые бомбят и убивают в Южном Ливане, то мы и должны отвечать за смерти, являющиеся результатом того, что я считаю официальными террористическими действиями израильского правительства».

Для того чтобы эффективнее использовать в своих интересах политические структуры и экономический потенциал Соединенных Штатов, сионистский капитал установил прочный контроль над американскими средствами массовой информации. Помимо собственно сионистских органов печати в Америке (140 газет общим тиражом 4 миллиона экземпляров, журналы «Хадасса», «Джуиш пресс», «Нэшнл джуиш мансли» и др.), сионисты контролируют 70 процентов общенациональных периодических изданий США, 80 процентов всех телевизионных программ. Кинопромышленность, радио, эстрада, клубы, театры — то, что в значительной степени влияет на общественное сознание, — находятся под преобладающим влиянием сионистов.

Во время агрессии против Ливана сионистская пропаганда в США и в других западных странах стремилась к нейтрализации разоблачительных выступлений в связи с вопиющими злодеяниями сионистской военщины. На страницах ведущих органов буржуазной печати, по телевидению и радио просионистские и сионистские авторы вели произраильскую и антипалестинскую, антиарабскую кампанию. Бойцов Палестинского сопротивления они характеризовали как

террористов, на которых не распространяются никакие нормы международного права. Общественности внушали, что Израиль озабочен всего лишь ликвидацией неких групп, «нарушающих его безопасность», а карательные операции объяснялись... стремлением к миру на Ближнем Востоке.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — ЗА МИР НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

С первого дня израильского вторжения в Ливан Советский Союз оказывал его жертвам разностороннюю поддержку и помощь.

Всеми способами наша страна выражала свою солидарность с палестинцами и ливанцами, решительно осуждала сионистские преступления и требовала пресечь блокаду Бейрута. Советский Фонд Мира, Советский Комитет солидарности стран Азии и Африки, Комитет молодежных организаций, Комитет советских женщин, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ посылали для населения Ливанской республики и палестинских беженцев медикаменты, перевязочные материалы, палатки, одежду, обувь, продукты и т. п. Из Москвы в Сирию был отправлен специальный медицинский отряд для помощи раненым во время осады. Часть из них принята в СССР на лечение.

В дни агрессии сионистов в Ливане Советский Союз выступил с новой программой установления мира на Ближнем Востоке.

Сформулированные в ней шесть принципов ближневосточного урегулирования представляют собой детализацию и развитие твердой и последовательной позиции СССР по Ближнему Востоку, выдвинутой на XXVI съезде КПСС.

Первый пункт программы гласит, что границы между Израилем и его арабскими соседями должны быть объявлены нерушимыми, то есть непроходимыми барьерами для израильских экспансионистов. Это в первую очередь значит, что агрессор должен полностью и без всяких условий убрать со всех оккупированных им с 1967 года территорий — Западного берега реки Иордан и сектора Газа, принадлежащих Сирии Голанских высот, ливанских земель. Это требование прямо соответствует резолюциям Совета Безопас-

ности ООН № 242 от 22 ноября 1967 года и № 338 от 23 октября 1973 года, а также принятым в июне 1982 года резолюциям Совета Безопасности № 508 и № 509. В этих резолюциях речь идет о ликвидации последствий израильской агрессии 1967 и 1982 годов.

Вторым необходимым условием ближневосточного урегулирования, согласно советской программе, является обеспечение на практике неотъемлемого права арабского народа Палестины на самоопределение, на создание собственного независимого государства на палестинских землях, которые будут освобождены от израильской оккупации. Это условие также основывается на конкретных решениях ООН, и прежде всего на ее решении № 181 (II) от 1947 года о создании в Палестине двух суверенных государств — арабского и еврейского. 22 ноября 1974 года Генеральная Ассамблея одобрила резолюцию № 3236, в которой она подтвердила законные права арабского народа Палестины, включая право на самоопределение без внешнего вмешательства и право на национальную независимость и суверенитет, требование палестинцев на возвращение к своим очагам, откуда они были изгнаны.

Советская программа конкретно предусматривает создание независимого государства палестинцев на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, освобождение которых предполагается в рамках ликвидации последствий израильской агрессии 1967 года. Само собой разумеется, что точные линии границ арабского палестинского государства должны быть определены на переговорах с участием всех заинтересованных сторон. Все это соответствует провозглашенному в июне 1974 года на XII сессии Палестинского национального совета и подтвержденному на последующих его сессиях принципу установления палестинской национальной власти на любой части палестинских земель, которые будут освобождаться от израильской оккупации.

Советская программа предусматривает, что Восточный Иерусалим, оккупированный Израилем в 1967 году, должен быть возвращен арабам и стать неотъемлемой частью палестинского государства. Советский Союз всегда исходил из того, что Восточный Иерусалим является частью Западного берега Иордана и должен быть оставлен израильскими оккупантами. Советский

Союз решительно осуждает политику «иудаизации» восточной части «священного города», произвол израильских властей в отношении проживающих здесь арабов — как мусульман, так и христиан. Постоянный представитель СССР при ООН выступил за применение санкций в соответствии с главой 7 Устава ООН против Израиля в связи с принятием кнессетом в 1980 году так называемого основного закона, провозгласившего Иерусалим «вечной и неделимой столицей» израильского государства.

Советский Союз считает, что во всем Иерусалиме должна быть обеспечена свобода доступа верующих к почитаемым местам трех религий. Как известно, этому препятствует Израиль.

В советском плане (пункты 4 и 5) говорится о необходимости обеспечения права всех государств Ближнего Востока, включая палестинское государство, на безопасное и независимое существование и развитие, о прекращении состояния войны и установления мира между арабскими государствами и Израилем. При этом подчеркивается, что нельзя обеспечить безопасность одних, попирая безопасность других. В этом вопросе должна соблюдаться полная взаимность. Израиль не может требовать односторонних выгод, пренебрегая законными интересами арабских стран. Однако на протяжении всех лет своего существования Израиль под предлогом обеспечения «безопасности» расширял территориальные владения за счет арабских соседей. Под этим же предлогом он систематически создавал на оккупированных арабских землях аванпосты, военизированные поселения, проводя политику «ползучей аннексии».

Шестой пункт советского плана поднимает вопрос о международных гарантиях ближневосточного урегулирования. В то время как Вашингтон, следующий курсом Кэмп-Дэвида, видит единственным «миротворцем» и гарантом мира на Ближнем Востоке себя (трагические события в Ливане показывают, к чему ведет такая политика), Советский Союз выступает за то, чтобы мирное урегулирование в этом регионе гарантировали постоянные члены Совета Безопасности ООН или же Совет Безопасности в целом.

Именно такой путь урегулирования имеет в виду выдвинутое на XXVI съезде КПСС советское предло-

жение о созыве международной конференции по Ближнему Востоку. Наряду с другими заинтересованными сторонами в этой конференции, во всех коллективных усилиях, направленных на достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, должна участвовать Организация освобождения Палестины — единственный законный представитель арабского палестинского народа. Неизменность позиции Советского Союза была ярко продемонстрирована во время визита палестинской делегации во главе с Председателем Исполкома ООП Ясиром Арафатом в Москву в январе 1983 года. В советско-палестинском коммюнике, опубликованном по окончании визита, сообщалось, что в ходе двусторонних переговоров был проведен обмен мнениями по широкому кругу вопросов, касающихся поисков путей всеобъемлющего урегулирования кризиса и решения палестинской проблемы.

В интервью корреспонденту газеты «Правда» Ясир Арафат отметил, что в Москве «делегации ООП был оказан исключительно теплый прием». «Наши встречи в Москве, — сказал он, — прошли в обстановке откровенности, полного взаимопонимания, были конструктивными и деловыми. В ходе переговоров намечены конкретные шаги в направлении развития двусторонних советско-палестинских отношений и укрепления уз сотрудничества и дружбы. Советские руководители вновь подтвердили свою решимость добиваться восстановления мира в этом взрывоопасном регионе».

На фоне искренних миролюбивых усилий СССР и ряда других государств особенно неприглядно выглядит позиция Вашингтона и его союзников, стремящихся любыми средствами задуть справедливую борьбу арабского народа Палестины и решить в пользу Израиля все существующие на Ближнем Востоке проблемы. Активную роль в этом играет международный сионизм, под покровительством которого выпестованы политические и военные кадры правящего режима Израиля, ставшего символом агрессии, экспансии и расизма.

*Е. ЕВСЕЕВ, член Президиума
Советского Комитета дружбы
и солидарности с арабским народом
Палестины*

От издательства	3
---------------------------	---

Раздел I ПО ПУТИ АГРЕССИИ И ГЕНОЦИДА 5

Разорвать порочный круг кровопролитий. <i>М. Вильнер</i> .	6
Израиль ставит на войну («Шпигель»)	23
Река Литани манит к себе. <i>Т. Стауффер</i> («Мидл ист интернэшнл»)	28
Откровения «палача Бейрута» («Штерн»)	32
Белый дом одобрил агрессию («Крисчен сайенс мо- нитор»)	36
Секретные планы Израиля («Африк-Ази»)	37
Интервью израильского публициста Г. Лебрехта («Тат») .	43

Раздел II СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ ТРАГЕДИИ 49

Международная комиссия по расследованию преступ- лений Израиля против ливанского и палестинского народов	50
78 дней Бейрута. <i>Т. Наджи</i>	64
Они не щадят никого. <i>Фаиз Ахмад Фаиз</i>	66
Футбол в Ливане-82. <i>А. Салим</i>	69
Репортаж из осажденного Бейрута. <i>А. Ваз</i> («Юманите») .	73
Бомбы против мирных жителей («Мидл ист»)	75
Жертвы геноцида — дети («Ньюсуик»)	76
Бесчинства агрессора («Пиплз уорлд»)	78
В израильском плену. <i>Р. Сэй</i> («Мидл ист интернэшнл») .	80
Врачи обвиняют. <i>П. Макдоннэл</i> («Мидл ист»)	83

Раздел III

СИОНИЗМ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

89

Опасность фашизма в Израиле	90
«Фабриканты смерти» из Тель-Авива. <i>И. Шахак</i> («Зо Гадерех»)	98
Пять лет в израильских застенках. <i>К. Барг</i> («Штерн»)	102
Письмо из сионистского ада («Аль-Иттихад»)	108
Израильская одиссея Меира Лански. <i>Ж. Дерожи</i>	112
Сионизм крупным планом. <i>С. Ловиш</i>	122
Мои злоключения в Израиле. <i>К. Грундман</i>	158
Положить конец преступлениям сионизма в Ливане. <i>Е. Евсеев</i>	174

Сионизм — правда и вымыслы

Выпуск 3

ИБ № 10121

Редактор И. В. Тимофеев

Художник В. В. Еремин

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технический редактор М. Г. Акколаева

Корректор Г. А. Локшина

Сдано в набор 07.12.82. Подписано в печать 14.04.83. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Условн. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,29. Уч.-изд. л. 9,39. Тираж 50 000 экз.
Заказ 448. Цена 65 к. Изд. № 35204.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.